

Выпуск № 1, 2024

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2024. Вып. 1

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полювянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2024. Issue 1

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)

G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)

N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)

D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)

A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)

F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)

R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)

D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)

C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)

A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)

Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)

Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be
found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Бегишева О.С.** Сравнительный анализ переводов стихотворения “An Irish Airman Foresees His Death” У.Б. Йейтса с точки зрения теории М.Ю. Лотмана о семантической соотнесенности элементов поэтического текста 5
- Гавриков В.А., Изотов В.П.** Опыт классификации языковых и речевых «двусмысленностей» у Владимира Высоцкого 16
- Гуров О.Н.** Технологии. Телесность. Будущее: рефлексия Д. Кроненберга в кинофильме «Преступления будущего» 28
- Копытова Е.А.** Специфика пьес Л.В. Гарелиной: жанр, тематика, принцип изображения персонажей 40
- Морозова И.В.** Расовая и гендерная проблема в повествовании о жизни Харриет Табмен в книге С. Брэдфорд «Харриет, Моисей своего народа» 50

Языкознание

- Моравидж А.О.** Особенности мелиоративных оценочных номинаций британской королевы 59
- Привалова Д.В.** Современная картина англоязычной лексикографии на материале словарей новых слов 69
- Хабибуллина Л.Г.** Каузальные отношения между компонентами бессоюзных сложносочиненных предложений в татарском языке 79

История

- Евсеев В.А.** Проблемный союз. К вопросу о внешней политике Англии по отношению к Швеции в эпоху двух войн: за Испанское наследство и Великой Северной войны 84
- Смирнова О.А., Шпиговская М.В.** Деятельность Франции по борьбе с терроризмом в Сахаро-Сахельском районе 97
- Ляпанов А.В.** Влияние государственной политики Российской империи на социальную мобильность (на примере государственных крестьян Владимирского наместничества (1778—1796 гг.)) 106
- Ильин Ю.А.** Усилия властей, представителей бывшего Рижского политехнического института и общественности текстильного края по принятию совместного решения о необходимости учреждения высшей технической школы в Иваново-Вознесенске (весна 1918 г.) 116
- Ревякина Н.В., Тюленев В.М.** Из писем К.Д. Авдеевой к Н.В. Ревякиной (вступительная статья, публикация) 131

Философия

- Петряков Л.Д.** Метаонтология как лево-философия 141
- Тайсина Э.А.** Философские способы описания мировоззрения эпохи эллинизма: пять картин 149
- Брагин А.В.** Ноосфера как эмерджентное свойство биосферы в ее синергии с историческими формами развития человечества 160
- Коромыслов В.В.** Мудрость как инструмент для достижения оптимальных результатов экономической деятельности 168
- Смирнов Д.Г., Шаповалова А.С.** Умная сила России: логико-понятийный дискурс 178

Рецензии

- Денисов К.М., Карпова О.М.** Язык как магический кристалл восприятия мира и человека. *Рец. на коллективную монографию: Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 5 / отв. ред. А.В. Иванов. Москва: Флинта. 2023. 327 с.* 185
- Исаков А.А., Грубов В.И.** Образование в дореволюционном уездном городе: публикация архивных документов. *Рец. на кн.: Учебные заведения г. Арзамаса в XIX — начале XX века: сборник документов / сост. Н.С. Кондратьева, А.Н. Кузьмина, И.Г. Потороева. Нижний Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2021. 492 с.* 191

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Begisheva O.S.** Comparative analysis of the poem “An Irish Airman Foresees His Death” by W.B. Yeats translations in the light of M.Y. Lotman’s theory of a poetic text elements semantic correlation 5
- Gavrikov V.A., Izotov V.P.** The experience of the classification of linguistic and speech “Ambiguities” in the poetry of Vladimir Vysotsky 16
- Gurov O.N.** Technologies. Corporeality. Future: Reflections of D. Cronenberg in the movie “Crimes of the future” 28
- Kopytova E.A.** The specifics of L.V. Garelina's plays: genre, subject matter, the principle of portraying characters 40
- Morozova I.V.** Race and Gender problem in The Narration of Harriet Tubman life in “Harriet, the Moses of Her People” by S. Bradford 50

Linguistics

- Moravidzh A.O.** Peculiarities of meliorative evaluative nominations of the british queen 59
- Privalova D.V.** Modern picture of English lexicography on the material of dictionaries of new words 69
- Habibullina L.G.** Causal relations between the components of non-union compound sentences in the Tatar language 79

History

- Evseev V.A.** The problematic alliance. On the question of England's foreign policy towards Sweden in the era of two wars: for the “Spanish Succession” and the “Great Northern War” 84
- Smirnova O.A., Shpigovskaya M.V.** Counter-terrorism activity of France in the Sahel Region 97
- Lyapanov A.V.** The influence of the state policy of the Russian Empire on social mobility (on the example of the state peasants of the Vladimir Viceroyalty (1778—1796)) 106
- Ilyin Yu.A.** Efforts of the authorities, representatives of the b. FIR and the public of the textile region to make a joint decision on the need to establish a higher technical school in Ivanovo-Voznesensk (spring 1918) 116
- Revyakina N.V., Tyulenev V.M.** From the Letters of K.D. Avdeeva to N.V. Revyakina (Introductory article, publication) 131

Philosophy

- Petryakov L.G.** Meta-Ontology as a lego philosophy 141
- Tajsina E.A.** Philosophical ways of describing the worldview of the Hellenistic era: five paintings 149
- Bragin A.V.** Noosphere as emergency characteristic biosphere in its synergies with history forms of the development mankind 160
- Koromyslov V.V.** Wisdom as a tool for achieving optimal results of economic activity 168
- Smirnov D.G., Shapovalova A.S.** Intelligent power of Russia: logical and conceptual discourse 178

Reviews

- Denisov K.M., Karpova O.M.** Language as a magic crystal of perception of the world and man. *Book Review: Modern Germanic Philology and Western-European Literature. Iss. 5, ed. by A.V. Ivanov, Moscow, 2023, 327 p.* 185
- Isakov A.A., Grubov V.I.** Education in a pre-revolutionary county city: publication of archived documents. *Book Review: Educational institutions of Arzamas in the XIX — early XX century: a collection of documents, comp. by N.S. Kondratieva, A.N. Kuzmina, I.G. Potoroeva, Nizhny Novgorod: The Central archive of the Nizhny Novgorod region, 2021. 492 p.* 191

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 5—15.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 5—15.

Научная статья

УДК 81'255.2:82.09-1

DOI: 10.46726/И.2024.1.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ “AN IRISH AIRMAN FORESEES HIS DEATH” У.Б. ЙЕЙТСА В СВЕТЕ ТЕОРИИ М.Ю. ЛОТМАНА О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СООТНЕСЕННОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Ольга Сергеевна Бегишева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, bos1995@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме сравнительного анализа переводов лирического произведения с учетом взглядов М.Ю. Лотмана на поэтический текст как комплекс взаимосвязанных семантических компонентов, обретающих значимость в смысловом пространстве только в своей совокупности. Согласно убеждениям ученого, каждый элемент художественного текста приобретает «вторичное», «надъязыковое» значение только будучи связанным с другим, который, вступая в отношения с первым, таким образом «означивает» его, придавая нетипичные для обыденного употребления в речи смыслы. Природа такого взаимодействия обозначена М.Ю. Лотманом как «параллелизм», и под этим термином он подразумевает весь комплекс сложных и порой не до конца проясненных семантических связей, обеспечивающих смысловую цельность и «спаянность» поэтического текста. Попытка проанализировать художественный текст и его перевод на предмет наличия подобных связей позволит с опорой на конкретный языковой материал прийти к объективному выводу о том, кто из переводчиков оказался ближе к автору оригинального текста, а также выявить особенности работы над текстом перевода, проследить влияние существующей литературной традиции на восприятие переводчиком поэтического произведения и процесс его создания на русском языке.

Ключевые слова: художественный перевод, перевод поэтического текста, семантическая соотнесенность языковых единиц, структурно эквивалентные позиции, литературная традиция

Для цитирования: Бегишева О.С. Сравнительный анализ переводов стихотворения “An Irish Airman Foresees His Death” У.Б. Йейтса с точки зрения теории М.Ю. Лотмана о семантической соотнесенности элементов поэтического текста // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 5—15.

Уильям Батлер Йейтс, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1923 год, известен русскому читателю как выдающийся мастер лирического и драматического жанра, исследователь кельтского фольклора и издатель антологии ирландских баллад. Увлеченный мифами и легендами родной Ирландии, в своем творчестве во время Первой мировой он редко обращался к теме войны, предпочитая обходить ее молчанием. Однако он сделал исключение для своего друга и патронессы леди Огасты Грегори, попросившей поэта в 1919 году написать стихотворение на смерть ее сына — летчика, одного из первых асов Королевского летного корпуса Роберта Грегори [Зайков].

В 1977 году это стихотворение на русском языке опубликовал А. Сергеев, и вплоть до сегодняшнего времени его текст оставался практически единственным переводом данного произведения, доступным русскоязычному читателю. С началом эпохи бурного развития информационных технологий, на волне вспыхнувшего интереса к неоромантизму стихотворение У.Б. Йейтса вновь оказалось в центре внимания широкой читательской аудитории.

В рамках данного исследования мы рассмотрим перевод А. Сергеева и современный текст П. Зайкова, написанный в 2022 году и опубликованный в журнале «Иностранная литература».

Прежде всего обратимся к анализу оригинального текста:

An Irish Airman Foresees His Death

I know that I shall meet my fate
Somewhere among the clouds above;
Those that I fight I do not hate
Those that I guard I do not love;

My country is Kiltartan Cross,
My countrymen Kiltartan's poor,
No likely end could bring them loss
Or leave them happier than before.

Nor law, nor duty bade me fight,
Nor public man, nor cheering crowds,
A lonely impulse of delight
Drove to this tumult in the clouds;

I balanced all, brought all to mind,
The years to come seemed waste of breath,
A waste of breath the years behind
In balance with this life, this death [Йейтс 2022a].

Все стихотворение представляет собой внутренний монолог лирического героя, его своеобразную исповедь в роковую минуту перед гибелью.

Смысловые компоненты «описание ситуации со стороны» (заголовок) и «внутренний мир лирического героя за секунду до смерти» (текст произведения) одновременно едины и противопоставлены друг другу как разные стороны одного явления. За счет этого создается эмоциональное напряжение между частями текста, которое будет нарастать по мере приближения к финалу.

Вопрос о том, какие именно критерии должны быть положены в основу сравнительного изучения оригинального и переводного текстов, играет существенную роль в переводоведении и истории литературы. Относительно поэзии мы полагаем возможным рассмотреть произведение и его перевод с точки зрения их «сверхязыковой структуры» (термин М.Ю. Лотмана), то есть особенностей семантической соотнесенности лексических единиц между собой. Подобный подход позволит выявить наиболее существенные аспекты оригинала и перевода и сопоставить их между собой на предмет соответствия либо несоответствия друг другу.

Но прежде чем перейти непосредственно к анализу организации произведения, необходимо выявить ее основные структурные элементы. В неоднородном по своему составу пространственном континууме текста все смысловые компоненты вступают между собой в определенные связи. По убеждению Ю.М. Лотмана, ««связанность» слова в поэтическом тексте выражается в том, что слово оказывается соотнесенным с другими словами, поставленными в параллельное положение к нему. Если контекстные связи естественного языка определяются механизмом грамматического соединения слов в синтагмы, то основным механизмом поэтического языка будет параллелизм. Разные слова оказываются в положении эквивалентности, благодаря чему между ними возникает сложная семантическая соотнесенность... втягиваясь в сверхязыковые структуры, лексические единицы оказываются в положении своеобразных местоимений, получающих значение от соотношения со всей вторичной системой семантических значений. Слова, которые в системе языка взаимно изолированы, попадая в структурно эквивалентные позиции, оказываются функционально синонимами или антонимами друг другу. Это раскрывает в них такие семантические дифференциаторы, которые не обнаруживаются в их смысловой структуре в системе естественного языка» [Лотман: 210].

Иными словами, основные структурные элементы, между которыми возникает сложная семантическая соотнесенность, в ряде случаев выступающая в качестве основного организующего компонента внутритекстового пространства, занимают структурно эквивалентные (параллельные) позиции относительно друг друга. На основе выявления таких компонентов и анализа природы семантических связей между ними можно прийти к предварительным выводам об особенностях поэтической организации оригинального и переводного текста.

Один из возможных вариантов интерпретации поэтической структуры стихотворения У.Б. Йейтса — метафора свободного падения, при котором силы, действующие на тело, взаимоуравниваются и возникает состояние невесомости. Три строфы стихотворения представляют собой взаимоуравненное противоборство противоположных сил в различных плоскостях

В первой строфе во взаимноэквивалентных позициях находятся последние два стиха, построенные по принципу синтаксического параллелизма:

Those that I fight I do not hate
Those that I guard I do not love.

Художественный эффект в данном случае достигается за счет разрушения закрепленных в естественном языковом дискурсе смысловых связей “fight — hate” и “guard — love”, кодирующих устойчивые моральные нормы поведения человека на войне. Об особой роли элементов “hate” и “love” в организации текстового пространства свидетельствует не только их принадлежность к разряду эмотивных лексем, обозначающих разнополярные состояния внутреннего мира человека, но и их структурное положение в самом конце стихов. На фоне смыслового противостояния этих глаголов элементы “fate” и “clouds above”, завершающие первые два стиха, за счет заключенного в них семантического потенциала (в первом случае это — «судьба, что довлеет над человеком», во втором — «путь вверх, к небу»), по аналогии вступают в антонимичные отношения. Таким образом усиливая друг друга, основные структурные элементы “hate — love — fate — clouds above” организуют пространство по вертикали. Так как в основе значений данных элементов лежит мотив движения, их можно условно представить в виде противоположно направленных векторов, лежащих на одной прямой: понятие “fate”, рока, судьбы, довлеющей над человеком, противопоставит образ облаков, неба — “clouds above”; низкое чувство ненависти (hate) сталкивается с высоким — любовью (love). Система разнонаправленных векторов достигает равновесия за счет разрушения автором привычных логических цепочек: вместо единства понятий fight — hate и guard — love в тексте мы видим отрицание второго элемента (“Those that I fight I do not hate // Those that I guard I do not love”). В результате происходит рассредоточение эмоциональной силы высказывания и оба компонента уравниваются между собой в точке своего столкновения, что символизирует освобождение лирического героя от чувств и эмоций.

Во второй строфе в структурно эквивалентную позицию относительно друг друга организованы первый и второй стих:

My country is Kiltartan Cross,
My countrymen Kiltartan’s poor.

В этом случае, так же, как и в предыдущем, организующим началом выступает синтаксический параллелизм (автор прибегает к пропуску глагола to be в третьем лице множественного числа во втором стихе в целях сохранения ритма). Использование одинаковых слов (My, country, Kiltartan), а также фонетическое сходство между разнящимися понятиями «сдвигает» фокус внимания читающего с лексических единиц на саму синтаксическую структуру: они «выступают в своей монотонности как фон, на котором отчетливее выделяются синтаксико-интонационные различия предложений как “основание для сравнения”» [Лотман: 225]. В результате основным носителем смысла, организующим внутритекстовое пространство, выступает не совокупность лексических значений слов, а воспринимаемая на их фоне синтаксическая конструкция.

Особенностью ее является четкое соединение двух равнозначных компонентов, организованных зеркально относительно друг друга. Своеобразной гранью между ними выступает цезура: “My country is / Kiltartan Cross, // My countrymen / Kiltartan’s poor”. Подобная структура из двух компонентов характерна и для последнего предложения строфы: “No likely end could bring them loss // Or leave them happier than before”. Симметрично расположенные по разные стороны от союза “or” (или), контекстуальные антонимы “bring them loss” (привести к потерям) и “leave them happier” (осчастливить) подчеркивают пространственную конфигурацию текста в виде прямой, разделенной на две

равные части. Ее горизонтальная ориентация обусловлена обращением лирического героя к своим землякам, с которыми он осознает свое равенство. Вводя в структуру предлог “before” (до), поэт способствует реализации заложенного в данной структуре потенциала временной шкалы. Сопоставляя временные отрезки «до» и «после» условной точки, соответствующей времени его жизни, лирический герой приходит к неутешительному выводу, что жизнь ирландского народа и в будущем останется такой же, какой и была.

В третьей строфе в качестве организующей выступает оппозиция “law”, “duty”, “public man”, “cheering crowds” — “a lonely impulse of delight”. Ее параллельные (взаимозэквивалентные) компоненты образуют структуру, в которой один элемент обретает значимость только во взаимосвязи с другим. Антонимичные отношения подчеркнуты противопоставлением множества и единичности, яркая грань между ними — аффикс -s, обозначающий множественное число имени существительного, и неопределенный артикль “a”, восходящий к числительному “one”. С точки зрения смысла в первых двух стихах представлены атрибуты мира внешнего по отношению к лирическому герою. Ему противопоставит душевный порыв, свойственный сильной личности, преодолевающей ограниченность обывательского жизненного уклада. То, что момент наибольшей напряженности приходится на третий стих, обусловлен в том числе резкой сменой ритма за счет использования автором полноценной фразы, укладываемой в рамки целой строки, на фоне единообразного ряда однородных членов. Таким образом, можно говорить о третьей «прямой», вдоль которой организованы «векторы» сил внешнего мира и противодействующего им «душевного порыва» лирического героя, который оказывается сильнее обстоятельств. В этом также находит отражение и романтический прецедент противостояния гения и толпы.

И наконец, в четвертой строфе происходит взаимоуравнивание сил: все они сходятся в одну точку — летчика за штурвалом за мгновение до смерти. Наступает момент невесомости, момент освобождения от всего, что свойственно земной жизни во всех трех ее измерениях: “I balanced all”. Время теряет свою ценность: “The years to come seemed waste of breath, // A waste of breath the years behind”, в последней строке жизнь и смерть уравниваются — “In balance with this life, this death”. Этим достигается максимальное эмоциональное напряжение, необходимое для преодоления всех навязываемых жизнью систем координат, и обретение лирическим героем окончательной свободы.

Несмотря на то, что переводчиками сохраняется внешняя композиция произведения, семантическая соотнесенность элементов стиха претерпевает значительные изменения. Они связаны с принципиально иным прочтением художественного текста и предполагают значительную трансформацию смысловых компонентов. Обратимся к переводу А. Сергеева:

Летчик-ирландец предвидит свою гибель

Я знаю, что с судьбою вдруг
Я встречу в облаках.
Защитник тех, кому не друг,
Противник тех, кому не враг.

Ничья победа на войне
Не разорит и не спасет
В моей килтартанской стране
Нагой килтартанский народ.

Не долг, не родины призыв,
 Не иступленный черни рев —
 Минутной вольности порыв
 Бросает в бой меж облаков.

Я взвесил все и рассудил,
 Что мне отныне не сумею
 Бесцельно жить, как прежде жил,
 Какая жизнь — такая смерть [Йейте 2022с].

В первой строфе основные структурные элементы сосредоточены в последних двух стихах. Об этом мы можем судить исходя из того, что структурно эквивалентные позиции между ними созданы за счет параллельных синтаксических конструкций. В качестве единиц, между которыми должна возникать максимальная эмоциональная напряженность, выступают антонимы «защитник — противник», «друг — враг». Следует отметить, что замены оригинальных глаголов, обладающих сильной эмотивной коннотацией, на гораздо более нейтральную лексику, а также выбора переводчиком устойчивых антонимичных пар оказывается недостаточно для создания художественного эффекта, подобного оригинальному. Кроме того, пытаясь сохранить структуру фраз, переводчик прибегает к антонимам, которые равноправны в семантическом отношении и в своем значении содержат сему «движение в горизонтальном направлении», а также снижает активный потенциал этих элементов: заменяет глаголы существительными («защитник — противник»). В результате в предложениях первой строфы отсутствует внутреннее единство, а смысловая соотношенность элементов оказывается потерянной.

Вторая строфа характеризуется наличием контекстуальных антонимов («разорит — спасет») и повтором слова «килтартанский» в последних двух стихах. Переводчик поменял местами характеристику народа и гипотетическое описание его будущего, отказался от параллельных конструкций в пользу однородных сказуемых и уточняющих определений. В результате строфа претерпела значительные трансформации: вместо трех самостоятельных фраз в переводе представлено одно полноценное предложение. Комплекс основных идей оказался сведенным к одной мысли о тщетности приносимой летчиком жертвы и абсурдности войны в целом. Можно отметить, что, несмотря на практически дословный перевод, смыслы оригинала находятся как бы в «зачаточном» состоянии и не могут вступить в «полноценную связь» с другими компонентами, чтобы полностью реализовать заключенный в себе и в них потенциал. Например, в оригинале автор подчеркивает принадлежность лирического героя ирландскому народу, а переводчик упоминает их связь вскользь, мимоходом, не акцентируя на этом внимание читателя.

В третьей строфе сохранено основное смысловое противопоставление, однако семантическое наполнение его компонентов значительным образом отличается от оригинального. Понятия «долг», «призыв родины» оказываются в одном ряду с сочетанием «иступленной черни рев», в смысловом отношении сближающего толпу с образом дикого животного. В результате весь ряд однородных членов приобретает резко негативную коннотацию. В третьем стихе опускается указание на лирического героя, происходит усиление элемента «минутный порыв вольности», который за счет сходства с сочетанием «минутная слабость» воспринимается как чуждый и исключающий возможность сопротивления — «Минутный вольности порыв // Бросает в бой меж облаков».

В результате первоначальный пафос стихотворения — путь преодоления лирическим героем внешних сил, действующих на него с разных сторон, и достижение благодаря этому абсолютной свободы — сменяется однообразием и пассивностью, принятием существующих обстоятельств и в финале — отказом от их преодоления. Лирический герой словно бы лишен воли: в его картине мира присутствует лишь «вольность», да и она воспринимается им скорее как некий каприз судьбы, заключившей его в рамки обстоятельств.

Структура последней строфы подтверждает эти предположения: акцентируя внимание на сочетаниях «не суметь», «бесцельная жизнь» как в прошлом, так и в будущем, она завершается фразой «какая жизнь — такая смерть», которая уравнивает эти два состояния в рамках концепции бессмысленности бытия.

В результате за счет использования устойчивых антонимичных пар, изменения синтаксических конструкций, а также иного смыслового наполнения понятий разрушается первоначальная поэтическая структура оригинала. От нее остаются лишь разрозненные «скрепы» — лексические единицы, потерявшие свое «вторичное» значение, основанное на сложном взаимодействии с другими элементами. Изменяется эмоциональный настрой произведения, его идейная составляющая: переводчик обходит вниманием те моменты, на которых останавливается автор, и «сгущает краски» там, где в оригинале — нарочитая безэмоциональность.

Подобный подход можно объяснить особенностями традиции русской литературы, которая неоднократно обращалась к феномену авиации. Как отмечает К.И. Чуковский в своей статье в газете «Речь» от 8 мая 1911 года «Летучие листки. Авиация и поэзия», на заре становления «летнего дела» поэты Серебряного века, в большей степени увлеченные духовными переживаниями и грезившие преимущественно о путешествиях между мирами, прохладно восприняли техническое новшество в виде аэроплана: «Равнодушно встретили в России авиацию, неприветливо, без энтузиазма. В этой литературе даже как будто и слов не нашлось для осанны и гимна Цеппелину. Газетчики, правда, ликуют, но поэты и художники русские только улыбаются полупрезрительно» [Чуковский]. В качестве доказательства писатель приводит цитаты из произведений своих современников: «У Леонида Андреева так об этом и говорится: “Воздушный полет в пределах нашей земной атмосферы ничего не изменит в нашем стремлении к бесконечному полету, и бесплодность его сделает его еще более мучительным. И вместо того, чтобы радоваться успехам воздухоплавания, как это делают мои современники, я предложил бы им серьезно задуматься, не лучше ли для человека полная неподвижность”...»

Прикрытости тела ощутительней бескрылость души. И не лучше ли полная косность, чем это лилипутское порхание? Как ни заносись в облака — ты муха под стеклянным колпаком...

Дай нам крылья, дай нам крылья,
Крылья духа Твоего! —

Такова молитва Мережковского. Пристало ли нам воспевать дирижабли! И эта мушиная гордость даже, пожалуй, смешна» [Чуковский].

Великий переводчик детской литературы, выдающийся критик и публицист, которым по праву считается К.И. Чуковский, в данном случае оказался слишком категоричным. Так, тот же А. Белый на страницах своей книги «Начало века» говорит следующее: «судьба декадентов — судьба разбившегося летчика, Лилиенталя; но Лилиенталь погиб перед тем, как судьба авиации,

в принципе, определилась; “символист”-де — авиатор, осуществляющий свой полет; “декадент” — авиатор, кончающий полет гибелью... Бессильно противопоставил я жизненную уверенность в том, что полеты — будут, что помощь — возможна» [Белый: 128—129]. Поэты-символисты отождествляли себя с пионерами авиации, но это отождествление было связано не с воспеванием технического прогресса, как у футуристов, а с отречением от земной жизни (в том числе от войны) с ее несовершенством во имя прорыва в вечность, в мир абсолютной свободы, красоты и истины, с ясным осознанием, что это недостижимо. В стихотворении А. Блока «Авиатор» авиация выступает в качестве символа неудовлетворенности земным миром, отречения от него; при этом воспевается благородство самого порыва, пусть и безнадежного, мечта о другой, высшей реальности:

На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух — ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, все земное —
Как бы придавлено к земле... [Блок: 20]

Авиатор отрекается от материального мира (подобно символистам) в том числе и потому, что предчувствует войну, что зло в этом мире будет возрастать пропорционально развитию техники:

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит? [Там же]

Перевод П. Зайкова, как представителя современной литературной традиции, выдержан в принципиально ином стиле:

Ирландский авиатор предвидит свою смерть

Там в высоте, чертя круги,
моя судьба замкнет петлю.
Те, с кем дерусь, мне не враги,
Тех, за кого, — я не люблю.

Моя земля — Килгартан-Кросс,
и земляки мои бедны.
Для тех, кто в эту почву врос,
всегда один исход войны.

Не долг, не честь и не закон
меня толкнули в этот бой,
а одинокий крыльев звон
в пустыне неба голубой.

Я взвесил все, подвел черту
и поменял земную твердь
и дней грядущих пустоту
на эту жизнь, на эту смерть [Йейтс 2022b].

Представляется необходимым обратить внимание на перевод заглавия — «Ирландский авиатор предвидит свою смерть». При анализе оригинального текста мы обратили внимание на игру поэта с читателем, основанную на смене точек зрения: сознание неумолимости рока и неотвратимости смерти, закрепленное словами самого автора, в сочетании с сильным жизненным пафосом стихотворения призвано до максимума усилить эмоциональное напряжение в момент кульминации, способствующее возникновению трансцендентального переживания и достижению катарсиса. В своем переводе П. Зайков использует понятие «авиатор», которое, являясь в современном языковом сознании прецедентным феноменом в силу широкой известности фильма М. Скорсезе с одноименным названием, способствует смещению смысловых акцентов в сторону обозначения по-настоящему сильной личности, готовой бороться до конца.

В первой строфе перевода в структурно эквивалентных (параллельных) позициях относительно друг друга находятся два последних стиха. Для них характерны неполная анафора (те, тех), а также неполный синтаксический параллелизм: в качестве сказуемого в одном случае выступает существительное (враги), в другом — глагол (люблю); кроме того, в четвертом стихе переводчик опускает слово «дерусь», сдвигая смысловой акцент на сочетание местоимения с предлогом (за кого). В результате подобных трансформаций особое значение приобретают последние элементы стихов — «враги» и «люблю», которые в рамках данной поэтической структуры становятся контекстуальными антонимами. На этом фоне резко проступает и антонимичность конечных компонентов структуры первых стихов строфы — сочетаний «чертя круги» и «замкнет петлю» — и актуализируется их значение как метафоры жизни и смерти соответственно. Следовательно, в переводе П. Зайкова сохранена важнейшая, на наш взгляд, семантическая соотнесенность лексических единиц друг с другом, которая обуславливает наличие тесной композиционной связи между предложениями.

Во второй строфе переводчик так же «нарушает» синтаксический параллелизм первого и второго стихов, переставляя местами один элемент — определение «моя» («мои»). Употребление присоединительного союза «и» и изменение синтаксической структуры высказывания за счет использования определения «мои» в постпозиции к подлежащему «земляки» наводит на мысль о присоединительном характере данной части предложения: информация, заключенная в ней, имеет добавочное значение по отношению к той, что выражена в первой строке. Третий и четвертый стихи также представляют собой одно предложение. Его структура включает две части: главную и подчиненную. В смысловом отношении она подобна той, что представлена в первом предложении. В результате, если мы попробуем схематично изобразить структуру второй строфы, получим следующее: главное — второстепенное // второстепенное — главное. Синтаксические структуры предложений «зеркально отражают» друг друга. Гранью между ними служит ритмическая пауза, выраженная знаком препинания — точкой. Тесную «спаянность» между строками обеспечивает повторение смежных по значению понятий — «земля», «земляки», «врасти в почву». Таким образом, и в этом случае переводчик за некоторым исключением сохраняет сложную семантическую связь между компонентами, характерную для оригинального текста.

В третьей строфе структурно эквивалентные позиции занимают противопоставленные друг другу компоненты «долг, честь, закон» и «одиноким звон крыльев». Следует отметить, что в данном случае П. Зайков нивелирует противопоставление героя и толпы, ограничиваясь лишь перечислением качеств,

присущих воину. В отношении последних он прибегает к стратегии снижения, реализуя ее во втором стихе при помощи глагола разговорного стиля «толкнули», что призвано отразить пренебрежение лирического героя по отношению к бранным ценностям этого мира. За счет развернутой метафоры (по мнению М.Ю. Лотмана наиболее «сильного» места поэтического текста) фокус внимания оказывается смещенным в финальную точку — «пустыню неба», где вместе с лирическим героем растворяются все радости и невзгоды человеческой жизни. Это — вершина его пути, достигнув которую, он пересекает границу жизни и смерти: «Я взвесил все, подвел черту // и поменял земную твердь // и дней грядущих пустоту // на эту жизнь, на эту смерть». Жизнь и смерть в данном случае выступают как синонимы, которые противопоставили лирического героя в своей индивидуальности всему остальному миру. Таким образом, «авиатор» П. Зайкова — сильная личность, которая вопреки обстоятельствам бросает вызов собственной судьбе.

В своей работе «Структура художественного текста» Ю.М. Лотман отмечал следующее: «Самый точный перевод поэтического текста воспроизводит структуру содержания лишь в той ее части, которая обща у поэтической и непозэтической речи. Те же семантические связи и противопоставления, которые возникают в результате семантизации структуры выражения, заменяются иными. Они непередаваемы, как непередаваемы идиомы в структуре содержания. В силу сказанного применительно к поэтическому тексту правильное говорить не о точном переводе, а о стремлении к функциональной адекватности» [Лотман: 190]. Если в отношении перевода А. Сергеева о непередаваемости оригинальных семантических связей можно говорить с полной уверенностью, то поэтический текст нашего современника П. Зайкова можно назвать значительным шагом вперед на пути к передаче сложных семантических соотношений. С точки зрения преемственности литературной традиции можно сказать, что в обоих переводах сохраняется одна и та же тема — отречение от земной жизни с ее несовершенством, но у А. Сергеева больше подчеркнута безнадежность, а у П. Зайкова — воля к другой, высшей реальности, и потому перед нами два варианта интерпретации оригинала, открывающего возможность обоих этих прочтений. Данный вывод свидетельствует о развитии русской литературной традиции за счет широких межкультурных связей, обеспечивающих формирование нового языкового сознания.

Источники

- Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3, кн. 3: Стихотворения (1907—1916) / отв. ред. Ю.К. Герасимов. М.: Наука, 1997. 989 с.
- Белый А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990. 707 с.
- Йейтс У.Б. An Irish Airman Foresees His Death // Иностранная литература. 2022. № 3. С. 172.
- Йейтс У.Б. Ирландский авиатор предвидит свою смерть / перевод с английского П. Зайкова // Иностранная литература. 2022. № 3. С. 173—174.
- Йейтс У.Б. Летчик-ирландец предвидит свою гибель / перевод с английского А. Сергеева // Иностранная литература. 2022. № 3. С. 172—173.

Список литературы / References

- Зайков П. Уильям Батлер Йейтс: Ирландский авиатор предвидит свою смерть // Иностранная литература. 2022. № 3. С. 168—172.
- (Zaikov P. William Butler Yeats: An An Irish Airman Foresees His Death, *Inostrannaya Literatura*, 2022, no. 3, pp. 168—172. — In Russ.)

Чуковский К. Летучие листки. Авиация и поэзия // Речь. 1911. № 124. 08 мая.
URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/kritika/letuchie-listki-aviaciya-i-poeziya>
(дата обращения: 29.05.2023).

(Chukovsky K. Flying Leaflets. Aviation and Poetry. — In Russ.)

Лотман М. Ю. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 387 с.
(Lotman M.Y. The structure of literary text, Moscow, 1970. — In Russ.)

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POEM “AN IRISH AIRMAN FORESEES HIS DEATH” BY W.B. YEATS TRANSLATIONS IN THE LIGHT OF M. LOTMAN’S THEORY OF A POETIC TEXT ELEMENTS SEMANTIC CORRELATION

Olga S. Begisheva

Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg,
Russian Federation, bos1995@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of a lyrical work translations comparative analysis in the light of M. Lotman’s views on the poetic text as a complex of interrelated semantic components that gain significance in the semantic space only in their assembly. According to the scholar’s beliefs, each element of a literary text acquires a “secondary”, “extra-linguistic” meaning only by being connected with another, which, entering into a relationship with the first one, “signifies” it, giving it atypical meanings in comparison with its everyday use in speech. The nature of such interaction is indicated by M. Lotman as “parallelism”, and by this term he means the whole complex of compound and sometimes not fully clarified semantic connections that ensure the poetic text cohesion and coherence. An attempt to analyze a literary text and its translation for the presence of such connections will allow us to take into consideration a specific language material and come to an objective conclusion as to which of the translators turned out to be closer to the author. Besides, it might help to identify the peculiarities of the translation process, to trace the influence of the existing literary tradition on the translator’s perception of a poetic work and the process of its creation in Russian.

Keywords: literary translation, translation of poetic text, semantic correlation of linguistic units, structurally equivalent positions, literary tradition

For citation: Begisheva O.S. Comparative analysis of the poem “An Irish Airman Foresees His Death” by W.B. Yeats translations in the light of M.Y. Lotman’s theory of a poetic text elements semantic correlation, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 5—15.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 19.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 19.12.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Бегешева Ольга Сергеевна — аспирант кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, bos1995@yandex.ru

Begisheva Olga Sergeevna — postgraduate student of the Department of Foreign Literature, Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation, bos1995@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 16—27.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 16—27.

Научная статья

УДК 81'42:82.09-1

DOI: 10.46726/И.2024.1.2

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ И РЕЧЕВЫХ «ДВУСМЫСЛЕННОСТЕЙ» У ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Виталий Александрович Гавриков

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Брянск, Россия, yarosvettt@mail.ru

Владимир Петрович Изотов

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
г. Орел, Россия, vpizotov@yandex.ru

Аннотация. Владимир Высоцкий был поэтом очень чутким к внутренней форме слова. Многие смыслы, которые он не мог высказать напрямую — по цензурным соображениям — он уводил в подтекст. Причем нередко это был фонетический подтекст, который создавал интерпретаторскую двусмысленность. При этом поэт использовал и сюжетные, и мотивные аллегории, о чем он напрямую сказал в песне «Прошла пора вступлений и прелюдий...». В статье делается попытка классифицировать все двусмысленности в поэзии Высоцкого. Они разделены на две большие группы, которые условно можно назвать: языковые и речевые двусмысленности. Первые — это игра с омонимами, полисемией, столкновением прямого и переносного значений, паронимией. Поэт мастерски «настраивает» контекст так, чтобы актуализировать двоякую «расшифровку» слова, фразы, поэтического образа. Под речевыми двусмысленностями понимается игра с разными типами омофонов (омофоны слабой позиции, регистровые омофоны и т. д.), а также возможной расстановкой знаков препинания при интерполяции песенной речи в графику. В некоторых случаях одна из таких «расшифровок» имеет острый политический подтекст. Омофония может быть усложнена окказиональностью лексем, особенностями поэтической речи (семантизирующее строкоделение, каламбурные рифмы и т. д.).

Ключевые слова: Владимир Высоцкий, песенная поэзия, аллегории, омонимы, полисемия, паронимы, омофоны, вариативность знаков препинания, устная речь

Для цитирования: Гавриков В.А., Изотов В.П. Опыт классификации языковых и речевых «двусмысленностей» у Владимира Высоцкого // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 16—27.

Введение

Начать рассмотрение двусмысленностей у Высоцкого необходимо с выяснения того, по каким причинам они возникали. Конечно, одну из важнейших черт поэтической системы Высоцкого нельзя свести к одной причине. Их было много: культурные, социальные, исторические, психологические и т. д. Рискнем

предположить, что среди них одну из важнейших ролей играли отношения между Высоцким и властью.

Вообще оппозиционность Высоцкого стала общим местом современных научных и публицистических статей. Исследователи иногда даже чрезмерно обостряют отношения между поэтом и советской властью: “A very popular Russian poet and singer-songwriter, Vladimir Vysotsky, whose many songs were prohibited by Soviet censorship, but distributed via many personal tape-recordings...” («Очень популярный русский поэт и автор-исполнитель Владимир Высоцкий, многие песни которого были запрещены советской цензурой, но распространялись через множество личных магнитофонных записей...») [Poddiakov: 333].

Однако отношения были гораздо сложнее прямолинейных запретов: власть старалась делать вид, что культурного феномена по имени Владимир Высоцкий не существует. При этом поэту, пусть и с трудом, удавалось выпускать пластинки, сниматься в кино, «иллюстрировать» своими песнями фильмы, выступать с концертами. Эту двойственность четко фиксирует А. Qualin: “Vysockij’s frequent performances and mass-popularity outside of that authority’s control would appear to be evidence that the Soviet Union of the sixties and seventies was not totalitarian. On the other hand, the USSR clearly attempted to control things that are normally outside of the purview of the state. An example of exactly how sensitive the state could be can be found in Vysockij’s response to the confiscation of some of his recordings upon the arrest of Andrej Sinjavskij” [Qualin: 186] («Частые выступления Высоцкого и его широкая, неподконтрольная власти популярность могли бы свидетельствовать о том, что Советский Союз шестидесятых и семидесятых годов не был тоталитарным. С другой стороны, СССР явно пытался контролировать то, что обычно находится за пределами компетенции государства. Показательным примером такого контроля может стать ситуация, когда при аресте Андрея Синявского были конфискованы некоторые записи Высоцкого, это событие поэта задело за живое») — Высоцкий тоже ждал ареста.

Таким образом, власть не осмеливалась осуществить в отношении Высоцкого прямые репрессии, однако всячески усложняла жизнь поэта, разными способами давила на него. В таких условиях он был вынужден лавировать между желанием быть услышанным, идя на компромиссы с властью, и стремлением сохранить свою независимость. То есть, с одной стороны, над поэтом висела угроза тотального запрета и даже ареста, с другой, он должен был отстаивать свое право на свободу творчества.

Во все времена, когда в стране действует жесткая идеологическая цензура, поэты сохраняют «независимый голос» посредством различных шифровальных техник. Это могут быть как аллегории с политическим подтекстом — вроде сказок Салтыкова-Щедрина, а могут быть «шифровки» на уровне анаграмм или паронимических аттракций, как у русских акмеистов (см. об этом работу Л.Г. Кихней [Кихней]). Поэтому, по нашей гипотезе, Высоцкому была свойственна установка на аллегорию, подтекст, «двойное дно». Собственно, об этом напрямую говорит поэт в песне «Прошла пора вступлений и прелюдий...». Данная установка была реализована не только на образном или сюжетном уровнях, но и при работе с «языковой тканью» поэзии, которая имела звучащий характер, то есть подключались и речевые особенности. Иными словами, шифровальные техники и каламбурность у Высоцкого явно шли рука об руку. В этой связи приведем лишь один пример.

На несколько сотен песен и стихотворений поэт ни разу не употребляет знаковое для всех советских людей слово «Ленин» (Ленинград — не в счет),

что кажется удивительным! А.Е. Крылов и А.В. Кулагин некогда назвали творчество Высоцкого «энциклопедией советской жизни», и справедливо назвали. Но мыслима ли советская жизнь без Ленина? И вот тут нам и нужно обратиться к «звуковым подтекстам» Высоцкого. В произведении «Не заманишь меня на эстрадный концерт...» есть такие строки: «Шлю проклятья Виленеву Пашке». Виленев — это, вероятнее всего, намек на В.И. Ленина. Кажется, первым, кто обратил внимание на это, был Игорь Антонов (ник в «Живом журнале»: Igor_A) — в одном из постов 2009 года. Судя по воспоминаниям Вадима Туманова, в число главных душегубов человечества, по версии Высоцкого, вошли Ленин и Сталин. Поэтому, видимо, вождь мирового пролетариата и не попал в песни и стихи Высоцкого: хвалить не хотелось, а ругать было опасно... Обратим внимание и на имя «Пашка», которое также может быть употреблено с умыслом. Ключ к нему — песня про попугая, где главный герой вспоминает: «Турецкий паша нож сломал пополам, / Когда я сказал ему: “Паша, салам”». Соединение онима и «высшей должности», являющихся здесь — по сути — омографами, в очередной раз свидетельствует, что Высоцкий был чуток к фонетическим коннотациям имени «Паша»: мол, перед нами Ленин-паша, соответственно, это «величание» подключает коннотации, связанные с образами разнузданной восточной деспотии.

История изучения вопроса

К настоящему времени написано несколько статей, которые затрагивают интересную нам тему. Однако таких работ не очень много. Среди основных назовем труды следующих авторов: [Рисина; Житенева; Лебедев, Куликов; Намакштанская и др.]. В этих статьях даже предпринимаются попытки сделать разветвленные классификации языковой игры у Высоцкого. Конечно, такие концепции имеют право на существование, но нам ближе простая типология, предложенная О.В. Рисиной. Исследовательница разделила все каламбуры у Высоцкого на следующие типы:

- каламбуры, основанные на двуплановом понимании омонимов;
- каламбуры, основанные на лексической многозначности или на сближении прямого и переносного значения слов;
- каламбуры, основанные на столкновении паронимов;
- каламбуры, построенные на сопереесечении или взаимоотталкивании фразеологизмов.

По нашему мнению, следовало бы разграничить многозначность и двусмысленность на стыке прямого и переносного значений.

Однако это только половина от всех типов двусмысленности, которую можно обнаружить у Высоцкого. Она раскрывается в том числе и в напечатанном тексте, поэтому легче поддается анализу. Вторая половина связана с живым произнесением поэтического текста, и о ней сведений в научной литературе заметно меньше. Поэтому речевые типы двусмысленности мы рассмотрим более подробно.

Омонимия у Высоцкого

Высоцкий — мастер игры с омонимами, поэт актуализирует их через контекст с двойным семантическим прочтением, то есть перед нами не языковая, а художественная омонимия — особый поэтический прием. В этой связи остановимся на омонимах у Высоцкого, которые чаще всего встречаются в научной и популярной литературе.

Классической стала цитата из песни «Милицейский протокол»: «Товарищ первый нам сказал, что, мол, уймись, / Что не буяньте, что разойдитесь. / На “разойтись” я, кстати, сразу ж согласился — / И разошелся, то есть расходился». Здесь сталкиваются два слова с контекстуально противоположным смыслом: «разойтись» как уйти, перестать дебоширить; и «разойтись» как начать «сугубо» буянить.

В песне «Письмо пациентов Канатчиковой дачи в редакцию “Очевидное и невероятное”» есть фрагмент: «Но на происки и бредни / Сети есть у нас и бредни, — / Не испортят нам обедни / Злые происки врагов!». Здесь повторяемое слово обыгрывается за счет контекста: «бредни» попадают в одно синонимическое поле с «сетями» (общая сема: предметы для ловли рыбы). Кроме того, «бредни» (от слова «бред») схожи по смыслу со словом «происки», которое узуально связано с ложью, недостоверными сведениями.

Каламбурное соотнесение омонимов находим и в «Песенке про прыгуна в высоту»: «Но свою неправую правую / Я не сменю на правую левую!». Слово «неправый» в первой из приведенных строк значит: «ложный», соответственно, во второй строке оно заменяется на антоним «правую» (значит — истинную, настоящую). Плюс в тексте присутствует традиционная дихотомия, связанная со сторонами: «правое — левое».

Разумеется, не все омонимы описаны исследователями, даже очевидные. Например, в не очень известном тексте «Книжка с неприличным названием» («То была не интрижка...») появляется фраза: «Я листал наш романчик», которая отсылает одновременно к двум значениям слова «роман»: как литературное произведение (актуализируется лексемой «листал») и как любовная связь (на это значение работает весь контекст произведения). Кроме того, *романчик* — это уже что-то несерьезное, сродни *интрижке*, которая отрицалась в начале текста. Слово *листать* тоже указывает на определенную легковесность, поскольку листается обычно то, что не очень интересно.

В песне «Памятник» есть слово «охромили». Что оно означает? «Охромили» — сделали хромым («ахиллесовский контекст» вполне обуславливает здесь хромоту)? Или «охромили» — покрыли хромом (известно, что хромовое покрытие, придающее блеск, нередко используется для скульптур, памятников)? Вероятно, верны оба толкования.

Полисемия у Высоцкого

Полисемия у Высоцкого больше, чем омонимии — иногда по несколько примеров на произведение. Так, в песне «Ярмарка» за счет контекста актуализируются два значения слова «гуляйте»: с одной стороны, это «пешая прогулка», с другой — «разудалое времяпрепровождение, пьянство»: «Коль на ярмарку пришли — / Так гуляйте...».

В «Песне о звездах» отмечается такое достаточно редкое явление, как перетекание значений: слово «звезда» последовательно употребляется в таких значениях: «метеорит» — «небесное тело (отдаленное солнце)» — «желание» (по поверью: если увидеть падающую звезду и успеть загадать желание, то оно сбудется) — «судьба» — «пуля» — «офицерская звездочка» — «небесное тело» — «желание» — «Звезда Героя» — «звезда» (совмещение всех значений).

Иногда Высоцкий использовал многозначность более тонкую, которая хотя и связана с полисемией, но, строго говоря, ей не является. Так, в «Песне о фатальных датах и цифрах» есть такая фраза: «С меня при цифре 37 в момент слетает хмель...». Первый смысл этой фразы очевиден и расшифровывается

далее по тексту: 37 лет прожили и Пушкин, и Байрон, и Рембо... О втором же смысле нам так и не удалось ничего найти в научной литературе, хотя приведенная строка цитируется часто. Итак, «второе дно» фразы открывается, если мы обратимся к трагической истории России XX века — к периоду сталинских репрессий, пик которых пришелся на 1937 год. Эта цифра в народном сознании прочно связана с теми событиями, поэтому и наводит ужас на поэта.

Столкновение прямого и переносного значений у Высоцкого

Чаще всего связано с буквализацией фразеологизмов, например, в «Песне об одной научной загадке» есть такие слова: «А дикари теперь заламывают руки, / Ломают копыя, ломают луки...». Тут сталкиваются прямое и переносное значение слова «заламывать»: прямое актуализируется за счет следующих «ломаных луков», а переносное — известное выражение, означающее «находиться в отчаянии».

Буквализацией можно считать фразу из песни «Письмо пациентов Канатчиковой дачи в редакцию “Очевидное и невероятное”»: «Мы кой в чем поднаторели, / Мы тарелки бьем весь год, / Мы на них собаку съели, / Если повар нам не врет». Выражение «съесть собаку», то есть «поднатореть» за счет появления лексемы «повар» соотносится с прямым — гастрономическим — значением. Вообще, деформация фразеологизмов — одна из «визитных карточек» Высоцкого, о чем нет нужды говорить здесь подробнее.

Паронимия у Высоцкого

Паронимическая аттракция (парономазия) в контексте двусмысленностей тоже интересна, так как столкновение созвучий может быть и актуализацией иного, скажем так, «окказионального» происхождения слова, то есть оборачивается народной этимологией. А есть случаи, где лирический субъект неверно заменяет один пароним другим. Тем самым актуализируется и неназванная лексема (за счет контекста), вследствие чего возникает двусмысленность. Например, в «Песне про Джеймса Бонда, агента 007» есть фраза: «И прикрывает личность на ходу», где речь, конечно, идет о лице. Однако тонкая игра паронимами позволяет Высоцкому создать комический эффект.

Языковой игрой богат триптих «История болезни», здесь лирический субъект Высоцкого — это человек из народа, соответственно, он путает некоторые понятия: «И сердечное светило / Улыбнулось со стены». Из контекста понятно, что речь идет о не о «сердечном» человеке, то есть добром, отзывчивом, а о враче-специалисте по сердечным болезням.

Омофония у Высоцкого

Звучащие приемы создания двусмысленности начнем с омофонии у Высоцкого. Если проанализировать, как отражается эта тема в научной литературе, то можно констатировать, что о собственно омофонах исследователи почти не говорят. Относительно частотны упоминания об «омофонии» в рифмах, хотя, строго говоря, эти примеры омофонами не являются. Например, А.В. Житенева необоснованно называет омофонами созвучие в рифмопаре: «нелады — на лады» [Житенева: 156].

Но если все-таки касаться рифм, то с точки зрения омофонии интересен пример из песни «Не состоялось» («Мишка Шифман»). Здесь поэт сталкивает созвучия: «пожалуй ста» и «пожалуйста». В качестве каламбурной эта рифма нередко фигурирует в исследованиях. Но нам не удалось найти трудов, где указывалось бы на то, что перед нами речевая неузуальная адаптация лексемы

«пожалуйста» к рифмующемуся с ней сочетанию. То есть слово произносится не привычно, без звука «й» («пожалуста»), а с речевой актуализацией непривычного звука, благодаря чему и возникает омофонический эффект.

Похожий пример неузуальной адаптации слова к рифме находим в песне «Две судьбы» (записи М. Шемякина). Выражение «по сту пью» (то есть пью по сто грамм) богато рифмуется со словом «поступью». Перед нами, по сути, словообразовательный окказионализм: в словарях нет подобного склонения («сту») слова «сто».

Целая россыпь похожих речевых уподоблений одной фоногруппы другой с целью уточнить рифму встречается на фонограммах песни «Ярмарка», чему посвящено специальное исследование [Гавриков]. Например, на тех же записях М. Шемякина для полного звукового совпадения слов «отель» и «от-тель» (оттуда) Высоцкий использует неузуальное смягчение звука, рифма получается точной: от`ель / отт`ель. А учитывая, что долготу согласного уловить не всегда просто, можно говорить о реализованной омофонии.

Что же касается омофонии, рифмой не мотивированной, то исследователями обнаружено несколько таких примеров. Так, Б.С. Дыханова и Г.А. Шпилевая увидели омофон в «Песне о Вещем Олеге»: «Из-за неправильного употребления множественного числа слова “щит” возникает двусмысленность, особенно явная в устном исполнении, — неясно, “щита” или “счета” собирается прибавить князь на ворота» [Дыханова, Шпилевая: 72]. Можно с большой долей уверенности утверждать, что это не речевая пометка, а осмысленный автором поэтический прием: «Как ныне собирается Вещий Олег / Счета (щита) прибавить на ворота».

Обнаружением второго омофона — в «Серенаде Соловья-разбойника» — мы обязаны, судя по всему, О.В. Рисиной. Правда, она почему-то омофон называет «каламбуром, основанным на столкновении паронимов». Комментируя строки: «Выходи, я тебе посвящу (посвищу) серенаду! / Кто тебе серенаду еще посвистит?», исследовательница указывает, что здесь «сближены слова посвистеть — издать свист, и посвятить — предназначить, отдать» [Рисина: 229].

Еще один близкий к омофонии пример отмечен В.П. Лебедевым и Е.Б. Куликовым: «в строках “когда давили под ребро, // как ЕКаЛю Мое Нутро!” виртуозно закодировано присловье Е-к-л-м-н! (“Я был и слаб и уязвим...”» [Лебедев, Куликов: 174].

Омофон можно отыскать в песне «От скучных шабашей»: «И молодцы в роде (вроде) / Давно не заходят». Конечно, в первую очередь здесь имеются в виду именно «родовитые молодцы», однако и второй вариант является контекстуально жизнеспособным.

В песне «Нам вчера прислали...» есть такой фрагмент:

А потом без вдоха
Отоплет любому дверь, —
Бог простит, а Леха...
Все равно ему теперь...

Так вот, две последние две строки могут быть услышаны так: «Бог простит, Алеха: / Все равно ему теперь». Смысл становится существенно другим. Если в традиционном варианте «все равно» было Лехе, поскольку он был убит в пьяной драке, и теперь ему уже нет дела до того, как ведет себя его девушка (а Бог по своему обыкновению прощает эту девушку за измену после смерти жениха), то в другом варианте уже иные акценты. Теперь «все равно» уже Богу, так как без Алехи что-то изменилось в мироздании.

Омофоном может стать даже часть слова, выделенная стиховой цезурой (песня «Случай на таможне»):

Над Шере-
Метьево
В ноябре
Третьего
[Метьево-] <то есть «метео-»>
Условия не те.

Два слова в микроконтексте рассечены так, чтобы оказаться рифмой! А одно из них изменено на просторечный манер, чтобы звуковое соответствие (омофония) было полным.

Регистровая омофония у Высоцкого

Регистровая омофония — самая редкая в песенной поэзии. Однако Высоцкий, будучи очень чутким к внутренней форме слова, не раз использовал этот тип омофонии. Например, в песне «Комментатор из своей кабины...» есть такие строки: «Муром занялась прокуратура, / Что ему реклама, он и рад. / Здесь бы Мур не выбрался из МУРа, / Если б был у нас чемпионат». По контексту слушатель, конечно, понимает, о чем идет речь, и все-таки тенденции к двусмысленности не редуцируются до нуля.

Похожая игра с созвучиями есть и в тексте, написанном к 50-летию известного актера Юрия Яковлева: «...Дела их — двойки и тройки, / Якшаться с ними славно и дружить, / Актеры — Яки, самолеты — “ЯКи”, / И в Азии быки — все те же яки...». При чем здесь уже не бинарная смысловая структура, а реализован целый каскад смыслов.

Скрытой игрой с аббревиатурами можно назвать и используемое Высоцким слово из воровского жаргона — «мусора» (см. «Город уши заткнул...», «Нам ни к чему сюжеты и интриги...», «Рецидивист» и др.). Дело в том, что, согласно наиболее вероятной версии, воровское слово «мусор» произошло от аббревиатуры «МУС», что означало в свое время «Московский уголовный сыск». По свидетельству из открытых источников, на лацкане пиджака сотрудники московской сыскальной полиции носили знак с надписью «МУС».

Похоже обстоит дело со словом «зека» (см., например: «Сгорели мы по недоразумению...»). У Высоцкого в различных изданиях оно передается именно в такой графической форме, однако необходимо помнить, что оно возникло из аббревиатуры ЗК (в официальных документах чаще всего писалось «з/к»). Здесь перед нами тоже вариативность, правда, не затрагивающая значение слова / аббревиатуры.

Еще один случай, когда на слух можно было бы неправильно понять смысл фоногруппы, связан даже не с аббревиатурой, а с использованием омофоничных имени / названия буквы. В тексте «Про Мэри Энн» фамилия героини могла быть передана как N: апелляция к классической традиции, когда нечто обобщенное называется этой литерой (город N). А можно данную фоногруппу услышать и как «Мэри Н.». Вполне вероятно, что Высоцкий намеренно включил эту поливариантность в свое произведение, и без того насыщенное языковой игрой.

Омофоны-окказионализмы у Высоцкого

Работу по поиску и каталогизации окказионализмов поэта провел В.П. Изотов, создавший «Словарь окказионализмов Высоцкого» [Изотов].

Те слова, о которых речь пойдет дальше в контексте двусмысленностей, были подробно разобраны в указанном издании.

В данном разделе нам интересны лексемы, рассчитанные на произносительный эффект. Например, многоплановым кажется слово «крохей». Вот как сам поэт объясняет происхождение этого новообразования: «Название крохея — от слова “кроши”, / От слова “кряхти”, и “крути”, и “круши”. / Девиз в этих матчах: “Круши, не жалей!”/ Дашь королевский крохей!».

Обратим внимание на два первых объяснительных слова: «кроши» (в корне — «о») и «кряхти» (в корне «я», имеющую понятную соотнесенность с «а»). Кроме того, из «крахея» легко вычленишь и еще один корень — «крах», который также не противоречит контексту объяснительного отрывка. Получается, что «кр?хей» (а первый гласный здесь стоит в слабой позиции) может оказаться и «крахеом» и «крохеом».

Явно является «омофоничным» окказиональное слово «кассоглаз»: «Вот я — зритель касс, / Я вроде — кассоглаз, / Хотя за мной-то как раз / И нужен бы глаз да глаз» («Куплеты кассира и казначея»). Способ образования — сложение слов «касса» и «глаз», а вот на слух этот «гибрид» явно перекликается со словом «косоглаз».

В той же песне весьма любопытным является окказионализм «казначей»: «А я забыл, кто я. / Звук злата все звончей. / Казна — известно чья? / А я — так **казначей**?!». Словообразовательным средством в данном случае является графика: суть явления заключается в том, что в составе нормативного слова графическими средствами (курсивом, разной величиной букв, кавычками и т. д.) выделяется также реально существующее слово, в результате чего происходит столкновение смыслов, рождающее новый смысл; значение слова **казначей** — «чей казначей».

Совершенно не поддается идентификации на слух слово «кошелот» (это слово зафиксировано в воронежском сборнике поэта [Высоцкий: 338]), которое реципиент, конечно, соотнесет с узуальным «кашалот».

В текстах для капустника к пятилетию Театра на Таганке присутствует слово «пятилей», которое расшифровывается просто: «пятилетний юбилей». Однако на слух это новообразование может быть мотивировано семносвязанными словами «пить» и «лить»: «пителей» или «пити-лей» (вспомним сакраментальное: «Веселие на Руси есть пити»).

Вполне омофонично слово «папапугай» из «Песни Попугая». Правда, здесь вариативность не ведет к двусмысленности: «папопугай» (в сильной позиции — «попугай») или «папапугай» (в сильной позиции — «папа») суть одно и то же.

Почти то же самое, только в области согласных, можно отметить в окказионализме «скалоласковый» из песни «Скалолазка». Способ образования — слияние с наложением (междусловное). Наложение практически полное, так как элементы [зка] и [ско] тождественны при произношении.

Пунктуационная вариативность у Высоцкого

Несколько исследователей касались двойственности фрагмента «Он начал робко — с ноты “до”, / Но не допел ее не до... / Недозвучал его аккорд, аккорд...» из песни «Кто-то высмотрел плод...». Здесь речь идет о том, что «до» может быть предлогом или нотой (второй вариант маловероятен, так как в рифмопаре уже есть нота «до»). Однако «до», точнее — «недо...» может быть и приставкой. В таком случае фрагмент следует передать на бумаге так: «...Но не допел ее, недо... / Недозвучал его аккорд, аккорд...». Обратим внимание

на повтор «аккорд, аккорд», что свидетельствует об ориентации Высоцкого на постоянные повторы в микроконтексте. И наш вариант представляется самым вероятным. Интересно, что помимо пунктуационного знака после «не до» / «недо» здесь есть и омофония, связанная с двояким членением фоногруппы.

Наличие в произносимом поэтическом тексте маркеров, указывающих на начало прямой речи, также может создавать двойственность. В приведенном ниже фрагменте из песни «Ярмарка» есть слово «говорил», которое может быть в том числе и началом прямой речи: «Говорил он без сучка да без задорины: “Все мы сказками слегка объегорены”». Здесь Кот как бы «солидаризируется» со слушателями и сам оказывается в числе «объегоренных». Второй вариант — без прямой речи: «Говорил он без сучка да без задорины — / Все мы сказками слегка объегорены». Здесь слушателей «слегка» обманывает Кот.

Похожий пример встречается в песне «Еще не вечер», во фразе: «Но нам сказал: “Спокойно!” — капитан. / Еще не вечер. Еще не вечер»; ср.: «Но нам сказал спокойно капитан: “Еще не вечер. Еще не вечер”». Последняя фраза является рефреном песни и не всегда жестко связана с предыдущими, например: «А мы с фрегатом становились борт о борт... / Еще не вечер, еще не вечер!» То есть это некий «авторский голос», правильное говоря, высказывание повествователя. Но, как видим, одновременно эта фраза может быть и «голосом» персонажа.

В знаменитом «Парусе» есть такие строки: «Петли дверные / Многим скрипят, многим поют: / “Кто вы такие? Вас здесь не ждут”». Кажется, все логично: дверные петли обращаются (скрипят, поют) к некому собирательному адресату. Однако если посмотреть на предыдущее четверостишие, то окажется, что парные по смыслу двустихия не связаны друг с другом: «Даже в дозоре / Можешь не встретить врага. / Это не горе — / Если болит нога». Никакой связи между ногой и дозором нет. Кстати, и в первом восьмистишии песни та же «нарезка» на двустрочные смысловые сегменты. И если эта логика продолжена и в рассматриваемом четверостишии, то отрывок: «Кто вы такие? Вас здесь не ждут» — просто очередная из «набора тревожных фраз», как говорил Высоцкий о своей песне. И печатать текст нужно так: «Петли дверные / Многим скрипят, многим поют. / Кто вы такие? Вас здесь не ждут».

Еще пример, песня «Письмо пациентов Канатчиковой дачи в редакцию “Очевидное и невероятное”»: «Больно бьют по нашим душам / “Голоса” за тыщи миль, — / Зря “Америку” не глушим, / Зря не давим “Израиль”». В советское время «буржуазные страны» пытались вести пропаганду через радио, известен народный афоризм: «Есть обычай на Руси: ночью слушать Би-би-си». Для того, чтобы подавить сигнал идеологического противника, советские власти использовали т. н. «глушилки». Если это знать, то становится понятно, почему в вышеприведенной цитате ряд слов взят в кавычки (ср.: «Голос Америки»). Однако ведь можно услышать и так: «Больно бьют по нашим душам / Голоса за тыщи миль, — / Зря Америку не глушим, / Зря не давим Израиль».

Но и это не все! В тексте может быть и острополитический подтекст, если напечатать ее так: «Больно бьют по нашим душам / Голоса за тыщи миль: / “Зря Америку не глушим, / Зря не давим Израиль”». Последние две строки в таком случае воспринимаются, как сказанные представителями советской власти, это они жалеют, что «холодная война» не перешла в «горячую» фазу. Данные милитаристские высказывания и мучают ролевого героя, то есть получается, что он — за мир во всем мире и против воинствующих коммунистов.

Песня космических негодяев» начинается следующими строками:

Вы мне не поверите и просто не поймете:
В космосе страшней, чем даже в дантовском аду, —
По пространству-времени мы прем на звездолете,
Как с горы на собственном заду.

Понятно, что речь идет о столь излюбленном фантастами четырехмерном континууме, сочетающем три пространственных измерения и одно временное: космические негодяи перемещаются в нем, удаляясь от Земли как в пространстве, так и во времени.

Но если сложное слово разбить на два простых, то получается иная картина: «По пространству времени мы прем на звездолете». Здесь у времени появляется пространство, т.е. возникают какие-то новые измерения. Создается принципиально иная картина мира (в фантастике приходилось читать о различных измерениях и течениях времени, но о *пространстве* времени читать пока не приходилось).

Заключение

Песня Высоцкого — это богатое пространство разнообразных смыслов, в котором все «формальное», то есть акустическое — содержательно. Перед нами не просто поэтическое произведение, а до мелочей продуманный моно-спектакль, где каждый «речевой жест» (Ю.Н. Тынянов) встроен в общую смысловую структуру. Причем иногда можно говорить о некоем дублировании традиционных для поэзии приемов. Например, привычные ассонанс и аллитерация в звучащем тексте приобретают иное качество, потому что количество / интенсивность аллитерируемых / ассонируемых звуков увеличивается за счет речевых ресурсов. Подчеркнем, такие ассонансы ориентированы не на «прочтение глазами», а на слуховое восприятие. Соответственно, в основе звукового ассонанса — аканье и йканье. Получается, что, например, безударный «о» может быть включен в «а»-ассонанс: «Залатаю [зала]тymi я заплатами» («Купола») — мы намеренно не используем здесь специфической лингвистической транскрипции, ориентируясь на «среднего слушателя», который явно не уловит разницу между ударным «а» и, допустим, циркумфлексом.

Что же касается аллитераций, то их звуковые «возможности» увеличиваются, например, за счет вокализации сонорных: жесткое или «протянутое» артикулирование их кажется одной из главных черт исполнительского артистизма Высоцкого. Поэт мог использовать распев сонорного даже в той структурной позиции стиха, где в других строфах находится гласный. То есть иногда сонорный оказывается слогаобразующим! Таким образом, можно говорить о двусмысленности на стыке произнесенного и положенного на бумагу: исследователь, работающий с печатными сборниками поэта, не увидит многих семантизирующих особенностей. Приведенные выше примеры — это, конечно, далеко не все те речепозитические приемы, которые использовал Высоцкий для углубления смысловой перспективы текста.

Подводя итоги, отметим, что двусмысленность в песнях Высоцкого богато представлена как традиционными для «печатной литературы» приемами, так и словесной игрой, возможной только в звучащем тексте. Омофоны, вариативность его авторской пунктуации только начинают изучаться в рамках гипотетического высокоцковедения, хотя в арсенале поэта они занимают далеко не последнее место. Высоцкий явно ориентировался на устное исполнение, причем эта тенденция была настолько сильна, что даже в рукописях поэт использует приемы из арсенала звучащих средств, то есть, создавая текст на бумаге,

думает о его произносительном потенциале. Пока же исследователи работают в основном с печатными сборниками поэта, что на наш взгляд, порой серьезно обедняет анализ.

Список литературы / References

- Высоцкий В. Не вышел из боя. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. 558 с.
(Vysockij V. Not out of the battle. Voronezh, 1988, 558 p. — In Russ.)
- Гавриков В.А. Система звуковых жестов в песне В. Высоцкого «Ярмарка» // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2007—2009 гг.: сборник научных трудов. Воронеж, 2009. С. 89—96.
(Gavrikov V.A. The system of sound gestures in V. Vysotsky's song "Fair", *Vladimir Vysotsky: research and materials 2007—2009*, Voronezh, 2009, pp. 89—96. — In Russ.)
- Дыханова Б.С., Шпилевая Г.А. «На фоне Пушкина...» (К проблеме классических традиций в поэзии В.С. Высоцкого) // В.С. Высоцкий: Исследования и материалы: сборник научных трудов. Воронеж, 1990. С. 65—74.
(Dykhanova B.S., Shpilevaya G.A. "Against the background of Pushkin..." (On the problem of classical traditions in the poetry of V.S. Vysotsky), *V.S. Vysotsky: Research and materials: collection of scientific works*, Voronezh, 1990, pp. 65—74. — In Russ.)
- Житенева А.В. Лексический состав поэтического наследия Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М., 1998. Вып. 2. С. 148—164.
(Zhiteneva A.V. Lexical composition of Vysotsky's poetic heritage, *The World of Vysotsky: research and materials*, Moscow, 1998, iss. 2, pp. 148—164. — In Russ.)
- Изотов В.П. Окказионализмы В.С. Высоцкого. Опыт словаря. Орел: ОГУ. 1998. 85 с.
(Izotov V.P. Occasionalism's of V.S. Vysotsky. Dictionary experience, Oryol, 1998, 85 p. — In Russ.)
- Кихней Л.Г. Имя собственное как семантический код в поэзии акмеизма // *Namen in der russischen Literatur*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. S. 141—174.
(Kihnej L.G. Proper name as a semantic code in the poetry of Acmeism, *Names in Russian Literature*, Wiesbaden, 2013, pp. 141—174. — In Russ.)
- Лебедев В.П., Куликов Е.Б. Поэтическая фразеология В. Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. Вып. 1. М., 1997. С. 159—176.
(Lebedev V.P., Kulikov E.B. Poetic phraseology of V. Vysotsky, *World of Vysotsky: research and materials*, Moscow, 1997, no. 1, pp. 159—176. — In Russ.)
- Намакштанская И.Е., Нильссон Б., Романова Е.В. Функциональные особенности лексики и фразеологии поэтических произведений Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. Вып. 1. М., 1997. С. 181—183.
(Namakshanskaja I.E., Nil'sson B., Romanova E.V. Functional features of the vocabulary and phraseology of the poetic works of Vladimir Vysotsky, *World of Vysotsky: research and materials*, Moscow, 1997, iss. 1, pp. 181—183. — In Russ.)
- Рисина О.В. Каламбур в поэзии Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. Вып. 3. 2000. Т. 2. С. 226—232.
(Risina O.V. A pun in Vysotsky's poetry, *World of Vysotsky: research and materials*, Moscow, 2000, iss. 3, vol. 2, pp. 226—232. — In Russ.)
- Poddiakov A. The Space of Responsibility of Cultural Psychology, *Culture & Psychology*, 2002, vol. 8 (3), pp. 327—336.
- Qualin A. Laughing at carnival mirrors: the comic songs of Vladimir Vysockij and soviet power, *Russian Literature*, 2013, vol. 74, iss. 1—2, pp. 185—205.

THE EXPERIENCE OF THE CLASSIFICATION OF LINGUISTIC AND SPEECH “AMBIGUITIES” IN THE POETRY OF VLADIMIR VYSOTSKY

Vitaliy A. Gavrikov

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (Bryansk Branch), Bryansk,
Russian Federation, yarosvettt@mail.ru

Vladimir P. Izotov

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Orel,
Russian Federation, vpizotov@yandex.ru

Abstract. Vladimir Vysotsky was a semi-forbidden poet. He did not publish a single poem in the USSR in his entire life, although he was probably the most popular person in the country. Every citizen of the Soviet Union knew the poet's songs, but the authorities tried to pretend that there was no such thing as “Vladimir Vysotsky”. On the one hand, the poet did not want to exacerbate difficult relations with the authorities; on the other hand, he strove to maintain an independent position, the freedom of his creativity. But Vysotsky could not express some thoughts directly. Therefore, the poet used various “encryption techniques”, hiding seditious meanings in subtext. Moreover, often it was a phonetic subtext that created interpretive ambiguity. The poet often used allegories, as he said in the song “The time for intros and preludes has passed...”. The authors of the article propose a classification of «ambiguities» in Vysotsky's poetry. These “ambiguities” are divided into two large groups: linguistic and speech. The first group is playing with homonyms, polysemy, clashing direct and figurative meanings, paronymy. The poet masterfully “adjusts” the context so as to actualize the twofold «decoding» of a word, a phrase, a poetic image. Speech “ambiguity” consists of playing with different types of homophones, as well as the possible placement of punctuation marks when interpolating song speech into graphics. Sometimes such “transcripts” have a seditious political overtones.

Keywords: Vladimir Vysotsky, song poetry, allegories, homonyms, polysemy, paronyms, homophones, choice of punctuation marks, oral speech

For citation: Gavrikov V.A., Izotov V.P. The experience of the classification of linguistic and speech “Ambiguities” in the poetry of Vladimir Vysotsky, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 16—27.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 19.12.2023.

The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 19.12.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Гавриков Виталий Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Брянск, Россия, yarosvettt@mail.ru

Gavrikov Vitaliy Aleksandrovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of State Administration and Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Bryansk Branch), Bryansk, Russian Federation, yarosvettt@mail.ru

Изотов Владимир Петрович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева, профессор, г. Орел, Россия, vpizotov@yandex.ru

Izotov Vladimir Petrovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Journalism and Public Relations, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russian Federation, vpizotov@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 28—39.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 28—39.

Научная статья

УДК 791.43

DOI: 10.46726/И.2024.1.3

ТЕХНОЛОГИИ. ТЕЛЕСНОСТЬ. БУДУЩЕЕ: РЕФЛЕКСИЯ Д. КРОНЕНБЕРГА В КИНОФИЛЬМЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ БУДУЩЕГО»

Олег Николаевич Гуров

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Центр искусственного интеллекта Московского государственного института
международных отношений, г. Москва, Россия, gurov-on@gaupera.ru

Аннотация. В статье осуществляется анализ кинофильма «Преступления будущего» (2022), режиссером которого выступил Дэвид Кроненберг. Кинокартина исследуется как значимое произведение, в котором подняты актуальные вопросы взаимодействия технологий, телесности и будущего общества. Автор публикации обращает внимание на то, что режиссер фокусируется в картине на изучении взаимовлияния технологического прогресса и культуры через использование метафоры преступления против будущего. В статье также освещаются важные и актуальные гуманитарные феномены, такие как кризис культуры, интерпретация культуры и искусства в условиях современного разрушительного потребления и трансформации смыслов. Рассматривается роль кинематографа как формы искусства, которая способна заставить зрителя задуматься о вопросах человеческой экзистенции и воздействии технологий на будущее «человеческого». Особое внимание уделяется философской рефлексии Кроненберга и его способностям передать сложность и проблематичность общественной жизни, сталкивающейся с вызовами технологического развития. Данная статья стремится внести вклад в изучение взаимодействия технологического прогресса и человеческой культуры, предлагая новую перспективу исследования и понимания рассматриваемых проблематик. Результаты проведенного исследования могут быть полезны для переосмысления роли и влияния технологий на будущее человека.

Ключевые слова: телесность, массовая культура, технологический прогресс, этически-морально-нравственный узел, антиутопическая фантастика, природа человеческого, кризис культуры, Дэвид Кроненберг

Для цитирования: Гуров О.Н. Технологии. Телесность. Будущее: Рефлексия Д. Кроненберга в кинофильме «Преступления будущего» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 28—39.

Введение

В настоящее время, характеризующееся стремительным прогрессом в области технологий и становлением их влияния как всеобъемлющей силы на все ключевые сферы человеческой жизни, философия делит место с искусством и массовой культурой в деле исследования существующих и перспективных путей взаимодействия между такими категориями, как технологический прогресс и общественная жизнь, этически-морально-нравственный узел

и человек в контексте собственной телесности, образы будущего и категории культуры, и др. [Гуров]. Существует целый ряд произведений массовой культуры, в частности, кинематографа, в которых поднимаются значимые и актуальные проблемы, ряд которых можно отнести к фундаментальным. Одним из режиссеров, зарекомендовавших себя как мыслитель и исследователь сложных вопросов, стоящих перед человечеством, является Дэвид Кроненберг. Его новая кинокартина «Преступления будущего» представляет собой не только оригинальную форму антиутопической фантазии, но и знаковое, на наш взгляд, произведение искусства, высоко поднимающееся над собственной драматургией и контекстами и преследующее цель заставить задуматься зрителя об экзистенциальных по сути проблемах через призму развития и распространения технологий и их последствиях для будущего общества и природы человеческого.

Одновременно являясь «поздним фильмом», на сегодняшний день завершающим фильмографию немолодого режиссера (Д. Кроненберг родился в 1943 году), «Преступления будущего» стал его первым новым полнометражным проектом за 8 лет, с 2014 года. В кинокартине показана история двух художников: Сола Тенсера, роль которого исполнил Вигго Мортенсен, и Каприс (актриса Леа Сейду), чье творческое сотрудничество выходит за рамки общепринятого художественного процесса. По сюжету, Сол страдает достаточно редким, но уже распространяющимся заболеванием, известным как «синдром ускоренной эволюции», в результате чего его организм постоянно производит новые внутренние органы с неопределенными функциями или вовсе не исполняющие никакой роли. Каприс, в свою очередь, мастерски и артистично, исследует эти органы с помощью разнообразных инвазивных методов, стремясь раскрыть тайны новообразований.

Фильм «Преступления будущего» поднимает множество вопросов, среди которых проблема творчества, креативности и создания произведений искусства в условиях, где очевиден кризис культуры, заметны признаки опустошения и разложения, что является итогом избыточного и развращенного потребления. При этом нужно отметить, что речь идет и о трансформации смыслов, и, следовательно, кризисе интерпретаций. В новых условиях появляются новые возможности (взамен традиционных) для переживания бытия, меняется и тип личности — новые практики потребительского поведения соотносятся и с отношением к искусству: и ответ зрителя на вопрос, что может дать ему искусство, становится иным, чем прежде [Попов].

Однако в нашем исследовании мы сфокусируемся на том, что режиссер с помощью этих инструментов старается сместить взгляд с привычного фокуса на нечто новое, направить наше представление о технологиях и о том, какое воздействие они оказывают на культуру, общество и индивида, немного в другую сторону, и предлагает это сделать через метафору — сквозь призму преступлений, которые мы совершаем уже сегодня против (возможного) общества будущего.

Очевидно, что «Преступления будущего» — это гораздо более богатый материал, чем то, что мог бы предложить просто жесткий фильм ужасов, элементы которого Д. Кроненберг безусловно нередко использовал в предыдущих работах и мастерски использует в новом фильме. Как и ранее, в последней картине режиссер использует свои излюбленные темы, чтобы очертить контуры предлагаемой проблематики: границы человеческого тела (с технологиями, в рамках естественного/искусственного, биологического/технологического, и др.), границы сексуальности, и, конечно, феномен кризиса антропоцентрического восприятия окружающего мира.

Кроненберг создает в фильме парадоксальное пространство, где сосуществуют передовые технологии и бытовой упадок, и то, что события фильма должны разворачиваться в будущем, заставляет воспринимать сюжет с недоверием и беспокойством. Все эти образы напоминают нам о том, что технологический прогресс по своей природе не гарантирует положительных изменений в обществе, и, напротив, вполне вероятно, что его результатом может явиться становление столь разрушительных сил, что они способны разрушить или трансформировать не только нашу физическую реальность, но и исконно «человеческое» — нашу культуру, ценности, отношения, и, как мы уже наблюдаем в виде свершившегося факта, — систему коммуникации на всех уровнях. Данная тема уже давно изучается междисциплинарным научным сообществом, в частности, в рамках исследования понятия «коэволюции» — взаимобусловленных изменений технологий и общества [Коданева].

Исследуя тему технологий, телесности и образа будущего в этом фильме, мы сталкиваемся с целым рядом провокационных вопросов и проблем, не имеющих однозначного решения: какие могут быть философские, социальные, психологические и другие последствия того, что человеческое тело необратимо изменяется под влиянием технологий; в каком направлении может меняться общество будущего в условиях, когда сами определения и границы искусства и культуры трансформируются до неузнаваемости; какие этические вопросы возникают при использовании технологий для манипуляции человеческим телом в эстетических, художественных, развлекательных целях.

Далее мы сделаем попытку рассмотреть и провести анализ некоторых философских идей, лежащих в основе или просто проскакивающих в фильме «Преступления будущего» в контексте значимых концепций современности, с фокусом на то, как Д. Кроненберг презентует проблематику взаимодействия технологий и телесности в перспективе возможных сценариев будущего, и представить наше понимание рефлексии режиссера в отношении актуальных проблем современного общества в контексте технологического прогресса и массовой интеграции инноваций в общественную жизнь.

В рамках этого мы сфокусируемся на причинах и возможных последствиях представленных в фильме основных идей и на их значении для современного общества путем анализа того, как «использует» режиссер образы персонажей Сола и Каприс для рефлексии по поводу развития технологий, трансформации телесности и последствиях для будущего «человеческого». Целью данного исследования является не только попытка прояснить некоторые содержательные аспекты исследуемого фильма или даже особенности творчества Д. Кроненберга, но в первую очередь привлечь внимание и интерес исследователей к дальнейшему обсуждению в рамках философии техники широкого круга вопросов, связанных со сложной конфигурацией технологических инноваций, этических вопросов и будущего.

«Преступления будущего» как нарратив и источник смыслов

Исследуемый фильм «Преступления будущего» снят выдающимся мастером, не в последнюю очередь известным как один из главных представителей жанра «боди-хоррор» в кино. Этот фильм можно представить как своеобразный эксперимент, целью которого является проникновение в глубины сознания человека будущего (или уже настоящего) и рассмотрение упомянутой сложной проблематики, связывающей на первый взгляд несочетаемые категории. В киноленте Д. Кроненберга осуществляется рефлексия в отношении

проблем, касающихся человеческой телесности и сексуальности, и непреодолимых противоречий, возникающих между естественно-природным и культурно-антропоцентрическим восприятиями реальности. В этом смысле визуальный ряд демонстрирует абсурдный образ мира (или образ абсурдного мира), в котором продукты фантастических или уже просто передовых технологий соседствуют с картинами распада и разрушения привычных структур, формирующих повседневность — это мир, где полы, стены, окна и ультра-продвинутые гаджеты покрыты толстым слоем пыли. Представленный контраст между продуктами самых смелых технологий и бытовой разрухой является центром визуальной темы кинокартины, предлагая зрителям медитативную возможность рефлексии в отношении реального и виртуального, «карбонового» и цифрового. Этот факт стоит отметить особо, потому что для современного человека, зрителя, восприятие окружающего мира во многом опосредовано изображениями, то есть, восприятие оказалось по факту смещено от вербальных к визуальным образам, в результате чего стабильная и даже «механическая» повседневность со сложившейся структурой утрачивает устойчивость и стабильность [Дроздова]. Д. Кроненберг же в своем фильме делает поворот в сторону возможного развития этой тенденции к фокусу на телесное.

Один из ключевых смысловых блоков кинокартины представляет собой основополагающее и, вероятно фатальное событие, развертывающееся в рамках человеческой эволюции — большинство людей перестает испытывать физическую боль, возможность ощущать которую сохраняется лишь во время сна. Можно предположить, что вместе с этим вирусы и бактерии также перестали оказывать влияние биологические процессы в человеческом организме, что избавило людей от опасности заразиться соответствующими болезнями. Такое новое положение дало возможность людям практически массово проводить разнообразные эксперименты над своими телами, осуществляя инвазивные процедуры для изучения особенностей, устойчивости и потенциала собственной телесности. В этих условиях некоторые художники начали использовать свои тела как арт-объекты, предоставив зрителям возможность наблюдать за осуществлением хирургических вмешательств, увидеть во всех подробностях структуру внутренних органов, тем самым открыв новые горизонты творчества и определения эстетичного (ведь ранее подобные процедуры считались исключительно функциональными). Эта идея отражает реально существующие в современном искусстве практики «телесного искусства», относящиеся к жанру радикального перформанса, испытывающего границы человеческого тела. В частности, одной из первых художниц-перформансистов была француженка Джина Пан, главной темой творчества которой были телесные травмы [Берест].

Поэтому Д. Кроненберг в качестве основных персонажей использует представителей мира искусства, и в созданном им мире именно художественная и около художественная сфера являются основным эпицентром действия. Радикалы нового мира, герои практически полностью «оторваны» от своих тел, причем не в связи со, скажем, переходом в виртуальность — разрыв видится на физическом уровне. Сол, тело которого постоянно производит новые органы, выступает в роли художника-перформансиста, а его партнер в художественной и повседневной жизни — Каприс — удаляет эти органы во время публичных выступлений, вызывая широкую гамму впечатлений у зрителей.

Зрителями такого представления становятся и Уиппет (актер Дон Маккеллар) и Тимлин (актриса Кристен Стюарт), являющиеся сотрудниками

секретного правительственного агентства, созданного для регистрации и каталогизации новых органов, которые все чаще и чаще начинают появляться у разных людей. Кроме художественной деятельности Сол работает и на спецслужбы, являясь тайным агентом, взаимодействующим с детективом Коупом (актером Уэлкетом Бунгуэ), сотрудником подразделения «Новые нравы», созданного с целью борьбы с деятельностью подрывных групп, стремящихся отказаться от традиционных норм человеческой сущности. Сюжет набирает обороты, когда один из таких радикалов обращается к Солу с предложением сотрудничества после того, как его сын, отличавшийся уникальной способностью переваривать пластик, был убит собственной матерью, которая была не готова принять такие особенности природы своего ребенка.

В этом контексте создатель «Преступлений будущего» демонстрирует не конкретные фактические преступления, которые могут стать «нормой» в будущем, а, скорее, абстрактные и теоретические угрозы, которые могут вызывать беспокойство уже сегодня: угрозы трансформации привычных категорий «человеческого» и возможную потерю человеческой природы, духовной и телесной, и вместе с этим эпистемические угрозы (угрозы системе знаний и смыслов, как на уровне индивида, так и всего общества). Ужас в фильме связан не с темой мутации телесности как таковой, а, очевидно, с беспокойством в отношении возможной потери самого смысла концепции человеческой телесности. Если тело во всех перспективах может быть публично продемонстрировано путем демонстрации хирургических процедур или может начать потреблять как источник пищи мусор и токсичные отходы, то что тогда останется от человеческой сущности? Это позволяет говорить о кинокартине как о глубоком исследовании мира, в котором размываются границы между человеком и его собственным телом, между технологическими достижениями и безвозвратным разрушением ключевых категорий культуры, а также — и при этом не в отдельной плоскости, а в тех же контекстах — между искусством и реальностью. При этом проблематизируется темная сторона расширения технологических возможностей, которая дает иллюзию господства человека над природой, технологиями и в целом жизнью [Жукова]. Поэтому «Преступления будущего» провоцируют зрителя к размышлению о философских и этических вопросах, касающихся перспектив человеческого бытия в будущем.

В киноленте подняты и переплетены ключевые концепции, которые Д. Кроненберг исследует на протяжении многих лет в различных фильмах, их мы рассмотрим далее чуть более подробно. В частности, основная исследуемая в нашей работе проблематика вписана в нередко поднимаемую режиссером тему сексуальной и эмоциональной лабильности, которые часто рассматриваются через призму интимных отношений и разрывов. И вообще изменчивость в отношении самых, с одной стороны, фундаментальных, а с другой — абстрактных категорий служит в фильме ценным материалом для философской рефлексии — центральной драматической линией и двигателем динамической структуры является конфликт идей и идеологических баталий, выражаемый через субъектные отношения персонажей. Обстановка в этом произведении создает ощущение множественных слоев и скрытых мотивов, вызывая интерес к скрытым истинам и подтекстам.

В фильме неявно, но чувствительно представлена атмосфера неопределенности, разрушения не только физических, но и смысловых оснований, и, можно сказать, что в поведении персонажей читаются признаки дезориентации, растерянности и даже паники. Обратим внимание, что представленная

неопределенность — это не кризис потребления и текучести, а буквально кризис «человеческого» [«Наши тела...»]. При этом данные явления обусловлены не тем, что человеческие тела в ускоренном режиме подвергаются изменениям, а, скорее, появлением понимания и интенсивным осознанием того, что собственное тело может быть изменено в угоду, например, эстетических оснований. Эти новые идеи представляются органам власти, по словам их представителей, возможным источником хаоса и деградации, как патологические и опасные деструктивным потенциалом конструкции, но власть, очевидно, не имеет инструментов для контроля, пресечения или управления этой новой данностью.

Поднимается в несколько парадоксальной форме и тема трансцендентности, пределов человеческого понимания мира. Один из героев, лидер подпольной преступной группировки, организует конкурс «Внутренняя красота» для продвижения новых идей через театрализованную демонстрацию новообразованных органов. В кульминационный момент фильма, при вскрытии тела мальчика, который был способен питаться пластиком, и чьи внутренние органы, как ожидалось, должны были знаменовать «новую телесность» и обеспечить новый взгляд на природу человеческой пищеварительной системы, обнаружился подлог, саботаж и предательство, что продемонстрировало остроту полемики вокруг «главных вопросов», градус которой впоследствии привел к убийству одного из героев.

Провокационность и острота не только тем, но и сюжетных поворотов, еще больше усиливается визуальным исполнением фильма, которое по композиции и по цветовой гамме иногда рождает ассоциации с живописью и иконографией эпохи Возрождения. Некоторые образы отсылают к изображениям «Страстей», подводя эстетику к сакральному. Эти нестандартные художественные приемы придают картине особую глубину и заставляют задуматься о том, что самые страшные преступления, такие как убийство и предательство, иногда выступают спутником напряженного поиска возможности трансценденции. Фильм, кстати, заканчивается смертью, но это не ответ на вопрос, а призыв продолжить размышления о возможности преодоления ограничений, определяющих интеллектуальную и физическую жизнь в рамках существующих телесных форм.

Как мы говорили, в «Преступлениях будущего» исследуется синдром ускоренной эволюции (здесь кавычки уже неуместны), который приводит к различным изменениям в человеческих телах. Некоторые персонажи сопротивляются этим изменениям, в то время как другие используют их в качестве источника новаторского искусства. Сам Д. Кроненберг отмечает в одном из интервью, что само содержание «преступлений будущего» (в буквальном смысле) обусловлено фактом трансформации человеческого тела. Изменения могут быть незаметными или кардинальными. Они возникают как из-за воздействия человека на окружающую среду, так и из-за собственно технологического вмешательства. Поэтому кинокартина поднимает вопрос, как общество реагирует на изменения, происходящие в человеческих телах, которые воспринимаются как угрозы и «неприемлемые» трансформации. Является ли преступлением то, что человеческое тело может эволюционировать, чтобы противостоять возникающим проблемам, вызванным им же, может ли человечество перерабатывать пластик и искусственные материалы не только для решения экологических проблем, но и для своего собственного развития, процветания и выживания [«Наши тела...»].

Несмотря на то, что жанр боди-хоррора не всегда пользовался широким успехом среди зрителей и в принципе находится в достаточно маргинальном статусе, недавно его позиции изменились. На экраны вышла исключительно мощная художественная киноработа, «Титан» (2021), снятая режиссером Жюли Дюкорно по собственному сценарию. Этот фильм был удостоен главной награды на Каннском кинофестивале, что свидетельствует об актуальности этого жанра, его «перезагрузке» и, возможно, выходе на новый уровень развития. Для нас в этом нет ничего удивительного, потому что боди-хоррор как поджанр ужасов сегодня как никогда привлекает внимание к актуальной категории культуры — к физической природе человеческого тела и его изменениям. Эта тема является значимой для современного человека, и недавний опыт пандемии коронавируса только поднял значение медицины и фармы в деле заботы и управления здоровьем в рамках «телесности».

При этом «Преступления будущего» заслуживают особого внимания из-за своей способности проникнуть в глубину проблематики, обусловленной взаимодействием телесного и технологий в перспективе возможных сценариев будущего. Как мы уже отметили, Д. Кроненберг представляет анализ физической и эмоциональной изменчивости, которая рассматривается им через призму сексуальных и интимных отношений (в новом фильме режиссер демонстрирует не просто новые горизонты, но, лучше сказать, определения таких отношений). Картина также является отличным источником для исследования конфликтов и борьбы идей, которые в рамках взаимодействия персонажей формируют драматическую динамику, создавая ощущение многоплановости и присутствия скрытых мотивов и призывая зрителя задуматься о скрытых истинах и подтекстах.

Справедливости ради надо отметить, что Д. Кроненберг — не единственный из талантливых режиссеров, обращавшихся к жанру боди-хоррора для исследования сложных вопросов. Можно отметить фильмы разных лет, относящихся к различным категориям: «Голову-ластик» (1977) Дэвида Линча, «Кожу, в которой я живу» (2011) Педро Альмодовара, «Тэцуо, железный человек» (1989) Шиньи Цукумото. В частности, эти работы представляют собой попытку переосмыслить технологическую реальность и ее влияние на человеческое тело. Другие произведения, такие как «Матрица» (1999) Вачовски и «Экзистенция» (1999) самого Кроненберга фокусируются в большей степени на исследовании метафизических аспектов реальности. При этом мы хотели бы отметить именно фильм «Преступления будущего» в качестве своеобразного философского исследовательского проекта, направленного на осмысление перспектив технологических возможностей в части воздействия на человеческую природу и на телесность в частности. При этом режиссер вводит и экологическую перспективу в поднимаемую им проблематику.

Образ будущего через призму экологии

Во многих современных научно-фантастических фильмах и сериалах мир будущего изображается как пространство, где человек «расчеловечивается» или борется за свое самосохранение в обстановке стерильности, среди зданий из металла и стекла, окруженный продуктами высоких технологий. Однако в «Преступлении будущего» город больше напоминает руины, оставшиеся после какой-то эпидемии или техногенной катастрофы, чем символ прогресса. Хотя это четко не обозначено, можно почувствовать обреченность привычного существования. Причем это, не кажущееся мрачным на первый взгляд

киберпанковское будущее, где в лабиринтах чайнатаунов мегалополисов люди на самом деле борются, любят, куда-то бегут и иногда даже одерживают победу над всемогущими технокорпорациями. Здесь же мир в том виде, в каком мы его знаем, обречен, и ничто не может изменить это ощущение, идущее отовсюду. Во многом, очевидно, это чувство рождается из-за ощущения мертвой природы, незримой экологической катастрофы, которая остается за кадром.

Эту проблему поднимает целый ряд исследователей. В частности, Э. Левинас и Д. Харауэй говорили о необходимости уважения к природе и восприятия ее не только в качестве ресурса для потребления, но и как субъекта, имеющего самоценность и свои права [Левинас]. Д. Харауэй особенно подчеркивала взаимосвязь между человеком и окружающей средой и невозможность существовать отдельно от нее [Haraway]. Еще одним примером философской мысли, лежащей в русле проблематики «Преступлений будущего», может служить концепция новой экологии, предложенная Тимоти Мортонем, который акцентирует внимание на том, что окружающая среда не является самостоятельной сущностью, отделенной от человека, и подчеркивает важность взаимосвязи и важное влияние, которое оказывает человеческая деятельность на природу [Morton].

Поднимая эту повестку, Д. Кроненберг актуализирует популярную сегодня идею, что технологии могут нести поистине катастрофические последствия для будущего планеты, судьбы человечества и природы 'человеческого' в частности. В современном кинематографическом искусстве активно исследуется тема взаимодействия между человеком и природой, а также последствия антропоцентрического подхода к окружающей среде. Одним из примеров такого фильма является «Источник» (2014) Даррена Аронофски. В этом фильме главный герой (актер Хью Джекман), ищет источник вечной молодости, который позволит ему спасти свою смертельно больную жену. В процессе путешествия он сталкивается с различными природными явлениями и символами, которые отражают его внутренний мир и его отношение к природе. Фильм поднимает проблему неуемной жадности человека, его стремления контролировать и изменять природу в своих интересах, а также говорит о последствиях такого подхода. Еще одним примером является фильм «Аннигиляция» (2018) режиссера Алекса Гарланда. В этом научно-фантастическом триллере группа ученых отправляется в Зону X, загадочную область, где природа подверглась странной мутации. В процессе исследования они сталкиваются с необычными существами и феноменами, которые вызывают в них самих преобразования и трансформации. Как и в фильме, упомянутом ранее, здесь поднимается тема взаимодействия человека с природой, а также проблема границы между человеком и природой, которая начинает не то чтобы размываться, а скорее, расходиться.

В этом смысле «Преступления будущего» следует обозначенному выше философскому и кинематографическому вектору, так как в фильме явно показан разрушительный характер промышленного прогресса и эгоизм человечества. В этом, теперь можно сказать, антиутопическом будущем люди перестают беспокоиться о своем взаимодействии с окружающей средой: они уже перестали заботиться о состоянии города, прекратили ремонтировать здания и поддерживать чистоту и порядок в помещениях. В этом смысле в фильме подчеркивается, что люди настолько эгоистичны, что заботятся об окружающем мире только тогда, когда он оказывает на них непосредственное влияние. Как только нечто или некто (отметим, что гипотеза Геи здесь очень уместна хотя

бы как творческий манифест, так как она дает свой ответ практически на эти же вызовы) перестают оказывать влияние на жизнь человека, он перестает заботиться о них [Lovelock]. Режиссер радикально осмысляет эту проблему, декларируя, что новое поколение людей, пожиратели пластика, должны очистить окружающую среду от мусора, оставленного предыдущими поколениями.

По нашему мнению, упомянутый выше контраст между разрушающимся миром и передовыми технологиями, кажущийся на первый взгляд странным, как раз и служит призывом к осмыслению того, насколько человечество эгоистично, и к чему это может привести в будущем. Этими образами режиссер привлекает внимание к необходимости осознать, насколько технологический прогресс уже привел к разрушению природы, и что дальнейшее хищничество человечества приведет к окончательному уничтожению всего, что нас окружает, в результате чего будущее станет пустыней.

Образ будущего через призму телесности

В таком будущем ключевую роль для человека будет играть его тело. В кинокартине, в противовес альтернативным идеям о перспективах виртуальной, дополненной, смешанной реальностей, внимание акцентируется на том, что «тело — это реальность», и что восприятие человека формируется на желании избежать дискомфорта и достичь удовольствия.

Как мы отметили выше, мир «Преступлений будущего» — мрачный и разрушающийся, декорации ассоциируются с медленным апокалипсисом. И лишь внутри этого мрачного мира, в интерьере еще можно наблюдать некоторые предметы обстановки и быта, которые используют герои, чтобы адаптироваться с помощью телесных изменений к новой реальности. Здесь персонажи вступают в интенсивное взаимодействие со своими телами. Они переносят сложные полостные операции и показывают миру свои внутренности, чтобы доказать свое существование. Искусство Сола и Каприс представляет нечто пограничное между подпольной хирургией, трансгрессивными практиками и производственной лабораторией. Сол задает себе вопрос о смысле существования такого искусства в мире, где синтетика стала преобладать над органикой, и осознает, что его искусство (столь авангардные и радикальные практики для нашего восприятия!) уже принадлежит прошлому.

Отметим, что хирургические операции, которые осуществляют персонажи, приобретают эротический характер. Зрители и вообще современники художников по-разному относятся к происходящему. Сторонники эволюции призывают к полному принятию естественных изменений тела, даже если это потребует потребления синтетической пищи. Оппоненты этой идеи считают, что те, кто употребляет синтетику, являются монстрами, которых следует уничтожить.

Д. Кроненберг отображает в картине телесность как что-то одновременно отталкивающее, но в то же время притягательное. Он демонстрирует телесную трансформацию через совершенно новые форматы ощущений и дискомфорта, не существовавшие ранее — что может ощущать человек, когда внутри него развивается новый орган; какие ощущения у человека, который неспособен переваривать органическую пищу и который чувствует влечение к пластику, и т. д.

Фильм можно воспринимать и как источник мощного дискурса о телесности и этике. Подчеркивая, что тело — это реальность, режиссер призывает к дискуссии о признании и осознании этой реальности в новых условиях. Можно сказать, что этическая проблематика, обусловленная темой телесных

трансформаций, является перспективной темой дальнейших исследований данной картины. В первую очередь темой обсуждения может быть граница этичности художественных манипуляций с новыми органами, чем занимается Сол. В этом контексте требуется биоэтический дискурс для понимания процессов изменения телесности, что может позволить преодолеть дилеммы этического характера. Эта тема не является новой в философии. Фридрих Ницше в работе «Так говорил Заратустра» в некоторой степени исследовал телесность в контексте самопреодоления, призывая осмыслить собственное физическое бытие и преодолеть ограничения [Ницше]. Феноменолог Морис Мерло-Понти рассматривал тело как основу присутствия в мире, подчеркивая неотъемлемую связь тела с опытом и пониманием окружающей реальности [Мерло-Понти]. Мишель Фуко анализировал влияние социальных и политических сил на восприятие телесности и этические нормы. Он предлагал рассматривать тело не только как инструмент самоидентификации, но и как объект социальных норм и власти [Фуко]. Таким образом, фильм «Преступления будущего» является плодотворной почвой для дальнейшего исследования проблемы трансформации телесности в контексте этики.

Заключение

Анализ фильма «Преступления будущего» Д. Кроненберга позволяет погрузиться в философское осмысление технологий, телесности и будущего «человеческого». Кинокартина поднимает множество важных вопросов. В каком направлении человечество будет эволюционировать? Может ли современный человек или человек будущего отказаться от того, что считается «человеческим»? Как возможно в условиях стремительной трансформации сохранить моральные ориентиры? Д. Кроненберг транслирует множество мыслей и идей, из которых в данной статье мы затронули лишь несколько: проблему поиска новых ощущений человеком для подтверждения собственного существования, а также тему целей существования современного искусства. Новый взгляд на феномен телесности и размышления о будущем представлены в качестве ключевых направлений, лежащих в основе работы Кроненберга. Он представил мир, где тело и технологии переплетаются и взаимодействуют, вызывая метаморфозы и эволюцию души и тела человека.

Безусловно, картина требует внимательного просмотра и изучения, поскольку данный материал позволяет обратиться к глубинным вопросам, прямо или опосредованно поднятым режиссером. Д. Кроненберг не предлагает простых ответов на сложные вопросы, но именно в исследовании радикальной (хотя, возможно, и не столь радикальной) версии близкого будущего мира, а также своей собственной природы, можно найти продуктивную перспективу.

Итак, фильм «Преступления будущего» стимулирует философский диалог, который позволяет нам глубже погрузиться в проблему телесности и этики в условиях мощного технологического развития. Дальнейшее исследование кинокартины может способствовать большему расширению наших горизонтов и побудить к поиску новых путей для саморефлексии и самоопределения, понять нашу сущность и значимость телесного в контексте существования.

Список литературы / References

Берест В.А. Антропология боли в перформативных практиках Джини Пан: от сакральной традиции к провокации // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2020. № 10. С. 632—640.

- (Berest V.A. Anthropology of pain in Gina Pan's performative practices: from sacral tradition to provocation, *Actual problems of theory and history of art*, 2020, no. 10, pp. 632—640. — In Russ.)
- Гуров О.Н. Мета вселенная — из сумерек во тьму перелетая? // Наука телевидения 2022. № 18 (1). С. 11—46.
(Gurov O.N. Metauniverse — from twilight to darkness flying?, *Television Science*, 2022 no. 18 (1), pp. 11—46. — In Russ.)
- Дроздова А.В. Визуальность как феномен современного медиаобщества // Дискуссия. 2014. №10 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnost-kak-fenomen-sovremennogo-mediaobschestva> (дата обращения: 23.09.2023).
(Drozdova A.V. Visuality as a phenomenon of modern media society, *Discussion*, 2014, № 10 (51). — In Russ.)
- Жукова Е.А. Человек в мире Hi-Tech: новая иллюзия господства // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-mire-hi-tech-novaya-illyuziya-gospodstva> (дата обращения: 23.09.2023).
(Zhukova E.A. Man in the world of Hi-Tech: a new illusion of domination, *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2013, № 3 (7). — In Russ.)
- Коданева С.И. Общество и технологии: возможности и риски коэволюционного развития // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 1 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-i-tehnologii-vozmozhnosti-i-riski-koevoljutsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 23.09.2023).
(Kodaneva S.I. Society and technology: opportunities and risks of co-evolutionary development, *Social Innovations and Social Sciences*, 2021, № 1 (3). — In Russ.)
- Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М.: Культурная инициатива; СПб.: Университетская книга, 2000. 415 с.
(Levinas E. Selected: Totality and the Infinite, Moscow; St. Petersburg, 2000, 415 p. — In Russ.)
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 603 с.
(Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception, St. Petersburg, 1999, 603 p. — In Russ.)
- «Наши тела постоянно мутируют». Дэвид Кроненберг — о «Преступлениях будущего» и Вигго Мортенсене. Интервью // Кинопоиск. 02.09.2022. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4006622/?ysclid=lmw8nes18i110689217> (дата обращения: 01.09.2023).
(“Our bodies are constantly mutating”. David Cronenberg — about “Crimes of the Future” and Viggo Mortensen. Interview, *Kinopoisk*. 02.09.2022. — In Russ.)
- Попов Е.А. Концептуализация кризиса искусства: опыт отраслевой социологии // Философия и культура. 2023. № 8. С. 13—26.
(Popov E.A. Conceptualization of the crisis of art: the experience of branch sociology, *Philosophy and Culture*, 2023, no. 8, pp. 13—26. — In Russ.)
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М: Интербук, 1990. 301 с.
(Nietzsche F. Thus spoke Zarathustra. A book for everyone and for no one, Moscow, 1990, 301 p. — In Russ.)
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.
(Foucault M. The Will to Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years, transl. from French, Moscow, 1996, 448 p. — In Russ.)
- Haraway D. When Species Meet, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008, 438 p.

Lovelock James. *The Revenge of Gaia: Why the Earth Is Fighting Back — and How We Can Still Save Humanity*, Santa Barbara: Allen Lane, 2006, 192 p.

Morton T. *Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics*, Cambridge; Massachusetts; London: Harvard University Press, 2007, 262 p.

Zygmunt Bauman: Behind the world's 'crisis of humanity'. Interview, *Al Jazeera Media Network*, URL: <https://www.aljazeera.com/program/talk-to-al-jazeera/2016/7/23/zygmunt-bauman-behind-the-worlds-crisis-of-humanity> (accessed: 01.09.2023).

TECHNOLOGIES. CORPOREALITY. FUTURE: REFLECTIONS OF D. CRONENBERG IN THE MOVIE “CRIMES OF THE FUTURE”

Oleg N. Gurov

State Academic University For The Humanities,
Lomonosov Moscow State University,
MGIMO University, Moscow,
Russian Federation, gurov-on@ranepa.ru

Abstract. This article provides an analysis of the film "Crimes of the Future" (2022), directed by David Cronenberg. The film is examined as a significant work that raises important questions about the interaction of technology, embodiment, and the future of society. The author highlights how the director focuses on exploring the interplay between technological progress and culture through the use of the metaphor of crimes against the future. The article also addresses key humanitarian phenomena such as the crisis of culture, the interpretation of culture and art in the context of contemporary destructive consumption and the transformation of meanings. The role of cinema as an art form that prompts viewers to reflect on questions of human existence and the impact of technology on the future of humanity is discussed. Special emphasis is placed on Cronenberg's philosophical reflection and his ability to convey the complexity and challenges of contemporary society in the face of technological development. This study contributes to the understanding of the interaction between technological progress and human culture, offering a new perspective for research and analysis of these issues. The findings of this research have implications for reevaluating the role and impact of technology on the future of humanity.

Keywords: embodiment, mass culture, technological progress, ethical-moral nexus, dystopian fiction, nature of the human, crisis of culture, David Cronenberg

For citation: Gurov O.N. Technologies. Corporeality. Future: Reflections of D. Cronenberg in the movie “Crimes of the future”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 28—39.

Статья поступила в редакцию 18.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 19.12.2023.

The article was submitted 18.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 19.12.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Гуров Олег Николаевич — кандидат философских наук, доцент философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, доцент экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научный сотрудник Центра искусственного интеллекта Московского государственного института международных отношений, г. Москва, Россия, gurov-on@ranepa.ru

Gurov Oleg Nikolaevich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor at the Faculty of Philosophy at State Academic University of the Humanities, associate professor at the Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University, researcher at the Center for Artificial Intelligence at MGIMO University, Moscow, Russian Federation, gurov-on@ranepa.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 40—49.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 40—49.

Научная статья

УДК 821.161.1.0-2"18"

DOI: 10.46726/И.2024.1.4

СПЕЦИФИКА ПЬЕС Л.В. ГАРЕЛИНОЙ: ЖАНР, ТЕМАТИКА, ПРИНЦИП ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ

Елена Александровна Копытова

Ивановский государственный университет, г. Иваново,
Россия, eakopytova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика трех известных на сегодня драматических сочинений Л.В. Гарелиной. Во второй половине XIX века писательница обращается к жанру сцен, а также к актуальной проблеме женской эмансипации, но предлагает свое решение этого вопроса. Пьесы представляют собой зарисовки из жизни крестьянского и дворянского сословий, с присущей жанру очерковостью и установкой на достоверность. Действие произведений разворачивается в патриархальной российской провинции. Главные действующие лица — женщины разного возраста, особенностей характера, социального положения, места жительства, представляющие, однако, вполне определенные типы: деревенская девушка из зажиточной крестьянской семьи — в первой пьесе; княгиня, жительница губернского города — во второй; помещная дворянка и ее падчерица — в третьей. При этом в их изображении автор делает акцент не на социальном положении, а на чувствах, которые переживает женщина на разных этапах своей жизни. Можно говорить о своеобразной драматической трилогии: Гарелина последовательно рисует три возраста или три состояния женщины: девушка на выданье, молодая жена и вдова. В центре всех трех пьес — любовь и связанные с ней проблемы женщины. Какие бы то ни было социально, политически значимые проблемы не привлекают внимания писательницы, но она акцентирует весьма важную и смелую для того времени проблему женской жизни — право женщины любить и быть свободной в своем выборе. Писательница рисует нехарактерный для российской провинции новый тип активных, стремящихся к любви и способных бороться за свое счастье женщин.

Ключевые слова: Л. Гарелина, женский образ, женщины-писательницы, женщины-драматурги, женский провинциальный текст

Для цитирования: Копытова Е.А. Специфика пьес Л.В. Гарелиной: жанр, тематика, принцип изображения персонажей // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 40—49.

Любовь Васильевна Гарелина (1824—1885) — поэтесса, драматург, автор детских книг, переводчица, этнограф, жена известного ивановского фабриканта Якова Петровича Гарелина — совершенно необычный феномен даже в контексте специфической женской литературы XIX века. Будучи представительницей купеческого сословия, но вместе с тем хорошо образованной и финансово свободной, она представляет интересный тип просвещенной провинциалки, имеющей способности и возможности заниматься литературой и по своему пропагандировать ее. А изучение ее текстов показывает, что можно

говорить и об особенной авторской позиции как в отношении женского вопроса, так и в культурно-просветительской роли литературы в провинции.

В рамках настоящей статьи остановимся на драматургической части гарелинского творчества. Л.В. Гарелина является автором нескольких драматических произведений, которые были опубликованы под псевдонимами «Л.Г.» и «Надежда Либина». Сведения о ее пьесах сохранились в справочных изданиях XIX — начала XX столетий [Голицын: 62—63, 180; Мезьер 2: 46], а также в словаре «Русские писатели» [Крылова 1: 524].

Можно говорить о трех известных на сегодня драматических сочинениях Любови Васильевны: пьесах «Приемыш» (1870), в более раннем издании имевшей название «Сиротинка ох! а за сиротинкой Бог» (1867); «Не к месту» (1870), первоначально изданная под названием «Тогда и цену мы узнаем, когда на веки потеряем» (1867) и «Игра судьбы» (1870). Как видим, интерес к пьесам у Гарелиной возникает периодами — по крайней мере публикация, а затем переиздание происходят в один год — 1867, а затем 1870.

Сама Гарелина определяла жанр своих драматических сочинений как сцены: «Приемыш» — «деревенские сцены», «Не к месту» — «драматические сцены», «Игра судьбы» — «сцены». Л.М. Лотман специфическими чертами этого жанра называла отсутствие ярко выраженного сюжета, воссоздание типичного для данной среды эпизода, типичных образов ее представителей, «очерковость» таких сочинений, придававшую «особенную достоверность изображаемому, характер зарисовок с натуры», а также «яркость образов» и лаконичность характеристики социальной среды «через частный случай или отдельное лицо» [Лотман: 373—374]. И произведения Гарелиной в эти параметры вполне укладываются: действие разворачивается в патриархальной российской провинции, фабула каждого из сочинений ослаблена, часто имеет характер зарисовки (локальной истории), сюжеты традиционны для русского театра, двигателем действия является частный конфликт.

В пьесе «Приемыш» автор рисует деревенские сцены из простонародного крестьянского быта. Еще в 1870 году газета «Деятельность» метко пересказывала ее содержание: «В деревне живет богатая вдова с дочерью <...> Известно, что в околomosковных областях в селах и деревнях встречаются весьма зажиточные крестьянские или мещанские семейства <...> Вдова Маремьяна Тихоновна, выводимая автором на сцену, принадлежит к разряду таких-то зажиточных сельских жителей, составляющих деревенскую аристократию, почетнейших и лучших людей в целом околотке» [Деятельность. № 188]. Единственная дочь Маремьяны Тихоновны Маша влюбляется в бедного сироту, приемыша Терешу. Молодые люди встречаются вопреки воле вдовы, мечтают о счастье, женитьбе и все-таки добиваются ее благословения. Настойчивость Маши и неудавшаяся попытка самоубийства вынуждают мать дать согласие на брак дочери с любимым человеком. Современные критики справедливо подчеркивали: «Содержание, как видится, самое обыкновенное; девицу из богатого дома не выдают за бедняка, да еще подкидыша, хотя они и любят друг друга; не в высших и не в средних только обществах выбирают ровню по состоянию и положению общественному, но и в быту крестьянском» [Там же].

Во второй и третьей пьесах изображаются сцены из быта уже высшего губернского общества и поместного дворянства. Вслед за газетой «Деятельность» отметим, что «содержание» второй пьесы «Не к месту» также традиционно для литературы и жизни: за «сюжет взят случай обыкновенный, часто повторяющийся в действительности» [Деятельность. № 196]. Молодая

княгиня Лидия Всеволодовна томится в браке со зрелым, постоянно занятым, невнимательным мужем Павлом Александровичем Звездиным. Лидии Всеволодовне одинаково чужды и неинтересны и семейные будни, и светские вечера. Она грустит и от скуки сближается с приехавшим погостить в их дом другом князя Владимиром Нерадовичем, влюбляется в него и убегает.

Любовная коллизия в третьей пьесе «Игра судьбы» оказывается еще более сложной, потому что сюжетную основу драмы составляют сразу несколько любовных треугольников: в доме молодой вдовы Варвары Алексеевны Радомской живет учитель Леонид Иванович Рощин. В него безответно влюблена падчерица вдовы Екатерина Павловна Карина, сам же учитель безнадежно любит Радомскую. Когда же он, наконец, решает открыться Варваре Алексеевне, то настолько оскорбляет ее своим признанием, что в ответ на ее гневную жестокую реакцию совершает самоубийство. Воспитанница Радомской теряет рассудок. Сама же вдова тоже оказывается разочарованной в своих чувствах, потому что и ее настигает неразделенная любовь: у Варвары Алексеевны внезапно для самой себя пробуждается интерес к молодому гостю Всеволоду Петровичу Арскому, племяннику ее друга князя Критского, но тот делает предложение Кариной.

В своих сочинениях Гарелина детально описывает внешние формы быта героев. Так, в «Приемыше» изба у богатой вдовы Маремьяны Тихоновны «самая-то большая с мезонином»¹ (П: 19). Подробно изображается ее комната: «В переднем углу двойной кивот с иконами в серебряных ризах; перед ним большой, старинный дубовый стол, по стенам лавки. В противоположном углу комод с чайным шкафом и книгами, на комодке плетеная корзинка...» (П: 3); равно как и будуар княгини Лидии Всеволодовны в драме «Не к месту»: «с правой стороны письменный стол, на котором разбросаны разные дорогие безделушки и стоят бронзовые часы; с левой — рабочий столик розового дерева; кругом богатая мебель; в углу шкаф с книгами и диван. Комната устлана коврами» (Н: 89). Интересно, что писательница выражает особое внимание к книгам, и шкаф с книгами оказывается обязательным атрибутом главного женского персонажа. И третья пьеса «Игра судьбы» не будет в этом смысле исключением: «Что это Катерина Павловна, какая, право, все как разбросала: и ноты по полу разбросаны и книги из шкапа все повытасканы...», — говорит экономка в одной из комнат дома Радомской (И: 173). Очевидно, эта подробность в обрисовке быта важна Гарелиной как характеристика уровня жизни или интересов своих героинь. Для нас же она оказывается значимой с точки зрения семиотики быта, который, как представляется, по-своему пытается осмыслить и запечатлеть писательница. Возможно также, она выступает здесь и как художник-декоратор: Гарелина продумывает и саму сцену, и то, как она должна выглядеть, — ведь это, по ее плану, будет ставиться в театре.

Современные критики отмечали, что в пьесе «Приемыш» некоторые сцены точно представляют отдельные стороны сельской жизни [Деятельность. № 188]. Очевиден интерес автора к народной жизни и к крестьянскому семейно-бытовому укладу. Изображая героев из народной среды, писательница обращается к народному опыту. Автор точно воспроизводит особенности уклада жизни крестьян, например, обряд благословения на брак [П: 48], обряд приема гостей (П: 53—55), семейной трапезы (П: 50), молитвы (П: 56). Очень

¹ Здесь и далее тексты пьес цитируются по изданию: [Гарелина] с указанием в скобках буквы «П» («Приемыш»), «Н» («Не к месту»), «И» («Игра судьбы») и страниц.

подробно Гарелина воссоздает этнографические элементы свадебного обряда — сватовство с присущими ему шутками, прибаутками, играми, песнями, присказками, считалочками (П: 64—75, 82—85). Выбор наряда невесты описывается тоже детально (П: 56—57).

Кстати, одежда героев всегда очень подробно описывается Гарелиной: и если княгиня Лидия Всеволодовна едет на вечер в платье *«лиловое-муар»* (Н: 92), то и Маша, по совету матери, встречает гостей не в ситцевом сарафане, а нарядной одежде: *«Надень сарафанчик-от аленький <...> Ленту-ту вплети в свою косаньку тоже алую; а рубашку-ту кисейную с прошивными рукавами»* (П: 57).

Драма *«Не к месту»* посвящена изображению жизни представителей уже высшего губернского общества. Лидия Всеволодовна, например, так характеризует местное общество: *«Женщины такие сплетницы, что сблизиться с ними даже опасно, мужчины все такие гадкие и каждый думает об себе так много, что, ей богу, становится смешно и досадно, глядя на них!»* (Н: 89). Саркастический тон в описании представителей высшего света и типа отношений в обществе, а также явная противопоставленность ему гарелинских героинь (*«становится смешно и досадно»*) демонстрирует и предпочтения самой Гарелиной, и ее ориентацию на литературную традицию и тексты писателей-современников. Это замечают и рецензенты, очень точно улавливая типажи, выведенные в пьесе и их оценку: *«характеры каждого действующего лица обрисованы отчетливо: делового формалиста князя, скучающей княгини, странствующего, довольного собой, говорливого Нерадовича, крестьянина, казачка, чиновника губернского бывалого»* [Деятельность. № 196].

Не менее подробную характеристику провинциального помещичьего дворянства, его нравов и образа жизни Гарелина предлагает и в пьесе *«Игра судьбы»*. Писательница показывает и ограниченное женское общество, и отсутствие развлечений. *«Скучно, ужасно скучно...»*, — говорит молодой человек Петр Иванович Дровин, отвечая на вопрос о жизни в провинции в сравнении с губернским городом (И: 164). Иную картину представляет сама Радомская, подчеркнуто выделяясь из этой общей скуки: *«есть и у нас свои маленькие удовольствия: мы делаем вечерние прогулки, играем в карты, танцуем, <...> читаем... Но это все редко: чаще мы занимаемся музыкой...»* (И: 169—170). Для нее, как и самой Гарелиной, красота может быть во всем, достаточно оглянуться: *«здесь у меня так хорошо, что право не хочется сделать шага из дому; посмотрите князь какая природа: луга, леса, речка, есть даже горы...»*, — говорит Радомская, показывая князю Критскому и Арскому свое имение (И: 169).

Эта установка на любовование провинцией, умение находить и видеть ее привлекательные стороны довольно устойчива в текстах Гарелиной. Найдем мы здесь и меткие характеристики местных жителей, не лишённые тонкого юмора, например, князь Критский так представляет помещика Размахаяева Арскому: *«Рекомендую — Сысой Прохорыч, олицетворение телеграфа в нашем пустынном крае, наглядное доказательство, что человек с двумя немудрящими лошадками может соперничать в быстроте передачи с самым новоизобретенным аппаратом...»* (И: 161).

Большое внимание в драматических сочинениях уделено языку. Одной из характерных особенностей писательской манеры Гарелиной является проникновение в ее художественную речь народного языка. И здесь мы наблюдаем не только обилие простонародных слов, как, например, в пьесе *«Приемыш»* — *«нишнешь»* (П: 3), *«сбутетенила»* (П: 4), *«розоднюет»* (П: 44), *«занишникоте»* (П: 51) (вместо замолчите), *«заблекоталась»* (П: 62)

(заболталась), но и пронизывание сочинений духом народной лирики: речь няни и других персонажей изобилует присказками, поговорками, прибаутками, народной мудростью: «*Мели, Емеля, коли пришла твоя неделя*» (П: 8); «*без троицы-то и дом не строится. А без четырех углов не становится!*» (П: 15); «*не поверю чужим речам; а поверю токма своим очам*» (П: 40); «*не давши слова, крепись, а давши — держись*» (П: 63). Кажется, ее особой гордостью становится собирание и использование в своих текстах такого рода свидетельств провинциальной жизни. Не случайно в качестве одного из достоинств пьесы газета «Деятельность» отмечает «разговоры», которые «удачно взяты в простонародной речи» [Деятельность. № 188].

Няня княгини Лидии в пьесе «Не к месту» тоже говорит простонародным языком: «*куранты подстроит*» (об измене), «*как цветочек в распулке*» (о молодости) (Н: 95), «*пустомыгу*», «*мелет*» (Н: 109), что как будто не удивительно и ожидаемо. Но в этом просторечьи ее речь особенно выразительна и подчас иносказательна. Даже о побеге княгини она рассказывает очень образно, причитая: «*Пташечка ты моя, птенчик ты мой неразумненький, попала ты в когти ястребу, злому врагу, истерзает он тебя без милости, выпьет он кровь твою горячую, заключет тебя до смерти, бросит бедную поверх матери сырой земли!*» (Н: 135). Здесь мы можем усмотреть два важных момента в стилистике Гарелиной: с одной стороны, она явно сознательно использует функционал и возможности просторечья и народной речи, и в этом очень точно встраивается в современные ей литературные и культурные тенденции, а с другой — эта речь ей искренне нравится, здесь она чувствует какую-то уникальную специфику своего особенного мира, который по-своему архивирует и изучает в своих текстах.

При этом язык образованной и читающей Маши (вспомним шкаф с книгами в крестьянской избе), которая и Терешу грамоте обучила, в сравнении с простонародной речью няни и матери правильнее, сложнее и благозвучнее. То же мы наблюдаем и у героев из высшего общества в других пьесах Гарелиной, все они говорят на свойственном им языке.

Пьесы объединяют не только жанр и присущие ему средства выражения, любовные сюжетные линии, но и первенство главных персонажей. Главными действующими лицами в пьесах Гарелиной оказываются женщины. Остановимся более подробно на каждой из них.

Центральным женским персонажем в пьесе «Приемыш» является дочь Маремьяны Тихоновны Маша. Конечно же, она молода — ей 20 лет, богата, «*хозяйка отменная*» (П: 15), всеми жителями околотка признанная «*первая певичка*» (П: 27) и «*красавица писаная*» (П: 28). Маша в изображении Гарелиной активная, волевая девушка. Она не хочет скрывать свои чувства, и в разговоре с матерью первая о них заявляет открыто: «*Да, я люблю Терешу, больше жизни люблю*» (П: 31). Первая роль в отношениях влюбленных всегда у Маши: даже в сцене знакомства с Терешей к молодому человеку подходит именно Маша с предложением поискать грибов, а он «*ни одного слова сказать не мог!*» (П: 19); позже она первой бросится в реку после проклятия матери (П: 34), первой после спасения придумает, как получить ее благословение (П: 47).

Интересно, что характер Маши особенно оттеняется характером Терешки. Ее возлюбленный нерешительный, послушный, «*смирный*» (П: 52), «*безответный*» (П: 54), сомневающийся юноша. Сравним фрагменты глубоких по своему содержанию песен о любви Терешки и Маши, которые звучат в пьесе, и увидим, что у Терешки песня — причитание о своей несчастной доле,

а у Маши — утверждение своего права на любовь. Тереша поет: *«Горько жить на белом свете сироте; / Не найду себе спокойствия нигде! / Только радости, что Машенька одна / Но она не будет бедному — жена! / Не знавать мне дней счастливых никогда, / Потому что бесталанный сирота!»* (П: 22). *«Я люблю тебя сироточку душой; / Чует сердце, что на век ты будешь мой! / Я и бедности с тобою не боюсь / И любить тебя пред всеми поклянусь!»* — отвечает Тереше Маша (П: 26).

В драме «Не к месту» главным действующим лицом является княгиня Лидия Всеволодовна. Всего восемь месяцев как она вышла замуж за князя Павла Александровича Звездина. Лидия любящая, нежная, чувствительная молодая женщина, но уже очень скоро в пьесе появляется образ тоски как метафора жизни княгини. *«Боже, какая тоска! <...> Что это за жизнь? Хочешь, не хочешь, а делай что прикажут»*, — говорит она (Н: 91—92). Подобно Тереше в пьесе «Приемыш», характер князя подчеркивает характер Лидии Всеволодовны. Сама княгиня так описывает Павла Александровича: *«Муж мой человек добрый, но такой холодный, такой холодный!»* (Н: 89). Лидия говорит о *«ледяном сердце»* мужа (Н: 96). Вместе с тем он по-своему любит жену, но не выражает своих чувств, не *«нежничает»* (Н: 106). Князь не понимает поведение Лидии, ее стремления, считая ее избалованной и капризной *«мечтательницей»* (Н: 106). Поведение княгини для него — это *«пансионские привычки»* (Н: 105). Между мужем и женой возникает пропасть непонимания: Лидия живет *«потребностями сердца»* (Н: 121), а князь рассудком: *«Нормальная жизнь человека — есть жизнь рассудка...»*, — признается он (Н: 120—121). И здесь обнаруживается принципиальное для княгини и, конечно, самой Л. Гарежиной противостояние чувства и рассудка. Когда княгиня влюбляется в Нерадовича, то оказывается всецело во власти своего чувства. У нее случается не просто *«серьезная действительная любовь»*, как с сомнением предположил муж княгини (Н: 123), а любовь безумная: *«ты для меня дороже всего на свете <...> люблю люблю тебя до безумия»*, — говорит сама Лидия Нерадовичу (Н: 127).

На ролях любовника в пьесе, как метко замечает сам князь, оказывается *«чопорный фронт»* (Н: 120). Даже няня называет Нерадовича не иначе, как *«вертопрах»*, *«пустозвон»* (Н: 107), *«вертихвост»* (Н: 129). Поэтому и в общении со старым другом Нерадович ведет себя как лицемер и обманщик (Н: 116—117), вполне логично, что так же он объясняется и с Лидией. Его признание в любви звучит излишне книжно и высокопарно: *«Ах, как мало вы знаете меня! Дело для меня очень важно, чтобы шутить им. Любовь — не шутка. Это святое, возвышенное чувство, которое дается человеку раз в жизни как высшее наслаждение, или высшее мучение»* (Н: 113). Княгиня отвечает ему намного искреннее, в ее признании заключена глубина чувства: *«Я люблю вас, Владимир Алекс... <...> Да я люблю тебя, Владимир; при первом нашем свидании сердце подсказало мне, что ты тот, кого давно искала душа моя!»* (Н: 113).

Подобно Маше, она любит бесстрашно и готова в этом признаться: *«А муж?.. Ну чтож, я ничего не побоюсь во имя любви неподдельной: я скажу ему честно, прямо, что люблю Вольдемара...»* (Н: 110). Сама Лидия весьма трезво и зрело называет причины своей измены: *«Неравенство лет, неодинаковость воспитания и оттуда разность взглядов естественно рождают взаимную холодность в отношениях, результатом которой является то что, называется тривиальным именем измены...»* (Н: 121), за этими словами явно слышится позиция самой писательницы. Мы видим, что и во второй

пьесе Гарелина рисует решительный женский характер, готовый принести любые жертвы во имя любви.

С иными женскими типами знакомит автор в пьесе «Игра судьбы». В центре повествования — трагическая история молодой девушки. Катерина Павловна Карина имеет несчастье влюбиться в учителя Леонида Ивановича Рощина. В первом же явлении первого действия он признается Кариной в любви к ее мачехе. Понимая, что ее любовь *«без надежды»* (И: 183), и, осознавая всю силу и глубину настоящего чувства, Катерина Павловна смиренно принимает свое положение. Учитель не знает причин *«безнадежного отчаяния»* (И: 157) Кариной, но замечает ее тоску и обращает внимание на характер музыки, которую она исполняет. *«Что за мотивы предпочитает она в последнее время и как выполняет она их: под ее пальцами музыка точно плачет, точно жалуется, точно молит чего-то?..»* — размышляет он (И: 157—158).

Еще один главный женский персонаж в сочинении Гарелиной — молодая вдова Варвара Алексеевна Радомская, женщина строгая и рассудительная. Падчерица так характеризует свою мачеху: *«эта как лед, холодная, до чванства величавая, гордая женщина!»* (И: 146). И вновь мы видим, как мужской персонаж усиливает, выделяет главный женский образ. Подобно Тереше, Леонид Иванович оказывается слабым, трепетным в своей любви и не может преодолеть даже вызванную ею рассеянность. Радомская не замечает чувств Рощина и его, по ее же словам, *«ломания, совсем не идущие к роли воспитателя»* воспринимает как *«гамлетствование»* (И: 148).

Радомская сама говорит о себе, что ее сердце украсть трудно и прожить ей суждено холодной и рассудочной жизнью: *«верно мне не назначено испытать того чувства, которое зовут любовью...»* (И: 152). Но вскоре она знакомится с блестящим молодым человеком, жителем Петербурга Всеволодом Петровичем Арским — мужчиной, подобного которому, по ее же словам, никогда еще не встречала, и влюбляется в него. К сожалению, любовь, так неожиданно случившаяся в жизни Варвары Алексеевны, тоже будет неразделенной, но Радомская оказывается намного решительнее и не принимает свое положение с таким смирением, как Карина. *«Я должна отказаться от него, уступить его, и кому?! Нет, нет, этому не бывать: я не позволю судьбе так горько посмеяться надо мною, я уничтожу мою соперницу...»* — восклицает она (И: 186).

После того как учитель все-таки признается Варваре Алексеевне в своих чувствах, она *«немилосердно»* (И: 188) отталкивает, оскорбляет его *«самым горьким презрением»* (И: 175), что приводит к гибели Рощина и сумасшествию Кариной.

В этой пьесе, как и в других драматических произведениях Гарелиной, все оказывается подчинено одной теме — любви, и даже жизнь без любви невозможна. Ситуации, степень выражения чувств и, соответственно, монологи героев кажутся порой преувеличенно высокопарными, излишне патетичными и книжно-романтическими, однако для Гарелиной это способ подчеркнуть первостепенность права женщины на чувство, собственный выбор и его демонстрацию. Заметим, что и решения, которые она предлагает своим героиням, весьма смелы для своего времени.

В своих сочинениях писательница не говорит об острых социальных, политических значимых проблемах, но выделяет одну, очевидно, наиболее ей близкую проблему женской жизни — о праве женщины любить и быть свободной в этом праве. Еще в первой пьесе звучит монолог Маши о важности и главенстве любви в сравнении с богатством: *«Видим, ведь, не редко богачих-то,*

у которых все есть: и деньги и наряды и дом, как полная чаша — а где счастье-то? Его и в помине нет! Только и знают кованный сундук с золотом, да горькие слезы!» (П: 25). И уже во второй пьесе молодой крестьянской девушке Маше вторит княгиня Лидия Всеволодовна и в своем лирическом монологе говорит на ту же тему любви, счастья и богатства, выражая личную тоску: «Муж мой князь, богатый человек, а где счастье, где оно? <...> Странные люди эти мужья! <...> Они считают женщин детьми, способными, до забвения, заиграться блестящими игрушками. <...> они ни хотят и думать, что женщине мало всего этого, что ей нужна любовь, искренняя, горячая привязанность мужа...» (Н: 89—90).

Героини Гарелиной томятся в своих богатых, благополучных домах. В основе их ощущения мира лежит неудовлетворенность собственной жизнью, так как при внешне благоустроенном существовании они тяготятся им, не имея возможности реализовать свое подлинное стремление — стремление к любви и счастью.

Таким образом, все пьесы объединяет тематика. В центре внимания автора оказывается тема взаимоотношений мужчины и женщины, свободы выбора, места женщины в патриархальном обществе. Тема любви устойчива в драматических произведениях Гарелиной вне зависимости от сюжетов и художественных особенностей сочинений. Произведения отличает сосредоточенность на женской личности в разных ее проявлениях. Главные героини пьес в авторской репрезентации — женщины разного возраста, особенностей характера, социального положения, места жительства: активная деревенская девушка из зажиточной крестьянской семьи — в первой пьесе; чувствительная княгиня, жительница губернского города — во второй; поместная гордая, рассудительная дворянка и ее послушная, умная, страдающая падчерица — в третьей. Гарелина последовательно рисует три возраста или три состояния женщины: девушка на выданье (героини пьес «Приемыш» и «Игра судьбы»), молодая жена (героиня пьесы «Не к месту») и вдова (героиня пьесы «Игра судьбы»). В центре повествования находятся женщины, которые, прежде всего, иллюстрируют идеи автора. Даже мужские персонажи призваны раскрыть центральные женские образы, что происходит вразрез с традицией и литературой.

Изображение любовных переживаний объединяет три сочинения, но интересно, что своим героиням Гарелина предлагает сюжетные линии, с одной стороны, обычные для литературы, но при этом такие, где они могут сделать иной выбор. Можно предположить, что писательница сознательно использует традиционные сюжеты с иным выходом, через которые можно показать особенность своих героинь. В их изображении она делает акцент не на социальном положении, а на чувствах, которые переживает женщина на разных этапах своей жизни. Пьесы можно рассматривать и как психологический факт — описывается женская психология, сформировавшаяся в определенных условиях. В сочинениях изображаются глубокие душевные переживания, стремление женщины к возвышенной романтической любви. Таким образом, эти три пьесы можно рассматривать как своеобразную трилогию.

Мы специально так много внимания уделяем пьесам «Приемыш» и «Не к месту», так как считаем, что в трилогии Гарелиной они занимают особое место: в этих сочинениях в большей степени проявились непосредственность, своеобразие и «женский голос» автора. Среди всех героинь именно Маша и Лидия оказываются наиболее решительными, способными бороться за свою любовь и свободу отношений, и изображаются писательницей с большим

психологизмом, пристальным вниманием к их душевному состоянию. В этих произведениях с особой силой предстает власть традиции, выраженная прямо или опосредованно, и внутренняя неудовлетворенность ею героинь — в этом заключается драматизм пьес. Скорее всего, сочинения были написаны раньше других, и этим особенно интересны. К моменту их написания Гарелина, по-видимому, еще не успела усвоить традиции, каноны, приемы, свойственные профессиональной драматургии. Но благодаря этому пьесы дают больше материала для анализа: в них в наибольшей мере проявляются «женские мысли» писательницы, так как именно полупрофессиональные авторы обычно высказывают то тайное, что более профессиональные скрывают. Нарушали традиции прежде всего женщины, которые не владели литературным канонем.

Следует подчеркнуть еще один важный для Гарелиной момент. Как мы видим, ее драматические сочинения представляют собой зарисовки из жизни крестьянского и дворянского сословий, с присущей им очерковостью и достоверностью. При этом герои говорят на языке, узнаваемом для читателей. Очевидно, что пьеса «Приемыш», в отличие от двух других, была ориентирована на массового зрителя: отсюда и положительная развязка, и простонародной язык персонажей. Важно, чтобы читатели услышали, поняли сказанное, и, возможно, переложили на свою жизнь. Автор использует язык как средство трансляции своих идей и, прежде всего, хочет быть услышанной. Создавая зарисовки крестьянского и дворянского быта, Гарелина детально описывала близкую ей среду бытования, так как и сама принадлежала к привилегированному купеческому сословию, тесно связанному и с высшим губернским обществом, и с крестьянской средой. Таким образом, она получала возможность «прописать» свою среду, свой мир, который хорошо знала и, видимо, любила. А используя погружение в быт, детализацию и достоверность, она могла рассчитывать на узнавание со стороны своего, провинциального, читателя/зрителя и заинтересованность, привлечение внимания читателя/зрителя стороннего (столичного, к примеру).

Список источников

- Гарелина Л.В. Сочинения Л.Г.: в 2 ч. М.: Типография Бахметева, 1870. Ч. 1. Драматические сочинения. 195 с.
- Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб: Типография В.С. Балашева, 1889. 308 с.
- Драматические сочинения Н. Либиной. Фельетон // Деятельность. 1870. № 188 (30 сентября).
- Драматические сочинения Н. Либиной. Фельетон // Деятельность. 1870. № 196 (11 октября).

Список литературы / References

- Крылова Г.А. Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь: в 6 т. М.: Советская энциклопедия, 1989—2019.
- (Krylova G.A. Russian writers. 1800—1917. Biographical Dictionary in 6 vols., Moscow, 1989—2019. — In Russ.)
- Лотман Л.М. Драматургия шестидесятых годов [XIX века] (общий обзор) // История русской литературы: в 10 т. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1941—1956. Т. VIII. Ч. 2. Литература шестидесятых годов. С. 351—406.

(Lotman L.M. Dramaturgy of the sixties [XIX century] (general overview), *The History of Russian Literature in 10 vols.*, vol. VIII, pt. 2, Literature of the sixties, Moscow, Leningrad, 1956, pp. 351—406. — In Russ.)

Мезьер А.В. Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературной и критикой. Книги и журнальные статьи: в 2 ч. СПб.: Типография А. Проховщикова; Типография Альтшулера, 1899—1902.

(Mezier A.V. Russian literature from the 11th to the 19th centuries inclusive. Bibliographic index of works of Russian literature in connection with literary history and criticism. Books and magazine articles at 2 pts., St. Petersburg, 1899—1902. — In Russ.)

THE SPECIFICS OF L.V. GARELINA'S PLAYS: GENRE, SUBJECT, THE PRINCIPLE OF PORTRAYING CHARACTERS

Elena A. Kopytova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, eakopytova@yandex.ru

Abstract. The article examines the specifics of three currently well-known dramatic works by L.V. Garelina. In the second half of the 19th century, the writer turned to the genre of scenes, as well as the urgent problem of female emancipation, but offered her own solution to this issue. The plays are sketches from the life of the peasant and noble classes, with the essayism inherent in the genre and an attitude towards authenticity. The action of the works takes place in a patriarchal Russian province. The main characters are women of different ages, character traits, social status, and place of residence, representing, however, quite certain types: a village girl from a well-to-do peasant family in the first play; a princess, a resident of a provincial town in the second; a local noblewoman and her stepdaughter in the third. At the same time, in their depiction, the author focuses not on their social status, but on the feelings that a woman experiences at different stages of her life. We can talk about a kind of dramatic trilogy: Garelina consistently draws three ages or three states of a woman: a marriageable girl, a young wife and a widow. At the center of all three plays is love and the problems of a woman associated with it. Whatever socially or politically significant problems do not attract the attention of the writer, but she emphasizes a very important and bold problem of women's life for that time — the right of a woman to love and be free in her choice. The writer draws a new type of active, striving for love and capable of fighting for their happiness women, which is uncharacteristic for the Russian province.

Keywords: L. Garelina, female image, women writers, women playwrights, female provincial text

For citation: Копытова Е.А. The specifics of L.V. Garelina's plays: genre, subject matter, the principle of portraying characters, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 40—49.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 19.12.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 19.12.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Копытова Елена Александровна — аспирант кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, eakopytova@yandex.ru

Kopytova Elena Aleksandrovna — post-graduate student of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, eakopytova@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 50—58.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 50—58.

Научная статья

УДК 94(73)''18'':316.347

DOI: 10.46726/И.2024.1.5

РАСОВАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА В ПОВЕСТВОВАНИИ О ЖИЗНИ ХАРРИЕТ ТАБМЕН В КНИГЕ С. БРЭДФОРД «ХАРРИЕТ, МОИСЕЙ СВОЕГО НАРОДА»

Ирина Васильевна Морозова

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, irinamoro@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется книга Сары Брэдфорд «Харриет, Моисей своего народа» с точки зрения репрезентации расовой и гендерной проблематики. Отличие книги о жизни Табмен от нарратива невольничьего повествования выражается в смене его основной цели: не пробудить неприятие рабства и сформировать к нему негативное общественное мнение, но включить деятельность черного человека в историю борьбы с рабством. Характерный для афроамериканского и женского нарративов дискурс свободы находит в образе Табмен яркое воплощение. Главные мотивы стремления к независимости, обретения собственного «Я» и свободы объединили две повестки американского общества того времени — расовую проблему, только обострившуюся на Юге после Гражданской войны, и феминистскую, также связанную с подъемом борьбы за равные права всех американских женщин. Книга отражает складывающуюся специфику женского нарратива в XIX столетии в целом, с его вниманием к женской судьбе и формированию нового женского характера, отличающегося самостоятельностью, и закрепление в этом нарративе образа сильной черной женщины, выходящей за рамки узаконенного положения представительницы «низшего пола низшей расы», в частности.

Ключевые слова: Харриет Табмен, Сара Брэдфорд, рабовладение, женская литература, раса, «сестринство»

Для цитирования: Морозова И.В. Расовая и гендерная проблема в повествовании о жизни Харриет Табмен в книге С. Брэдфорд «Харриет, Моисей своего народа» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 50—58.

Прославившаяся своими подвигами в качестве кондуктора подземной железной дороги, Харриет Табмен вошла в историю как одна из самых важных фигур, яростный борец за свободу чернокожего населения в Америке девятнадцатого века. Однако, как водится, со временем реальные факты и конкретные детали достижений Харриет Табмен искажались, что привело к определенной мифологизированной картине ее жизни и деятельности. Интересно, что только часть ее жизни, связанная с подземной железной дорогой, получила настоящее признание, превратив Табмен в национальную героиню. О ее жизни накануне и во время Гражданской войны известно значительно меньше. На самом деле подвиги Табмен не ограничивались освобождением рабов из неволи. Так, она помогла Джону Брауну спланировать и набрать участников для его антирабовладельческого рейда 1859 года на Харперс-Ферри, за что тот присвоил

ей прозвище «генерал Табмен», выступала с лекциями, чтобы поощрить поддержку аболиционистского движения до войны, а во время — работала медсестрой, была разведчицей.

Что известно о ней достоверно? Она была рождена в рабстве в округе Дорчестер, штат Мэриленд, вероятно, около 1822 года. При рождении ей дали имя Араминта («Минти»). Она официально вышла замуж за Джона Табмена, свободного чернокожего мужчину, в 1844 году, взяла его фамилию и поменяла имя на Харриет в честь матери.

Первый побег она пробовала совершить вместе со своими братьями, когда узнала о своей предстоящей продаже, однако он не удался: один из братьев растерялся, второй не смог оставить семью. В 1849 г. бежала с плантации своих хозяев семьи Бродесс и в одиночку достигла Филадельфии, где нашла поддержку у Уильяма Стила, влиятельного черного аболициониста, члена Пенсильванского общества борьбы с рабством, собравшего истории сотен беглецов, объединенных в самом, пожалуй, знаменитом документальном труде о бегстве из рабства «Архивы подземной железной дороги» (*The Underground Railroad Records*), вышедшем в 1872 г.

Через год Харриет пробралась обратно на плантацию, чтобы забрать мужа, однако к тому времени он оказался женат на другой женщине и отказался покинуть свой дом. Тогда она увела с собой на Север своих сестер и братьев. Потом еще с десятков раз (чаще всего называют число 13), рискуя жизнью, возвращалась на плантацию в течение последующих 10 лет и спасла из рабства 70 человек, в основном родственников и друзей. Каждый путь ее составлял 90 миль в одну сторону. Ее последняя спасательная миссия была в 1860 году.

Как уже указывалось, Табмен приняла самое активное участие в войне. Сначала она выполняла работу повара и прачки для войск северян. Затем она взяла на себя обязанности медсестры, в чем ей помогли знания о лечебных свойствах трав и других растительных средств. В основном ее подопечными были солдаты 54-го Массачусетского полка, одного из первых черных подразделений, сражавшихся в Гражданской войне. Служа разведчиком, она собирала информацию о территории и обороне Конфедерации. В 1863 году она стала первой женщиной во время Гражданской войны, которая спланировала и возглавила вооруженную военную операцию на реке Комбахи, нанеся серьезный удар силам Конфедерации. Во время этого рейда были освобождены около семисот рабов и конфискованы ценные припасы. Не случайно созданная в США в 1974 г. радикальная черная феминистская организация назвала себя «Коллектив реки Комбахи» в честь Табмен и этого рейда.

После войны в 1869 году Табмен вышла второй раз замуж — за Нельсона Дэвиса, ветерана Гражданской войны, и они удочерили девочку по имени Гerti. Свою долгую жизнь (Табмен умерла в 1913 г.) она провела в кругу семьи в небольшом доме в г. Оберн штата Нью-Йорк.

Еще подростком, лет в 13, Харриет получила черепно-мозговую травму: надзиратель случайно попал в ее голову двухфунтовой гирей, когда Харриет оказалась между разъяренным надсмотрщиком и рабом, которого собирались наказать. Всю жизнь она страдала от припадков и нарколепсии, впадая во внезапный сон, но воспринимала это как Божье Откровение, утверждая, что разговаривает с Богом во время видений.

Первая книга об отважном кондукторе «Сцены из жизни Харриет Табмен» (*Scenes in the Life of Harriet Tubman*) была написана беллетристкой Сарой Брэдфорд (Sarah Hopkins Bradford, 1818—1912) и была издана при

жизни героини в 1869 г. Собственно, эта книга явилась литературной обработкой разговоров с самой Табмен, не владевшей грамотой. Это повествование вполне соответствует жанру невольничьих повествований с характерной для этого жанра структурой — пребывание в рабстве, зарождение мысли о свободе, побег и жизнь на воле — и его специфической поэтикой, о которой пишет И.М. Удлер — обращение к белому читателю, провиденциализм, опора на Библию, расовая самоидентификация, мотив побега, установка на документальность [Удлер].

Однако этот текст отличает смещенный акцент с идеи индивидуального обретения свободы на героизм индивидуума, способного дать свободу другим. Табмен неоднократно по собственному желанию возвращалась на территорию рабства, но угроза быть пойманной и сурово наказанной не останавливала ее и не уменьшала ее желания дать свободу своим родным. Именно поэтому описание работы Табмен в качестве кондуктора подземной железной дороги занимает самую значительную часть повествования. Это свидетельствует о переосмыслении места черного человека в обретении свободы, подчеркивает его активную роль в этом процессе.

Наиболее известно второе издание этой книги 1886 года — «Харриет, Моисей своего народа» (*Harriet, the Moses of Her People*). В предисловии к этой публикации Брэдфорд признается: «первое издание этой истории под названием “Хэрриет Табмен” было написано в величайшей спешке, пока писательница готовилась к путешествию в Европу. Эта книга была насущной необходимостью, чтобы спасти маленький дом бедной женщины (Табмен. — И.М.) от продажи по ипотеке, и факты быстро записывались по мере их поступления» [Bradford: 4].

Ко второй публикации книга была частично переписана, добавлено приложение с оценивающими деятельность Харриет Табмен письмами многих американских представителей общественной жизни США того времени. Эти письма, как утверждает Брэдфорд, «от таких известных и выдающихся филантропов, как достопочтенный Джеррит Смит и Уэнделл Филлипс, а также письмо от Фредерика Дугласа, адресованное Харриет, послужат лучшим введением, которое можно предоставить читателям по теме этих мемуаров» [Там же: 133].

Объясняя то, почему она изменила название во втором издании, Табмен пишет: «Название, которое я дала своей черной героине во втором издании, а именно — “Моисей своего народа” — может показаться немного претенциозным, учитывая, что этот Моисей был женщиной и что ей удалось вывести только три или четыре сотни рабов из земли рабства в землю свободы» [Там же: 3].

Не все факты жизни Табмен включены в эту книгу, что объясняется той спешкой, на которую указывает сама Брэдфорд — ее отъездом в Европу, с одной стороны, а с другой — необходимостью скорейшей публикации с целью получения гонорара для материальной помощи Табмен. Это объясняет, очевидно, наличие множества лакун, сохраняющаяся в повествовании неровная структура устного рассказа с его флюидностью, недоговоренностью, отрывочностью, повторяемостью, ретроспективой. Заметно отсутствие четкого плана, сохранившееся и во втором издании, которое, как и первое, было предпринято с целью материальной поддержки Табмен, в данном случае — больницы для бедных черных жителей: ей, как пишет Брэдфорд, «снова нужна помощь не для себя, а для беспомощных людей» [Там же: 7].

Еще одно отличие книги о жизни Табмен от нарратива невольничьего повествования выражается в смене его основной цели. Если невольничье повествование, в сущности, имело аболиционистскую цель и обращалось,

таким образом, ко всем людям, дабы пробудить неприятие рабства и сформировать к нему негативное общественное мнение, то написанное уже после Гражданской войны произведение имело своей целью включить деятельность черного человека в историю борьбы с рабством. В предисловии четко выражен посыл к властям. Брэдфорд справедливо возмущает тот факт, что заслуги Харриет Табмен до сих пор не были оценены правительством США. Даже несмотря на старания Госсекретаря США У.Г. Сьюарда, Табмен не удалось получить положенную для ветеранов пенсию. Между тем, по мнению Брэдфорда, «ее имя заслуживает того, чтобы быть переданным потомкам наряду с именами Жанны Д'Арк, Грейс Дарлинг и Флоренс Найтингейл, ибо ни одна из этих женщин, благородных и храбрых, какими они были, не проявила большего мужества, силы, выносливости, сталкиваясь с опасностью и смертью, чтобы облегчить человеческие страдания, чем эта бедная черная женщина, чью историю я пытаюсь рассказать вам самым несовершенным образом» [Там же: 4]. Так Брэдфорд вписывает историю Табмен в историю не только черной расы, но и общемировой женской истории.

Этот факт представляется весьма важным с точки зрения становления идеологии развивающегося феминистского движения в США, которое после Гражданской войны обрело новую силу, приведшую к возникновению модели «новой женщины» в конце XIX в.

Для создания атмосферы полной достоверности описываемых событий писательница признается, что факты, которые она не смогла проверить, не вошли в книгу. Однако уже с самого первого параграфа Брэдфорд представляет информацию как правдивую, которая, как теперь стало известно, часто не соответствует истине. По мнению Милтона Сернета, автора значительного исследования о жизни Табмен и ее репрезентации в США, эта книга, которую Сернет называет главной вехой в становлении нарратива о Табмен, «заразившем все ее последующие биографии», представляет собой весьма мифологизированный образ писательницы, чьи достижения хоть и были важны, но намного более скромны, чем это преподносится в первой биографии Табмен. В частности, он отмечает, что она спасла не 300, а 70 рабов, и никогда не была суфражисткой, а только единожды выступила на собрании женского общества, да и то с речью о рабстве, а не о равном избирательном праве. Тем не менее, по мнению исследователя, Табмен, безусловно, является одной из ключевых фигур американской иконографии [Sernet].

Образ, созданный Брэдфордом, лег в основание множества его интерпретаций. К ключевым характеристикам можно отнести прежде всего ее беспримерную храбрость и самоотверженность. Эта характеристика четко выражена в письме Оливера Джонсона (известного аболициониста и поборника отмены смертной казни), представленного в качестве своеобразного введения ко второму изданию книги: «Ее проникательность в планировании побега рабов, ее умение избегать ареста, ее мужество в любой чрезвычайной ситуации и ее готовность терпеть лишения и встречать любую опасность ради своих бедных подопечных были феноменальны» [Bradford: 8].

Мотивы неукротимой смелости и страсти к свободе, утверждение уникального характера Табмен становятся главными в повествовании Брэдфорда. При этом постоянно подчеркивается тот факт, что Харриет Табмен — это истинная представительница именно черной расы, все в ее внешности, как говорит Брэдфорд, свидетельствовало о том, что она «чистая, настоящая африканка». Данный акцент делается специально для доказательства того, что

черная раса не является столь безвольной, как, например, дядюшка Том из известного романа Гарриет Бичер-Стоу. Напротив, стремление к освобождению, и не только личному, зреет внутри самих черных рабов, способных жертвовать своей собственной жизнью ради освобождения своих соплеменников.

В самом начале повествования мы видим будущую героиню сидящей на заборе в стороне от играющих детей, словно смотрящей с высоты на тех, кого ей предстоит освободить: «У них, у тех других, не было тревожных мечтаний о будущем, и даже случайные страдания настоящего времени причиняли им лишь временное горе. Обильная еда и теплое солнце, на котором можно было погреться, были достаточными для их счастья. Однако Харриет не была одной из них. Бог приготовил для нее великую работу в этом мире, и дисциплина и лишения, через которые она прошла в ранние годы, лишь готовили ее к жизни, полной приключений и испытаний» [Bradford: 16].

Описанию лишений Харриет в детстве посвящено достаточно места: хотя повествование начинается уже с тринадцатилетнего возраста героини, что вполне объяснимо, ибо мало из того, что происходило в раннем детстве, могло быть с точностью зафиксировано в памяти. Тем не менее, сразу же указывается на полученный ею до того травмирующий физически и психологически опыт: как она получила травму головы и как это повлияло на то, что она могла заснуть, даже сидя даже на заборе.

Кроме того, отдельного внимания Брэдфорд заслуживает эпизод работы Харриет нянькой, когда за любую мелкую провинность ее секли кнутом, отчего на ее щеке до самой старости остались шрамы. Однако все это только укрепило дух Харриет, по мнению Брэдфорда, «быть может, она готовилась таким образом к привычке к долговому вынужденному бодрствованию, к ночным дежурствам в лесах, в логовах и пещерах, когда преследователи шли по ее следу, а беглецы дрожали в ужасе» [Там же: 21].

Эпизод с поркой кнутом весьма примечателен не только потому, что этот вид наказания демонстрировал настоящую жестокость по отношению к девочке, но он имеет большое значение с точки зрения изображения формирования стойкости и непокорности Харриет. Этот бесчеловечный акт, как свидетельствует Брэдфорд, был демонстрацией силы рабовладельца и покорности раба. Так, неслучайно в повествование включен эпизод с рабом Джо, который был полностью предан своему хозяину, однако все равно тот решил его выпороть. На вопрос Джо, за что он получает это наказание, хозяин отвечает: «У меня нет к тебе претензий; ты хороший ниггер и всегда хорошо работал; но ты принадлежишь теперь *мне*, ты *мой* (курсив Брэдфорд. — *И.М.*) ниггер, и первый урок, который должны усвоить мои негры, заключается в том, что я хозяин, и что они не должны сопротивляться или отказываться подчиняться всему, что я им говорю. Так что первое, что с ними нужно сделать, это выпороть» [Там же: 40—41].

То, что порка не сломила, а напротив, закалила характер Харриет, акцентируется Брэдфордом как черта настоящего черного лидера, способного быть сильным и не сломленным духом, способного вывести свой народ из рабского состояния. Весьма важным с этой точки зрения является включение в текст религиозных гимнов, при помощи которых Табмен сообщала рабам о том, что все готово к побегу или, напротив, предупреждала их об опасности. Эта «сигнальная система» демонстрирует, с одной стороны, ее собственное глубинное религиозное чувство, а с другой — понимание того, что это чувство разделяется всем сообществом и декодируется им как призыв к действию.

Так мыслить, подчеркивает Брэдфорд, может только лидер, вышедший из самого народа.

Немаловажным, на наш взгляд, в описании лидерских качеств Харриет является короткое, но весьма значимое замечание о том, что, когда она была отдана другому хозяину, ей досталась самая тяжелая работа: «Ей был дан труд лошади и вола, подъем бочек с мукой и других тяжестей; и могучие мужчины часто изумлялись, видя, как эта женщина совершает силовые подвиги, от которых они уклонялись, будучи не способными исполнить эту работу» [Там же: 22]. Здесь заметно то восприятие черной женщины, которое впоследствии сделала знаменитым Зора Нил Херстон в своем романе «Их глаза видели Бога» — «черные женщины — это мулы мира» [Hurstons: 186], и которое использует Брэдфорд с намерением подчеркнуть силу и выносливость своей героини.

В связи с этим эпизодом важно отметить, безусловно, и складывающуюся специфику женского нарратива в XIX столетии в целом, с его вниманием к женской судьбе и формированию нового женского характера, отличающегося самостоятельностью, и конечно, закрепление в этом нарративе образа сильной черной женщины, выходящей за рамки узаконенного положения представительницы «нижнего пола низшей расы», в частности.

Необходимо подчеркнуть, что характерный для афроамериканского и женского нарративов дискурс свободы находит в образе Табмен весьма яркое воплощение, сопряженное с пониманием того, что для человека значит освобождение от рабской зависимости. Описание беглянки Харриет, оказавшейся, наконец, после сложного и страшного пути за границей рабовладельческого штата Мэриленд в свободной Пенсильвании, весьма красочно и тонко передает эмоциональное потрясение человека, вырвавшегося из рабства:

«“Когда я поняла, что пересекла эту линию, я посмотрела на свои руки, чтобы убедиться, что я тот же самый человек. Такое великолепие было кругом: сквозь деревья и над полями как золото светило солнце, и я ощущала себя так, будто нахожусь в раю”. Но затем горькая капля упала в чашу ее радости. Она сказала, что чувствовала себя человеком, которого посадили в тюрьму на двадцать пять лет. Все эти двадцать пять лет он думал о своем доме и тосковал по тому времени, когда снова увидит его. Наконец наступает день — он выходит из тюремных ворот, направляется в свой старый дом, но его старого дома там нет. Дом снесли, а на его месте построили новый; его семья и друзья пропали неизвестно куда; некому взять его за руку, некому приветствовать его. “Так было и со мной”, — сказала она. “Я перешла черту. Я была свободна, но некому было приветствовать меня в стране свободы. Я была чужаком в чужой стране, а дом мой, в конце концов, находился в Мэриленде, потому что мой отец, моя мать, мои братья, сестры и друзья были там. Но я была свободна, и они должны быть свободны. Я бы построила дом на Севере и привела бы их туда, Бог поможет мне”» [Bradford: 22].

Как видим, весь спектр эмоций связан с осознанием свободы, за которой, однако, ощущается и чувство одиночества, отрыва от своего сообщества, преодолеваемое стремлением принести освобождение своим близким. Желание построить некий новый дом может восприниматься и буквально, и метафорически — как построение нового сообщества свободных людей. Отсюда отчасти становится понятным возникновение так называемого феномена «сестринства», в широком смысле означающего чувство близости или родства среди группы женщин или всех женщин. «Сестринство» как явление культурной мысли США складывается в начале XX в., но понимание своей собственной

идентичности, обретения силы и целостности личности внутри своего сообщества характерно как для женского дискурса в целом, так и для женского афроамериканского нарратива, в частности, уже в XIX столетии.

Вообще, как представляется, феномен «сестринства» весьма значим для повествования Сары Брэдфорд. Брэдфорд уже до встречи с Табмен была достаточно успешной детской писательницей, но она стала первой белой женщиной, написавшей книгу о черной рабыне. Главные мотивы стремления к независимости, обретения собственного «Я» и свободы объединили две повестки американского общества того времени — расовую проблему, только обострившуюся на Юге после Гражданской войны, и феминистскую, также связанную с подъемом борьбы за равные права всех американских женщин. Не случайно в конце 1860-х гг. С. Брэдфорд основала женскую школу в городке Женева штата Нью-Йорк, поскольку образование для женщин считалось одним из главных базисов изменения статуса женщины в обществе. Таким образом, расовый и женский вопрос оказались объединены в повествовании о подвигах женщины — проводника подземной железной дороги. Думается, таким сложным, сопряженным с перенесенными душевными и физическими травмами, видится С. Брэдфорд путь к осмыслению необходимости эмансипации не только черной, но и белой женщины в американском обществе.

Для наших современников в США образ Табмен по-прежнему остается примером мужества, самопожертвования и целеустремленности не только черного населения, но и всех женщин Америки. Именно поэтому ее фигура привлекает как черных, так и белых авторов. Например, получивший весьма широкое одобрение роман белой писательницы Марси Хейдиш «Женщина, прозванная Моисеем» (*A Woman Called Moses*, 1976), по которому был снят первый многосерийный художественный фильм с одноименным названием. К настоящему времени о Харриет Табмен созданы десятки, если не сотни, книг. Опираясь в целом на повествование Сары Брэдфорд в качестве основного источника, авторы этих книг создают необычайно широкий спектр различных жанровых форм — от серьезных научных исследований и до детских комиксов и графических романов, так или иначе трансформирующих и мифологизирующих Харриет Табмен в соответствии с современной им общественной повесткой.

Особенно плодотворным оказалось пятилетие, предшествующее 200-летию со дня предполагаемого рождения Табмен в 2022 г., когда не только печатная продукция, но и кинематограф откликнулись на это событие. Так, в 2019 г. вышел фильм «Харриет» режиссёра Кейси Леммонс, представляющий образ Табмен в изменившихся социально-политических и культурных реалиях, во многом окрашенных деятельностью движения Black Life Matters. Героиня в этом фильме кажется жестокой по отношению к своим соплеменникам, но эта жестокость оказывается необходимым средством спасения: она направляет пистолет на тех, кто по малодушию решает уйти, дает опийный напиток детям, чтобы они не плакали, и тем самым предотвращает нахождение местоположения беглецов. Хотя эти факты, действительно, документально зафиксированы, но в фильме это становится едва ли не самым важным смысловым стержнем — необходима жесткость даже по отношению к своим близким, если от этого зависит обретение свободы, а свобода — единственная ценность, даже если путь к ней требует насилия. Этот мотив стремления к свободе, приобретающий новые акценты в зависимости от реалий, продиктованных временем, тем не менее был заложен как основной в истории жизни Харриет Табмен Сарой Брэдфорд — американской беллетристой XIX в., отстаивающей

мысль об обретении свободы отдельной личностью, и прежде всего для того, чтобы иметь возможность спасти других. Этот мотив звучит по-прежнему современно в изображении личности Харриет Табмен как с расовой, так и с гендерной точек зрения, в многочисленных художественных и документальных версиях ее биографии.

Список источников

Bradford S.H. *The Moses of Her People*, New York: Corinth, 1961, 149 p.

Список литературы / References

Удлер И.М. В рабстве и на свободе: Становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в XVIII—XIX вв. Челябинск, 2009, 239 с.

(Udler I.M. In Slavery and Freedom: The Formation and Evolution of the Documentary-Publicist Genre of the “Slave Narrative” in the XVIII—XIX Centuries, Chelyabinsk, 2009, 239 p. — In Russ.)

Hurston Z.N. *Their Eyes Were Watching God: Novels and Stories*, New York: The Library of America, 1995, 1041 p.

Sernet M.C. *Harriet Tubman: Myth, Memory, and History* Duke, Durham; London: Dake University press, 2007, 409 p.

RACE AND GENDER PROBLEM IN THE NARRATION OF HARRIET TUBMAN LIFE IN “HARRIET, THE MOSES OF HER PEOPLE” BY S. BRADFORD

Irina V. Morozova

Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russian Federation, irinamoro@gmail.com

Abstract. The article examines Sarah Bradford's book “Harriet, the Moses of Her People” from the perspective of racial and gender representation. The difference between the book about Tubman's life and the slave narrative is expressed in the change in its main goal: not to awaken opposition to slavery and create a negative public opinion towards it, but to include the activities of the black people in the history of the fight against slavery. The discourse of freedom characteristic of African-American and women's narratives is vividly embodied in the image of Tubman. The main motives of the desire for independence, finding one's own “Self” and freedom united two agendas of American society of that time — the racial problem, which only worsened in the South after the Civil War, and the feminist one, also associated with the rise of the struggle for equal rights of all American women. The book reflects the emerging specificity of the female narrative in the 19th century as a whole, with its attention to women's fate and the formation of a new female character, distinguished by independence, and the consolidation in this narrative of the image of a strong black woman, going beyond the legalized position of a representative of the “inferior sex and inferior race”, in particular.

Keywords: Harriet Tubman, Sarah Bradford, slavery, women's literature, race, “sisterhood”

For citation: Morozova I.V. Race and Gender problem in The Narration of Harriet Tubman life in “Harriet, the Moses of Her People” by S. Bradford, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 50—58.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 19.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 19.12.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Морозова Ирина Васильевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной истории литератур, Институт филологии и истории, ФГБОУ ВО Российский Государственный Гуманитарный Университет, г. Москва, Россия, irinamoro@gmail.com

Morozova Irina Vasilyevna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of Literature, Department of Comparative Literature, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, irinamoro@gmail.com

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 59—68.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 59—68.

Научная статья

УДК 811.111'22'27

DOI: 10.46726/И.2024.1.6

ОСОБЕННОСТИ МЕЛИОРАТИВНЫХ ОЦЕНОЧНЫХ НОМИНАЦИЙ БРИТАНСКОЙ КОРОЛЕВЫ

Александра Олеговна Моравидж

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

a.moraveege@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям формирования и языковой репрезентации положительной оценки образа королевы Великобритании Елизаветы II. Материалом для анализа послужили мелиоративные оценочные номинации, взятые из англоязычных комментариев к новейшим видеороликам, опубликованным непосредственно после смерти Елизаветы II и размещённым в свободном доступе в сети интернет, которые отражают отношение пользователей различных возрастов и социального статуса к британской королеве. Проводится семантический и прагматический анализ прямых и косвенных номинаций, употреблённых авторами комментариев. Объясняются структурные особенности номинативных конструкций. Описываются специфические характеристики образа королевы, которые чаще всего получают положительную оценку. Анализируется иллюкутивная цель высказываний, содержащих мелиоративные оценочные номинации. Рассматриваются лексические, грамматические, стилистические, синтаксические и графические средства и приёмы, использованные для передачи положительной оценки, а также повышения экспрессивности и эмоциональности высказываний. Особое внимание уделяется анализу паралингвистических средств невербальной коммуникации, сопровождающих мелиоративные номинации, в частности эмодзи. Описываются функции этих знаков для передачи положительной оценки. На основании проведённого анализа делаются выводы относительно отличительных свойств стереотипного образа королевы, отражённого в языке.

Ключевые слова: номинация, оценка, стереотипный образ, Елизавета II, британская королева, интернет-дискурс

Для цитирования: Моравидж А.О. Особенности мелиоративных оценочных номинаций британской королевы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 59—68.

© Моравидж А.О., 2024

2024. Вып. 1 •

Британская королева Елизавета II была выдающейся фигурой на мировой политической арене, выполнявшей особые функции и неизменно привлекавшей широкое международное внимание. За 70 лет её правления в массовом сознании сложился своеобразный стереотипный образ британской королевы. И.А. Мурзинова, которая подробно исследовала лингвокультурный типаж «британская королева», отмечает, что существует несколько стереотипных эмблематичных образов королевы Великобритании. Во-первых, образ, связанный с ситуацией коронации монарха, в этом случае королева предстаёт как величественная правительница, вызывающая восхищение окружающих своим великолепием. Второй образ характеризует королеву как официального главу государства в формальной обстановке, хранительницу монархических традиций, символ социальной стабильности. Наконец, выделяют образ британской королевы в домашней неофициальной обстановке, тогда она предстаёт как обычный человек, «настоящий», близкий и домашний [Мурзинова 2013: 34].

Рассматривая аксиологические признаки лингвокультурного типажа «британская королева», И.А. Мурзинова утверждает, что данный типаж в различных типах дискурса чаще всего оценивался по моральным и утилитарным критериям. При этом в случае оценки по утилитарным критериям (профессионализм, эффективность выполнения своих функций и т. п.) типаж «британская королева» получал исключительно положительную оценку, но в случае оценки по моральным критериям наблюдалась ассиметричная амбивалентность. Положительную оценку неизменно получала такая характеристика как тёплое, добросердечное отношение к подданным, связываемая британцами с идеальным ролевым поведением королевы. Н. Шаядян также отмечает, что Елизавета II на протяжении многих лет поддерживала свой образ идеальной королевы, подчёркивая, что заботится о своих подданных и сопереживает им [Shayadyan: 114]. Тем не менее в британском социуме прочно закрепилось отрицательное отношение к запоздалой и неэмоциональной реакции Елизаветы II на гибель принцессы Дианы, длительное сохранение негативной оценки поведения королевы предположительно связано с существующей в британском социуме на уровне архетипа культурной схемой — с представлением о милосердии как о значимой и ожидаемой характеристике роли монарха [Мурзинова 2014: 135].

Смерть Елизаветы II 8 сентября 2022 года стала глобальным информационным событием, вызвавшим эмоциональный отклик не только у жителей Соединённого королевства, но и всего мира. Сразу же после объявления печальной новости в сети интернет начали появляться многочисленные статьи и видеоролики на эту тему, публиковавшиеся как официальными медиаресурсами, так и обычными пользователями, и собиравшие сотни и тысячи комментариев, отражавших отношение людей разных возрастов, национальностей, культур и профессий к британской королеве.

В данной статье рассматриваются оценочные номинации лица, использованные для названия Елизаветы II. Материалом для анализа послужили англоязычные комментарии к видеороликам, посвящённым памяти бывшей британской королевы, опубликованные сразу после объявления новости о её кончине. Большинство проанализированных номинаций носят яркий оценочный характер, при этом превалирует мелиоративная оценка, что объясняется не только нормами этики, которые, как правило, предписывают вспоминать об ушедших в мир иной преимущественно хорошее, а также эмоциями грусти и сочувствия относительно кончины королевы, которые чаще всего испытывают

авторы комментариев, но и уважением к монарху, проведшему на престоле более полувека и достойно представлявшему государство на мировой арене.

Мелиоративные оценочные номинации, использованные авторами комментариев, могут быть как прямыми, так и косвенными. В структурном плане для первичных номинаций характерно использование двухкомпонентных конструкций, ядром оценочного значения которых является атрибутивный элемент безусловной положительной коннотации в сочетании с нейтральным существительным. В следующем высказывании с помощью определения говорящий выделяет бывшую британскую королеву среди остальных представительниц слабого пола “*My condolences to your family, so sorry to hear about your Mommy. What a special woman she was.* 🌸👏”. [British public react...] (Мои соболезнования вашей семье, так грустно слышать о смерти вашей мамы. Какой необыкновенной женщиной она была 🌸👏). Ядро номинативной конструкции в данном случае составляет прилагательное “*special*”. Дефиниция имени (*special — different from and usually better than what is normal or ordinary; very important to you* [Macmillan 2006: 1373]), позволяет выделить представить структуру значения актуализированного имени следующим образом:

A special woman
+ *unusual*
+ *better than other women*
+ *important*

Использование грамматических средств, в частности инверсии в восклицательном предложении, способствует усилению экспрессивности. Высказывание сопровождается невербальными знаками — паралингвистическими средствами коммуникации: эмодзи «букет цветов» символизирует почтение (цветы, которые говорящий хотел бы преподнести королеве, либо возложить к её могиле, если бы у него была такая возможность), эмодзи «аплодирующие ладони» является символом уважения, высокой оценки заслуг и достижений номината. Использование эмодзи широко распространено в неформальном общении в интернет среде. Как отмечают исследователи, эмодзи, как и классические смайлики, помогают выразить эмоции в виртуальном диалоге, а также экономить время и ресурсы в процессе сетевого общения [Крылов: 52], они не являются универсальным языком сетевого общения, но выполняют ориентирующую функцию, указывая на то, как следует интерпретировать сообщение [Китова: 659].

Интерес представляет тот факт, что в качестве адресата сообщения говорящий выбрал вступившего на престол сына Елизаветы Карла III, — на что указывает использование притяжательного местоимения *your* (*your family, your Mommy*), а также существительного *mommy*, относящегося к разговорному стилю, — хотя комментарий опубликован под одним из многочисленных видеороликов памяти скончавшейся королевы, находится в общем доступе, и вероятность того, что будет прочитан адресатом, крайне низкая. Анализ прагматического контекста высказывания свидетельствует о том, что иллюкутивная цель высказывания заключалась в выражении сочувствия, соболезнований и признательности.

Цепочка определений использована говорящим для характеристики номината в следующем высказывании: “*The world has lost a wise, humble n wonderful queen.hopefully king Charles will be loved by his subjects.god save the king*” [The Life...] (Мир потерял мудрую, скромную, чудесную королеву.надеюсь, короля Чарльза будут любить подданные.боже храни короля).

Расчленённая номинация “*a wise, humble n wonderful queen*” представляет собой сочетание нескольких прилагательных, характеризующихся безусловным положительным оценочным вектором, с нейтрально коннотированным существительным. В фокус внимания номината попадают такие качества личности королевы Елизаветы II, как мудрость и скромность, также номинат акцентирует внимание на выдающейся роли королевы в современном обществе. Рассматриваемое высказывание характеризуется некоторыми особенностями свойственными интернет дискурсу: автор высказывания использует сокращения, в частности букву “n” вместо соединительного союза “and”, пренебрегает пробелами и заглавными буквами в начале предложений.

Вторичные номинации могут иметь однокомпонентную или многокомпонентную структуру. В следующем комментарии “*I’m American. I send my condolences to the Royal Family. She is greatly missed. I always thought of her as a dynamo. You could see joy in her eyes when she was with her family. And her smile always made me smile. She was a strong gracious Lady. Be strong. Long Live the King*” [British public...] («Я американец. Я выражаю соболезнования королевской семье. Её очень не хватает. Я всегда думал, что она генератор энергии. Её глаза сияли счастьем, когда она была со своей семьёй. А её улыбка всегда заставляла улыбаться и меня. Она была сильной и доброй Леди. Будьте сильными. Боже храни короля.») автор высказывания называет бывшую королеву Великобритании при помощи существительного “*dynamo*”. Переносное значение имени закреплено словарём: *someone with a lot of energy and determination* [Macmillan 2006: 435]. Ядро семантического значения существительного составляют признаки + *energy* и + *determination*. Именно они играют решающую роль при выборе имени номинантом. Называя бывшую королеву при помощи косвенной номинации “*dynamo*”, говорящий акцентирует внимание на таких характеристиках личности, как энергичность и решительность. Следует отметить, что дефиниция имени сопровождается пометой *informal*, что свидетельствует о том, что стиль интернет-дискурса приближен к устному разговорному стилю. В рамках данного комментария автор использует ещё одну номинацию “*a strong gracious Lady*”, фокусируя внимание реципиента на таких признаках, как сила и доброта номината.

Достаточно часто королеву Елизавету II называют с помощью существительного “*legend*”: “*RIP LEGEND 🙏👑💖 She’s reunited with her most loved ones now; her husband, sister, mother, and father*”, “*RIP omg I can’t believe she died she was a living legend 💖*” [LIVE: the state funeral...] («Покойся с миром ЛЕГЕНДА. Сейчас она воссоединилась со своими любимыми: мужем, сестрой, матерью и отцом», «Покойся с миром, боже, я не могу поверить, что она умерла, она была живой легендой»). В первом высказывании говорящий употребляет однокомпонентную номинацию, во втором — расчленённую конструкцию, состоящую из определения, представленного прилагательным “*living*” в препозиции к существительному “*legend*”. Рассматриваемая косвенная номинация представляет собой распространённую метафору. Словарная статья имени раскрывает переносное значение, закреплённое за существительным: *someone who many people know about and admire* [Macmillan: 814]. Дефиниционный анализ позволяет выделить признаки + *famous* и + *admired*, которые выходят на первый план в значении актуализированного имени. Именно они являются определяющими при выборе имени, акцентируя внимание на таких качествах номината, как известность и способность вызывать восхищение у окружающих.

Рассматриваемые высказывания характеризуются наличием нескольких особенностей, присущих интернет дискурсу: во-первых, автор использует сокращения (*RIP, omg*); во-вторых, эксплуатирует приём графической неоднородности текста (блокировки верхнего регистра клавиатуры, написания фразы или её части заглавными буквами) для акцентирования и усиления значения выбранного слова; в-третьих, употребляет ряд эмодзи («плачущий смайлик», «корона», «два сердца» — в первом высказывании и «разбитое сердце» — во втором). В данном случае эмодзи позволяют не только визуализировать эмоции автора, но также выделить комментарий среди тысячи ему подобных. Иллокутивная цель обоих высказываний заключается в том, чтобы передать печаль и недоумение, выразить восхищение личностью Елизаветы II, а также принести соболезнования относительно кончины королевы.

Восхищение личностью бывшей королевы Великобритании послужило одним из решающих факторов, определивших выбор имени и в следующем высказывании: *I can't think of one scandal, or bad thing ever said about Queen Elizabeth. She held the throne with class and elegance while still being a relatable woman that was just an inspiration to us all Rest In Peace Elizabeth. We will all miss you sooo much [Queen Elizabeth ...]* (Мне в голову не приходит не одного скандала, который был бы связан с именем королевы Елизаветы, о ней никогда не говорили ничего плохого. Она занимала престол с достоинством и элегантно-стью, оставаясь при этом женщиной, с которой многие ассоциировали себя, она была вдохновеньем для нас всех. Покойся с миром Елизавета. Нам всем тебя таааак сильно не хватает»). В данном случае номинация представлена конструкцией “*an inspiration to us all*”, ядерным компонентом которой является существительное “*inspiration*”. Вне контекста рассматриваемое имя обозначает понятие, которое толкуется следующим образом: *a sudden feeling of enthusiasm or a new idea that helps you to do or create something* [Macmillan: 743]. В данном случае существительное использовано в переносном значении, являя пример косвенной метафорической номинации (понятие — человек). Анализ дефиниции, а также прагматического контекста высказывания, позволяет представить семантическую структуру актуализированного имени следующим образом:

Inspiration
 + *animated*
 + *human*
 + *inspirational*
 + *admirable*
 + *important*
 + *example for others*

Небезынтересно отметить, что рассматриваемое высказывание практически лишено особенностей, свойственных интернет-дискурсу. Оно характеризуется правильной синтаксической структурой, разнообразием грамматического оформления, практически полным отсутствием сокращений, официальным стилем речи, единственным исключением является графический приём — повтор одной и той же буквы в слове “*sooo*” с целью усиления экспрессивности высказывания. Вышесказанное даёт возможность предположить, что автор высказывания относится к старшему поколению, либо к поколению среднего возраста. Для молодого поколения свойственно использование аббревиаций и сокращений, сленгизмов и табуированной лексики, пренебрежение грамматическими и орфографическими правилами, употребление графических средств в качестве основного средства придания речи

экспрессивности и эмоциональности, в то время как для сообщений «возрастных» пользователей характерна грамотная речь, избегание сленга и табуированной лексики, хотя могут использоваться стилистические приёмы, свойственные компьютерному дискурсу [Болдовская, Звонова: 129].

Тёплое отношение к Елизавете II отражено также и в следующем комментарии: *“This event shocked even non-British people like myself. I can tell you that all my family and friends were sad and discussing this. She’s been our life companion for all our lives. ... A warm regard to all the British friends from a fellow Italian that always admired HM the Queen. God save the Queen now and forever”* [The Queen’s sense ...] («Это событие шокировало даже не британцев, таких как я, к примеру. Она была нашей спутницей жизни на протяжении всей нашей жизни. ... Тёплый привет всем британским друзьям от итальянца, который всегда восхищался её величеством королевы. Боже храни королеву сейчас и всегда»). В данном случае говорящий использует номинацию *“our life companion for all our lives”*, центральным компонентом которой выступает словосочетание *“life companion”*.

На основании словарной статьи имени *“companion”* (*someone or something you spend a lot of time or travel with, or a friend who lives with you* [Macmillan: 743]) можно выделить два основных признака + *friend u + spends time/ lives with you*. Синонимами словосочетания *“life companion”* выступают существительное *husband, wife, spouse, partner*, таким образом, в прямом значении рассматриваемое словосочетание используется для обозначения супруга(и), также как и русское «спутник жизни». Под воздействием контекста значение номинации меняется: семантический множитель + *spouse* вычёркивается, сема + *friend* (*someone you know well and like that is not a member of your family* [Macmillan: 566]) пресуппонирует признаки + *well-known u + liked*, семантические множители + *spends time with you* и + *lived with you* приобретают пассивное значение + *is spent time with*, отражающие тот факт, что жизнь и деятельность королевы и королевской семьи всегда находились в центре внимания, из-за чего у обывателя складывалось впечатление, что он жил рядом и периодически проводил время вместе с британской королевой на протяжении многих лет.

Речь говорящего ярко иллюстрирует его эмоции, вызванные новостью о смерти Елизаветы II. В своём высказывании он использует такие слова, как *“shocked”* и *“sad”*, свидетельствующие о том, что автор был шокирован и опечален трагическим известием. Маркерами, указывающими на тёплое отношение к бывшей британской королеве, выступает словосочетание *“warm regards”* и глагол *“admired”*, говорящие о чувстве восхищения, которое автор всегда испытывал по отношению к королеве. Графические средства, а именно написание существительного *“Queen”* с заглавной буквы, использование аббревиатуры *HM*, обозначающей *Her Majesty* — почтительное обращение к её величеству королеве Елизавете II — свидетельствуют об уважении автора комментария к номинату.

Сожаление относительно кончины Елизаветы II выражает автор следующего комментария: *“I am an American and I find this so heartbreaking. She truly was the last of a generation. There will never be another leader who reigns as long as she did and with such class. My heart goes out to all of the UK!”* [LIVE...] (Я американец и мне это разбивает сердце. Она действительно была последней представительницей того поколения. Никогда больше не будет другого лидера, который бы правил так же долго и с таким же достоинством. Я соболезную всем жителям Соединённого королевства!) В рамках этого высказывания говорящий называет бывшую британскую королеву при помощи номинации

“*the last of a generation*”. Номинация имеет расчленённую структуру и состоит из нескольких компонентов: превосходной степени от прилагательного “*late*” — “*the last*”, а также существительного “*generation*” в родительном падеже с предлогом “*of*” и неопределённым артиклем в препозиции. Ни один из компонентов номинации не отличается отчётливым оценочным вектором. Однако в данном контексте нейтрально коннотированное словосочетание приобретает положительную окраску, о чем свидетельствует анализ прагматического контекста высказывания: называя бывшую британскую королеву последней представительницей прошлого поколения, автор в последующем предложении поясняет свою точку зрения, утверждая, что никогда больше не будет монарха, который бы так же долго находился на престоле и так же безупречно справлялся со своей ролью. Иллокутивная сила высказывания направлена на то, чтобы выразить сожаление о кончине столь выдающейся персоны, восхищение личностью Елизаветы II, уважение к бывшей королеве Великобритании и соболезнования жителям Соединённого Королевства.

Положительным вектором оценки характеризуется номинация и в следующем комментарии: *I can't believe Queen Elizabeth is no longer with us, she was the true definition of elegance, class, style and Beauty, a true Lady.* [LIVE...] (Я не могу поверить, что королева Елизавета больше не с нами, она была истинным образцом элегантности, достоинства, стиля и Красоты, настоящей Леди). В данном комментарии автор использует две последовательные номинации. Первая из них “*the true definition of elegance, class, style and Beauty*” состоит из девяти компонентов и позволяет говорящему дать подробную характеристику королевы Елизаветы II, акцентируя внимание на таких качествах, как элегантность, класс, стиль, и красота. Вторая номинативная конструкция “*a true Lady*” короче, однако отличается не меньшей смысловой нагрузкой. Ядерным компонентом номинации является существительное “*lady*”, на основании дефиниционного анализа в значении актуализированного имени можно выделить следующие значимые признаки: + *polite*, + *refined*, + *well spoken*, + *of high social position*, + *of high economic class*. При этом признак + *refined* пресуппонирует семантические множители: + *graceful* и + *cultured*. Признаки + *of high social position* и + *of high economic class* можно объединить в один + *high status*.

В предыдущих работах, рассматривая лингвокультурный типаж “*lady*”, исследователи выделяли в нем следующие конструктивные признаки: 1) женщина с элегантными манерами, 2) почётное звание, 3) вежливое обращение, 4) представительница аристократического круга [Данчук, Шахмаева: 178]. Исходя из сказанного, можно предположить, что в значении существительного “*lady*” имплицитно содержатся семы + *elegant* и + *aristocratic*.

Анализ прагматического контекста высказывания, в частности последовательное использование номинаций, позволяет утверждать, что автор высказывания прибавляет к списку значимых признаков номинации “*a true Lady*” такие признаки как + *classy*, + *stylish* и + *beautiful*. Использование прилагательного *true* и заглавной буквы при написании существительного “*lady*” способствует усилению экспрессивной окраски номинации в целом. Таким образом, при помощи словосочетания “*a true Lady*” говорящий приписывает номинату такие признаки, как аристократизм, интеллигентность, изысканность, элегантность, стиль и красота. Иллокутивная сила высказывания заключается в том, чтобы выразить изумление относительно кончины бывшей королевы Великобритании, а также восхищение её личностными качествами.

Практически все рассмотренные высказывания, содержащие мелиоративные оценочные номинации, характеризуются высоким уровнем эмоциональности и экспрессивности, достигающимся с помощью разнообразных средств и приёмов: лексических (употребление сокращений и аббревиатур), грамматических (инверсия, использование нехарактерных времён и грамматических конструкций), стилистических (адресация комментария, гиперболизация, выбор разговорного или официального стиля), графических (использование графической неоднородности текста, повторение определённых букв для акцентирования значения слова) и паралингвистических средств невербальной коммуникации (эмодзи и смайлики). Чаще всего в рассмотренных комментариях используются следующие эмодзи: «сердце» (или сердца), символизирующие глубокую симпатию и тёплое отношение к королеве, разбитое сердце либо грустный / плачущий / рыдающий эмодзи, визуализирующие печаль относительно кончины Елизаветы II, «букет цветов», обозначающий почтение, «аплодирующие ладони», являющиеся символом уважения, высокой оценки заслуг и достижений королевы. При этом эмодзи выполняют сразу несколько функций: визуализируют эмоции автора, способствуют правильной интерпретации сообщения, экономят время и ресурсы говорящего, а также позволяют выделить комментарий из ряда ему подобных.

Анализ рассмотренных мелиоративных оценочных номинаций позволил выделить новые стереотипные образы британской королевы, а именно Елизавета II как символ уходящей эпохи стабильности, и британская королева как образец для подражания, средоточие положительных качеств.

Иллокутивная цель высказываний, содержащих мелиоративные оценочные номинации, заключается в том, чтобы выразить восхищение личностью бывшей королевы Великобритании, а также сочувствие и соболезнования королевской семье и подданным. Положительную оценку приобретают такие качества британской королевы, как мудрость, справедливость, доброта, самоотверженность, скромность, достоинство, популярность, энергичность, решительность, сила воли, изысканность и элегантность, стиль и красота. При этом наблюдается гиперболизация положительных качеств личности Елизаветы II и идеализация образа британской королевы.

Список источников

- British public react to death of the queen, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ViP5xRPbKuU> (accessed: 30.10.2022).
- LIVE: The State Funeral Procession of Her Majesty The Queen, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YSPZRkKwGos> (accessed: 14.10.2022).
- Queen Elizabeth II: how her reign began #shorts, URL: <https://www.youtube.com/shorts/j7vMRVY8BIU> (accessed: 24.09.2022).
- The Life & Death of Queen Elizabeth II (1926—2022), *Vanity Fair*, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PLAu2qNglek> (accessed: 17.10.2022).
- The Queen's sense of humour remembered: from off-mic quips to tea with Paddington, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A-mO7rbYtgk> (accessed: 05.12.2022).

Список литературы / References

- Болдовская Н.В., Звонова Е.А. Влияние возрастного фактора на дискурс виртуальной языковой личности в англоязычных социальных сетях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2015. № 3. С. 122—131.

- (Boldovskaya N.V., Zvonova E.A. The impact of age on discourse of virtual language persona in English-speaking social networks, *Journal of linguistics*, 2015, no. 3, pp. 122—131. — In Russ.)
- Данчук О.В., Шахмаева Д.А. Линвокультурный типаж «lady/леди» (на материале произведения Д. Остин «Pride and Prejudice») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. // Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 174—178.
- (Danchuck O.V., Shakhmaeva D.A. Linguacultural image “lady/леди” (based on the novel “Pride and Prejudice” by Jane Osten), *Philological sciences. Theoretical and practical issues*, Tambov, 2020, vol. 13, iss. 5, pp. 174—178. — In Russ.)
- Китова Е.Б. Общение в интернет-среде и «универсальный язык» эмодзи // Вопросы и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 654—664.
- (Kitova E.B. Communication in the internet environment and the universal emoji language, *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 654—664. — In Russ.)
- Крылов Ю.В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге // Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 50—52.
- (Krilov J.V. Emoji semantics in the virtual dialogue, *Humanities Studies*, 2017, no. 2 (15), pp. 50—52. — In Russ.)
- Мурзинова И.А. Ассиметричная амбивалентность в оценке коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «британская королева» (на материале современной британской прессы) // *Lingus mobilis*. 2014. № 3 (49). С. 130—138.
- (Murzinova I.A. Assymmetric ambivalence in the evaluation of communicational behaviour of linguacultural type “British Queen” (on the material of british press), *Lingus mobilis*, 2014, no. 3 (49), pp. 130—138 — In Russ.)
- Мурзинова И.А. Эмблематичность образных характеристик лингвокультурного типажа «британская королева» в языковом сознании носителей британской лингвокультуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 10 (138). С. 32—35.
- (Murzinova I.A. The emblem of the accuracy of the iconic characteristics of the linguacultural type “British Queen” in the language consciousness of British linguistic cultural bearers, *TSPU Bulletin*, 2013, no. 10 (138), pp. 32—35. — In Russ.)
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition, London, 2006, 1691 p.
- Shayadyan N. Deixis in Elizabeth II’s Christmas messages, *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 2022, vol. 7, iss. 2, pp. 111—118.

PECULIARITIES OF MELIORATIVE EVALUATIVE NOMINATIONS OF THE BRITISH QUEEN

Alexandra O. Moravidzh

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, a.moraveege@gmail.com

Abstract. This article is dedicated to the features of forming and linguistic representation of a positive evaluation of the image of Queen Elizabeth II. The material for the analysis was meliorative evaluative nominations taken from the latest comments on videos published directly after the death of Elizabeth II and freely available on the internet, which reflect the attitudes of users of different ages and social statuses towards the British queen. A semantic and pragmatic analysis of direct and indirect nominations used by the authors of the comments is conducted. The structural features of nominative constructions are explained. Specific characteristics of the image of the queen, which most often receive a positive evaluation, are described. The illocutionary goal of statements containing meliorative evaluative nominations is analyzed. Lexical, grammatical, stylistic, syntactic, and graphic

means and techniques used to convey positive evaluation, as well as to increase the expressiveness and emotional impact of statements, are discussed. Special attention is paid to the analysis of paralinguistic means of nonverbal communication accompanying meliorative nominations, in particular emojis and emoticons. The functions of these signs for conveying positive evaluation are described. Based on the analysis, conclusions are drawn regarding the distinctive properties of the stereotypical image of the queen reflected in language.

Keywords: nomination, evaluation, stereotypical image, Elizabeth II, the british queen, internet discourse

For citation: Moravidzh A.O. Peculiarities of meliorative evaluative nominations of the british queen, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 59—68.

Статья поступила в редакцию 06.05.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 06.05.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Моравидж Александра Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, a.moraveege@gmail.com

Moravidzh Alexandra Olegovna — Candidate of Sciences (Philology), associate professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, a.moraveege@gmail.com

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 69—78.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 69—78.

Научная статья
УДК 811.111'374
DOI: 10.46726/И.2024.1.7

СОВРЕМЕННАЯ КАРТИНА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ НОВЫХ СЛОВ

Дарья Валерьевна Привалова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
darya.priv4lova@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена анализу современного рынка лексикографических продуктов, отражающих новую лексику англоязычного дискурса. В ходе исследования выявлен ряд характерных тенденций в области составления словарей новых слов. Так, автором было определено, что современные глоссарии могут создаваться в рамках определенного временного промежутка, основным стимулом появления являются глобальные изменения общественно-политической жизни (например, пандемия ковид). В статье также предпринимается попытка очертить круг новых слов и сфер, которые могут являться их источником. Например, в результате анализа словарей, регистрирующих неологизмы, автор приходит к выводу о существовании пересечений в понятиях сленга и неологизма, что даёт право воспринимать словари сленга как предмет исследования. В заключении сделан вывод о широком многообразии форм и форматов словарей новых слов на современном лексикографическом рынке, что является результатом развития технологий и трансформации запросов пользователей, выделяются тенденции дальнейшего развития. Лексикографическое закрепление новых слов способствует расширению языковых границ и адаптации общества к новым ситуациям в глобальном пространстве.

Ключевые слова: лексикография, новые слова, словари неологизмов, лексикографическое описание

Для цитирования: Привалова Д.В. Современная картина англоязычной лексикографии на материале словарей новых слов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 69—78.

Современную культуру невозможно представить без словарей, так как они отражают знания, накопленные обществом на протяжении многих столетий. Широко известно, что словари описывают и нормализуют язык, повышают грамотность и выразительность речи его носителей.

Английский язык считается главным инструментом международного общения, что выводит англоязычные словари на лидирующие позиции рынка лексикографических продуктов. Высокая конкуренция способствует созданию разнообразных словарных разработок, отвечающих запросам современных пользователей, которые, в свою очередь, активно включаются в лексикографический процесс, что приводит к появлению волонтерских справочников. В настоящее время лексикографами предпринимается попытка заинтересовать аудиторию словарными продуктами новых форм и форматов. Так, за последние

© Привалова Д.В., 2024

несколько лет зафиксировано появление словарей в виде календарей, обратных словарей (reverse dictionaries), видеоблогов, специализированных словарных страниц в социальных сетях «слово дня» и т. п.

Особое место в практической лексикографии занимают словари новых слов, поскольку они играют важную роль в фиксации языковых новообразований в узконаправленных тематиках и/или временных периодах. Такие лексикографические работы предоставляют пользователям информацию о новых реалиях и их значениях быстроменяющейся и развивающейся действительности. В данной статье автором предпринимается попытка проанализировать современный лексикографический рынок словарей неологизмов и сделать вывод о существующих предпосылках для создания разработок новых проектов и перспективах развития данной области. Важной составляющей исследования является изучение потребностей пользователей в XXI веке.

Актуальность настоящей работы заключается в недостаточно раскрытом научном потенциале современной лексикографии в области неологии в рамках новейших исследований. Известны труды отечественных лексикографов Г. Гака [Гак], Н.З. Котеловой [Котелова], М.В. Бруликовой [Бруликова], Е.А. Левашова [Левашов], В.Е. Щербиной [Щербина], научные публикации института лингвистических исследований Российской академии наук, работы зарубежных учёных S. Butler [Butler], R. Cullen [Cullen], P. McFedries [McFedries], J. Babcock [Babcock], St. Fuller [Fuller], Gr. Garden, T. Brooke-Taylor, B. Cryer, J. Naismith [Garden, Brooke-Taylor, Cryer, Naismith]. Однако они не в полной мере отражают современное состояние лексикографии в эпоху всеобщей цифровизации и поиска новых форм.

Целью работы является описание и систематизация тенденций лексикографического описания неологизмов английского языка, появившихся в XXI веке.

Достижению поставленной цели способствует решение таких задач, как анализ современного рынка словарей неологизмов; определение статуса нового слова; выявление основных особенностей данных разработок; формулирование выводов и установление дальнейших путей развития данной области.

В качестве материала настоящего исследования были отобраны современные справочные издания, регистрирующие новые слова и изданные в период с 2007 по 2023 год.

Как справедливо отмечает В.Г. Гак, отражение неологизмов в лексикографии принимает две основные формы: включение их в толковый словарь и включение их в специальные словари новых слов [Гак: 15]. В первом случае отследить точное время закрепления нового слова может быть проблематично, поэтому некоторые издательства информируют пользователей о включении новых слов и определений в словники посредством отдельных публикаций. Так, редакторы авторитетного словаря *Cambridge Dictionary* [Cambridge Dictionary] выпускают статьи с информацией о том, какими неологизмами пополнился словник за последнее время. Такие публикации сопровождаются информацией о слове, его определении и дате обновления информации в словаре.

Вторая форма отражения неологизмов по В.Г. Гаку, создание специальных словарей неологизмов, давно представляют интерес как для отечественных, так и зарубежных лингвистов. Например, словарь *Лексикон вокабулам новым по алфавиту* считается одним из первых изданий такого типа. Он был создан в период первой четверти XIII века и содержал 503 единицы, появившиеся в русской речи за счёт заимствований из других языков. Эпизодическое создание подобных проектов не позволяло развиваться отдельному

лексикографическому направлению вплоть до 70-х гг. XX века. Именно тогда одновременно были выпущены работы, посвященные неологизмам русского, английского и французского языка, что привело к формированию новой ветви в мировой лексикографии. Актуальность данной темы подтверждается многообразием исследований, направленных на изучение новых слов. Так, в рамках Ивановской лексикографической школы профессора О.М. Карповой в 1999 году была защищена кандидатская диссертация Е.В. Юмшановой, в которой раскрывалась проблема принципов отбора и лексикографической обработки неологизмов в словарях новых слов английского языка [Юмшанова]. Ряд диссертаций, посвященных неологизмам, можно продолжить работами Ю.Н. Антиюфеевой [Антиюфеева], Ю.Н. Несветайло [Несветайло], М.В. Избицкой [Избицкая] и Э.И. Бархатовой [Бархатова]. Это подтверждает тезис о важности неологии в современной научной парадигме.

Глобальные события общественно-политической жизни (мировые потрясения и стихийные бедствия, пандемии, войны, а также смена поколений) значительно влияют на языковую парадигму. В результате подобных событий образуются новые реалии, нуждающиеся в номинации. Новые слова и/или значения помогают обществу заключить актуальные перемены в языковую форму, что значительно упрощает процесс понимания и осознания происходящих процессов.

Лексикографические разработки, направленные на фиксацию неологизмов, детерминируют соответствующие трансформации в современной глобальной языковой парадигме.

В качестве источников новых слов зачастую выступают средства массовой информации, а также межличностное общение, которое в последнее время преобладает в интернет-среде, что способствует активному распространению новых языковых реалий в массмедийном дискурсе и социальных сетях.

Процесс неологизации лексики непрерывен, как и процесс создания и выпуска словарей новых слов. Зачастую последний опирается на определенные (исторические) временные периоды, которые лексикограф определяет самостоятельно. Особо остро языковая система может реагировать на радикальные изменения и потрясения в жизни общества. Так, например, в результате выхода Великобритании из Европейского союза, так называемого брексита, в 2018 году лексикографами Гарри Эйрсом и Джорджем Майерсоном был опубликован глоссарий терминов периода Брексита [Eyers, Myerson]. В работу включены содержательные и точные определения ключевых терминов, связанных с данным политическим процессом. В словаре даются новые определения, которые освещают проблемы и затруднения того времени.

Другим примером может послужить сборник, опубликованный в марте 2023 года: *COVID Word Diary* [Butler 2023]. Автором словаря является австралийский лексикограф Сью Батлер. Справочник посвящен лексическим единицам, появившимся в английском языке во времена пандемии коронавируса с 2019 по 2022 год. Данный глоссарий отражает рост ковидной лексики с момента появления заболевания до фактического появления вакцины. Сборник основан на лексико-семантических группах, относящихся к медицине, политике и социуму. Слова распределены автором в рамках хронологии их появления.

Словари новых слов могут быть созданы не только как результат отдельно взятого глобального общественного или политического события. Рынок лексикографии предоставляет глоссарии новых слов по прошествии определенных периодов. Один из основных словарей неологизмов второй половины XX века называется *Fifty Years Among the New Words: A Dictionary*

of Neologisms 1941—1991, опубликованный в 1991 году изданием Cambridge University Press [Algeo]. Словарь был выпущен под редакцией журнала Американского диалектного общества American Press, которым на протяжении пятидесяти лет выпускался регулярный сборник неологизмов *Among the New Words*. Таким образом, авторами словаря была проделана работа над компилированием всех статей сборника в отдельную словарную разработку, посвященную новым словам. Данный словарь интересен тем, что коллекция слов в нем была систематизирована и демонстрирует изменение структуры языковых единиц и социальных норм за полувековой период.

Авторами глоссария дается определение понятию *новое слово*: «форма или ее использование, ранее не зарегистрированные в словарях» [Там же]. Под формой авторы подразумевают как отдельное слово, так и словосочетание, а также идиоматическое выражение. Для более точного анализа каждой новой лексической единицы справочник предоставляет информацию о ее первом зарегистрированном употреблении.

Установление хронологических границ лексикографами является одним из вариантов создания словарей неологизмов. «Конкретные точки отсчета устанавливаются прагматически или обуславливаются степенью обновления словарного состава в определенный период, т. е. «неологической» релевантностью» [Котелова: 15]. Так, например, уже упомянутым лексикографом Сью Батлер с 2018 по 2023 год создаются ежегодные сборники новых слов австралийского варианта английского языка [Butler 2022]. В данных книгах читатели имеют возможность ознакомиться с новыми словами, появившимися в определенном году в рамках политических, экономических и общественных тематик. Результатом такой работы становится формулировка основных проблем, которые волновали общественность за прошедший год. Так, в 2022 году словарь зарегистрировал такие неологизмы, как *flurona*, *Covid rebound*, *hybrid immunity* (коронавирусная лексика); *hinge point*, *grey corruption*, *singing Kumbaya*, *teal candidate* (политическая лексика); *e-change*, *goblin mode*, *sober coach*, *heteropessimism*, *soft life*, *technology abuse*, *situationship* (общеупотребительная лексика) и многие другие. Таким образом, словарь новых слов отражает тренды развития языка, научные, культурные и политические трансформации, актуальные на определенный временной отрезок. В современном мире возможно сравнить это с рубриками «word of the year» авторитетных словарей. Так, например, уже упомянутое словосочетание *goblin mode* (сленговый термин, отражающий тип поведения человека, который самообманчив, ленив, неряшлив или жаден, обычно таким образом, что отвергает социальные нормы или ожидания) в 2022 году стало Словом Года по версии словаря *Oxford Dictionary* [Oxford Dictionary].

Другим направлением в лексикографии, заслуживающим отдельного внимания, служат словари сленга, доля неологизмов в которых достаточно велика. Одним из самых популярных словарей современного англоязычного сленга считается *Urban Dictionary* [Urban Dictionary]. Данный сборник один из первых отражает новые языковые явления за счёт вовлечения пользователей в процесс наполнения словаря новыми лексическими единицами (волонтерская лексикография).

Смена поколений происходит в среднем каждые 20 лет [Левашов]. В течение данного времени зарождается новая система, которая развивается, расцветает и, наконец, идет на спад. Понимание ценностей и особенностей каждого поколения ведет к определению его мировоззрения, убеждений и моделей

поведения в рамках тех исторических реалий, в которых оно развивалось. Сленг, как и неологизмы, выходят за рамки литературной нормы. Как справедливо отмечает исследователь В.Е. Щербина, молодые люди часто начинают употреблять слова и выражения, отличающиеся от общепринятой речевой нормы. Это происходит из-за их желания самоутвердиться, выглядеть современными. Создаётся новая разноплановая лексика, иностранные слова, профессионализмы, а также неологизмы, обозначающие новые устройства и процессы [Щербина].

Несомненно, связь сленга и неологизмов существенна и зависит от времени появления слова. Иногда понятия могут смешиваться, а временной фактор является ключевым в процессе определения нелогического характера и новизны слова. Сленгизмы могут считаться неологизмами в том случае, когда обладают общими временными связями [Бруликова]. Таким образом, словари языка поколений могут считаться репрезентативными источниками реалий определённого времени.

Примером такого словаря является *The Little Hiptionary (A Dictionary of Slang) (Little Black Book Series)* [Cullen]. Выпущенный в 2007 году автором Рут Каллен, глоссарий содержит более 300 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке и организованных по различным тематикам. Приведем пример словарных статей:

all a•bout *adv* **1:** liking, appreciating, or having enthusiasm for someone or something *I'm all about chocolate.* **2:** emphatic description of one's personal values or beliefs *I'm all about helping the less fortunate, just not my close relatives.*

bounce *v:* to leave or go *I'm late for class. Gotta bounce!*

brand slut *n:* typically, a consumer age 35 or younger who displays no loyalty to any one brand *Judging by all the different designer labels in Carmen's closet, she's a total brand slut.*

Приведенные примеры показывают, что образование сленговых словоформ совпадает с принципами образования новых слов: это и новые лексические сочетания (*brand slut*), а также новые значения устоявшихся слов (*bounce*). А название словаря (*hiptionary*) сформировано с помощью слияния (*hip* + *dictionary*), что также является неологизмом.

Еще одним примером словаря, отражающего проблемы современного поколения, является глоссарий *The Word Spy Dictionary of Bad Behavior: New words for new lows* [McFedries]. В нем собраны более 200 словарных статей, посвященных новым словам с негативной окраской, воссоздающих культурный снимок общества в отрицательном значении. Словарные статьи размещены в алфавитном порядке и разделены на такие категории, как *Anger, Bad for Business, Bullying, Carelessness, Cheating, Condescension, Creepiness, Criminality* и так далее. В глоссарии даются определения и примеры неологизмам *acoustic terrorism, bashtag, food swamp, mirdle, videophilia* и т.д. Создателями подчеркивается, что данный словарь создан с целью объединения новых слов, описывающих ненадлежащее, грубое, невежественное и преступное поведение, существующее или набирающее популярность на данный момент в современном обществе. Так, термин *acoustic terrorism* определяется авторами как *нарушение спокойствия, вызванное чрезмерно громким шумом* [Там же]. Также предоставляется более развернутый комментарий лексической единицы: *можно подумать, что в наше время, после 11 сентября, люди будут осторожнее относиться к тому, где они наклеивают ярлык «терроризм», но это не так, когда речь идет о бум-карах. Это автомобили, оснащенные*

чрезвычайно мощными стереосистемами, которые воспроизводятся с повышенным уровнем громкости и басов и опущенными стеклами. Они, похоже, пробуждают в людях ярость, о чем свидетельствует призыв к оружию в приведенном примере [Там же]. В качестве примера приводится контекст: “Our homeland security is violated every time a "boom car" goes by with 150—plus decibels of audio onslaught. You know what that means? Some of our kids are terrorists... **Acoustic terrorism** merely is a symbol of hypermasculinity and displays sexist behavior with desire for domination. Get smart, lawmakers, give us peace; ban anything over 80 decibels like many cities. David Opasik, “Boom—car 'terrorists' disturb our local peace,” The Stuart News/Port St. Lucie News, May 13, 2002” [Там же].

Таким образом, лексикографами не только формулируются и определяются негативные стороны современного общества, но и подчеркивается важность борьбы с отрицательными действиями настоящего поколения, так как неологизмы являются одним из лучших способов понимания стремительно меняющегося мира и культуры. Важно отметить, что словарь разработан на базе ресурса Word Spy, где содержится более 3 тыс. неологизмов, которые появились в английском языке с 1995 года по настоящее время. Каждая статья сопровождается описанием, датой появления слова и иллюстративным примером из средств массовой информации.

Словари новых слов могут быть не только одноязычными, но и многоязычными. Например, сборник неологизмов *Multilingual dictionary of new words*, выпускаемый Европейским парламентом [Multilingual dictionary]. Последнее, седьмое, издание было введено в 2019 году и содержит 323 новых слова из 24 языков. Главный редактор словаря, Вальтер Маврич, обращает внимание реципиентов на необходимость подбора «корректного толкования слов для конкретной темы и постоянного наблюдения за актуальным развитием языка» [Там же]. Каждое слово, вне зависимости от аутентичного происхождения, переводится на английский язык и сопровождается определением как на языке оригинала, так и на английском.

Приведём пример словарной статьи.

babenberg [ˈbaːbənɛrk] *n. m.*,

informal

sl: skupina hihitajočih se žensk, ki vedno vse počnejo skupaj

Cel babenberg je šel na kofe.

en: group of giggling women who always do everything together

Рис. Пример словарной статьи неологизма babenberg в словаре Multilingual dictionary of new word

В примере проиллюстрировано словенское существительное *babenberg* с указанием его произношения, грамматической формы и стиля. Авторами словаря даётся определение слова на языке оригинала, а также пример. Словарную статью завершает определение неологизма на английском языке.

Такие лексикографические разработки представляют глобальную динамику развития языка в целом, служат инструментами для кросс-языкового

поиска информации, а также помогают в общении, обучении языкам и унификации терминологии различных областей знаний.

Большую популярность в последнее время занимают словари игры слов. В данных сборниках авторы предлагают новые значения устоявшимся словам, так называемые *daffynitions* (слияние *daffy* — странный и *definition* — определение). Таким образом, получаются новые определения привычных слов. Так, в словаре *A Dictionary of Daffynitions: New Words from Old Words*, изданном в 2022 году Джеймсом Бэбкоком, предлагаются юмористические определения самым разным словам [Babcock]. Например, существительное *allocate n.* определяется как *greeting for Catherine. Cockney*. В данном случае неологизм образуется в результате смешения слов *hello* и *Kate*, где *hello* — это приветствие, произношение которого в акценте Кокни из-за фонетических особенностей становится схожим с первым слогом слова *allocate*. То же самое происходит со вторым слогом. Опираясь на рекомендации авторов, вначале следует прочитать неологизм, далее ознакомиться с авторским определением и, наконец, необходимо перечитать заглавную единицу, чтобы понять задумку данной игры слов. Зачастую такие словари создаются самими авторами и представляются их собственную интерпретацию слов. Современный лексикографический рынок предоставляет многообразие авторских сборников в печатном и электронном форматах: *Fuller's dictionary of daffynitions* [Fuller], *The Uxdridge English Dictionary* [The Uxdridge English Dictionary], *The Complete Uxbridge English Dictionary: I'm Sorry I Haven't a Clue* [Garden, Brooke-Taylor, Cryer, Naismith]. В настоящее время игра слов особо популярна среди британцев. Так, например, комедийное шоу-викторина *I'm Sorry I Haven't a Clue*, выпускаемое радиостанцией BBC Radio 4, использует формат игры, где гости должны угадать значение того или иного слова. Истоки формата восходят к так называемому рифмованному сленгу Кокни, образованному в XIX веке в восточной части Лондона (Ист-Энде). Лингвисты и историки до сих пор не пришли к определенному мнению о происхождении данного диалекта. С одной стороны, считается, что он был придуман торговцами, чтобы покупатели не понимали их разговоров. По другим данным, сленг Кокни изобрели участники криминальных группировок, чтобы их не понимала полиция. Определенно можно сказать лишь то, что рифмованный сленг Кокни образовался внутри определенного круга людей, стал их отличительным признаком, а далее стал использоваться повсеместно. Сленг актуален до сих пор и продолжает развиваться, использоваться в общепотребимом просторечном английском языке.

Как видно из приведенных примеров, современный лексикографический рынок словарей неологизмов насыщен многообразием разработок, отвечающих различным запросам пользователей. Данные сборники могут быть полезны не только обывателям, пытающимся разобраться в стремительно меняющейся глобальной обстановке, но и профессионалам: переводчикам, преподавателям, исследователям, область работы которых связана с анализом современной лингвистической картины того или иного языка. Также отдельная тенденция прослеживается в создании словарей для развлечения пользователей, так называемых “*dictionaries for fun*”. В таких глоссариях языковая игра осуществляется посредством создания новых шуточных определений к словам. Авторские разработки данных сборников занимают объемную нишу в современном лексикографическом пространстве. При этом нельзя не учитывать интеграцию таких сборников в образовательную среду педагогами.

В результате проведенного исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, важно подчеркнуть, что на современном лексикографическом рынке существует разнообразие вариантов словарей новых слов в зависимости от определенного временного периода, выделяемого разработчиками. Словари неологизмов могут создаваться как по итогам определенного времени (года, десятилетия, полувека), так и в результате отдельного глобального события (Брексит, пандемия коронавируса в мире и т. д.). При этом авторы учитывают и включают информацию о времени появления неологизма в словарных статьях.

Во-вторых, неологизмы и сленг обладают общими признаками в рамках актуальности и новизны. В таком случае можно сделать вывод о том, что при появлении нового слова оно проходит процесс неологизации, после которого переходит в разряд сленга. Данный этап необходим для того, чтобы определить истинное время жизни нового слова и степень его распространения, отличать окказиональные лексические соединения от собственно неологизмов.

В-третьих, авторами словарей все чаще разрабатываются новые формы и форматы лексикографических разработок. Глоссарии выходят за пределы уже классических печатных изданий и веб-страниц, занимая собственные ниши в социальных сетях и на платформах видеохостинга. Данная тенденция направлена, в первую очередь, на то, чтобы отвечать запросам современных пользователей. Так, например, аудитории словарей предлагается удобный и бесплатный контент, который может преподноситься в видеоформате и/или социальных сетях.

С большой уверенностью можно предположить, что рассмотренная сфера лексикографии в области неологии актуальна, так как общество всегда будет нуждаться в номинации новых явлений. Переход коммуникации в интернет-пространство затрагивает большую аудиторию, расширяя ее словотворческий потенциал, что создает предпосылки для дальнейших исследований в области лексикографической фиксации неологизмов.

Список источников

- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 20.12.2023).
 Multilingual Dictionary of New Words Sixth Edition, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016, 260 p.
 Oxford Word of the Year 2022. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2022/> (дата обращения: 20.12.2023).
 The Uxbridge English Dictionary. URL: <http://www.alspcs.com/main.html> (дата обращения: 20.12.2023).
 Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 20.12.2023).

Список литературы / References

- Антюфеева Ю.Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 20 с.
 (Antiufoeva Ju.N. English neologisms in development: potential word, occasionalism, neologism: abstract of the dis. ... Candidate of Philological sciences, Belgorod, 2004, 184 p. — In Russ.)
 Бархатова Э.И. Концептуализация событий и их лексическая репрезентация в новой лексике современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 24 с.
 (Barkhatova E.I. Conceptualisation of events and their lexical representation in the new lexicon of modern English language: abstract of the dis. ... Candidate of Philological sciences, Moscow, 2020, 24 p. — In Russ.)

- Бруликова М.В. Связь и разница понятий «сленгизм», и «неологизм» на примере лексики английского языка // Современная наука: эксперимент и научная дискуссия: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, Анапа, 25 марта 2022 года. Анапа, 2022. С. 4—8.
- (Brulikova M.V. Connection and difference between the notions of “slangism” and “neologism” on the example of the lexicon of the English language, *Modern Science: experiment and scientific discussion: collection of scientific papers on the materials of the I International Scientific and Practical Conference*, Anapa, 2022, pp. 4—8. — In Russ.)
- Гак В.Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. 184 с.
- (Gak V.G. About modern French neology, *New Words and the Dictionaries of New Words*, Leningrad, 1978, pp. 37—52. — In Russ.)
- Избицкая М.В. Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2020. 18 с.
- (Izbitskaia M.V. Modern trends in neology: typology of neologisms formation and lexicographical practice (on the material of new English lexicon from the sphere “Culture” in electronic volunteer dictionaries): abstract of the dis. ... Candidate of Philological sciences, Ivanovo, 2020, 18 p. — In Russ.)
- Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука. 1978. С. 5—26.
- (Kotelova N.Z. The first experience of lexicographic description of Russian neologisms, *New Words and the Dictionaries of New Words*, Leningrad, 1978, pp. 5—26. — In Russ.)
- Левашов Е.А. О хронологических границах словарей неологизмов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-hronologicheskikh-granitsah-slovaey-neologizmov> (дата обращения: 23.08.2023).
- (Levashov E.A. On the chronological boundaries of dictionaries of neologisms, *Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 2012, no. 3. — In Russ.)
- Несветайло Ю.Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспекты: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 18 с.
- (Nesvetaylo Y.N. Neologisms and occasionalisms as constituents of lexical macrofield of modern English: system and word-formation aspects: abstract of the dis. ... Candidate of Philological sciences, Rostov-on-Don, 2010, 18 p. — In Russ.)
- Щербина В.Е. Чекиниться, инстаграмиться, твититься... сетевые неологизмы как средство пополнения молодежного сленга // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. №1 (201). С. 68—72.
- (Shcherbina V.E. “Chekinit'sia, instagramit'sia, tvitit'sia...” network neologisms as means of replenishing youth slang, *Vestnik OSU*, 2017, no. 1 (201), pp. 68—72. — In Russ.)
- Юмшанова Е.В. Принципы отбора и лексикографической обработки неологизмов в словарях новых слов английского языка: дис. ... канд. фил. наук. Иваново, 1990. 171 с.
- (Yumshanova E.V. Principles of selection and lexicographic processing of neologisms in dictionaries of new words of the English language: dis. ... Candidate of Philological sciences, Ivanovo, 1990, 171 p. — In Russ.)
- Algeo J. Fifty Years Among the New Words: A Dictionary of Neologisms 1941—1991, Cambridge: Cambridge University Press, 1991, 257 p.
- Babcock J. A Dictionary of Daffynitions: New Words from Old Words, 2022, 28 p.
- Butler S. COVID Word Diary, 2023. 120 p.
- Butler S. New Words 2022: Changes in Australian English (New Words in Australian English), 2022. 81 p.

- Cullen R. The Little Hictionary (A Dictionary of Slang) (Little Black Book Series), New York: Peter Pauper Press, 2007, 144 p.
- Eyers H., Myerson G. Johnson's Brexit Dictionary: Or an A to Z of What Brexit Really Means, London: Pushkin Press, 2018, 125 p.
- Fuller St. Fuller's dictionary of daffynitions, Cambridge: Melrose Books, 2008, 256 p.
- Garden Gr., Brooke-Taylor T., Cryer B., Naismith J. The Complete Uxbridge English Dictionary: I'm Sorry I Haven't a Clue, London: Preface Publishing, 2017, 320 p.
- McFedries P. The Word Spy Dictionary of Bad Behavior: New words for new lows, Word Spy Press, 2016, 238 p.
- McFedries P. The Word Spy Dictionary of Bad Behavior: New words for new lows, Word Spy Press, 2016, 238 p.
- McFedries P. Word Spy. The Word Lover's Guide to Modern Culture, 2004, URL: <http://www.wordspy.com> (accessed: 23.08.2023).

MODERN PICTURE OF ENGLISH LEXICOGRAPHY ON THE MATERIAL OF DICTIONARIES OF NEW WORDS

Daria V. Privalova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, darya.priv4lova@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the analysis of the contemporary market of lexicographic products registering new vocabulary of English-language discourse. The study reveals a number of characteristic trends in the field of compiling dictionaries of new words. Thus, the author has determined that modern glossaries can be created to describe a certain time period, the main stimulus for their appearance being global changes in social and political life (e.g. pandemic covid). The article also attempts to delineate the range of new words and the spheres that may be their source. For example, as a result of the analysis of dictionaries registering neologisms, the author comes to the conclusion that there are intersections in the concepts of slang and neologism, which gives the right to perceive slang dictionaries as a subject of research. The conclusion about the wide variety of forms and formats of dictionaries of new words on the modern lexicographic market, which is the result of technology development and transformation of users' demands, is made, and the tendencies of further development are highlighted. Lexicographic consolidation of new words contributes to the expansion of linguistic boundaries and adaptation of society to new situations in the global space.

Keywords: lexicography, new words, dictionaries of neologisms, lexicographic description

For citation: Privalova D.V. Modern picture of English lexicography on the material of dictionaries of new words, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 69—78.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 24.01.2024; принята к публикации 31.01.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 24.01.2024; accepted for publication 31.01.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Привалова Дарья Валерьевна — аспирантка кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, darya.priv4lova@gmail.com

Privalova Daria Valerevna — postgraduate student of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, darya.priv4lova@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 79—83.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 79—83.

Научная статья

УДК 811.512.145'367

DOI: 10.46726/H.2024.1.8

КАУЗАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Лениза Газинуровна Хабибуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук

Республики Татарстан, Казань, Россия, valievalg@mail.ru

Аннотация. Между частями бессоюзных сложносочиненных предложений семантически могут устанавливаться не только равнозначные сочинительные, но и эксплицитно невыраженные подчинительные отношения, которые зачастую остаются вне поля зрения исследователей. В данной статье изучаются причинно-следственные отношения в бессоюзных сложносочиненных предложениях татарского языка. Исследование особенностей языковой репрезентации семантико-синтаксических категорий вписывается в рамки коммуникативного синтаксиса, являющегося одним из перспективных направлений нынешнего языкознания. В ходе работы были применены структурно-семантический метод (при исследовании формальной и содержательной организации каузальных конструкций), метод моделирования и трансформационного анализа (при выявлении имплицитно выраженных подчинительных отношений), контекстуальный анализ (для выявления особенностей функционирования каузальных отношений). Проведенное исследование позволяет утверждать, что каузальность в бессоюзных сложносочиненных предложениях устанавливается, во-первых, благодаря семантике компонентов, во-вторых, за счет порядка их следования: причина всегда находится в препозиции по отношению к следствию. Модально-вводные слова в таких конструкциях выражают предположение говорящего о причине, исходя из следствия. Подобные предложения характеризуются сложной семантической наполненностью и могут относиться к отношениям логического обоснования, модально-вводные слова передают субъективную модальность.

Ключевые слова: бессоюзное сложносочиненное предложение, причинно-следственное отношение, каузальная конструкция, модально-вводные слова, татарский язык

Для цитирования: Хабибуллина Л.Г. Каузальные отношения между компонентами бессоюзных сложносочиненных предложений в татарском языке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 79—83.

Репрезентация обстоятельственных отношений при помощи бессоюзных сложносочиненных предложений (далее БСП) для татарского языка является не самым типичным способом, однако между частями таких конструкций часто устанавливаются временные, целевые, причинно-следственные, условные отношения. В БСП то или иное семантико-синтаксическое отношение не оформляется формальными средствами, зачастую являющимися показателями определенного значения, а выявляется по общему смысловому содержанию. В бессоюзных предложениях с каузальной семантикой первый компонент выражает причину,

---

© Хабибуллина Л.Г., 2024

а второй — следствие. Таким образом, между частями подобных БСП устанавливается отношение зависимости, которое существует логически, но не оформляется грамматически. Первый компонент в них бывает относительно самостоятельным, во втором также не содержатся какие-либо формальные показатели зависимости. Взаимозависимость частей и причинно-следственное отношение между ними определяются по семантике компонентов БСП.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в таких БСП с причинно-следственной семантикой в большинстве случаев выражаются неуправляемые ситуации, к которым можно отнести ситуации, характеризующие природные явления, физиологические, психоэмоциональные состояния человека. Например:

— природные явления: *Авылны кар баскан, сукмаklar беткэн — урам уртасындагы чана юлыннан гына барып була* (Э. Еники. Вөждан). ‘Деревню засыпало снегом, тропинки исчезли — добраться можно было только по санной дороге посреди улицы’; *Тротуар чокырлы-чакырлы, тайгак — Сабира белэн икэу нык кына култыклашып атлыйбыз* (Э. Еники. Гөлэндэм туташ хатирәсе). ‘Тротуар неровный, скользкий — идем вдвоем с Сабирой под руку’; *Көз кояшы шактый түбэн тәгәрәгән икэн — аркамны салкын дулкын чымырдатып узды* (Ф. Шәфигуллин. Тау битендә күлэгә). ‘Оказывается, осеннее солнце опустилось довольно низко, по спине пробежала холодная волна’;

— физиологические, психо-эмоциональные состояния человека: *Мин дәшмәдем, дәшәрлек хәлдә түгел идем* (Э. Еники. Гөлэндэм туташ хатирәсе). ‘Я промолчала, я была не в состоянии говорить’; *Аргы урамнан ук йөгереп төшкәнгә охшый бу малай — йөзе кызарган, борын очы дымланган* (Ф. Шәфигуллин. Тау битендә күлэгә). ‘Этот мальчик, похоже, прибежал с дальней улицы – лицо красное, кончик носа влажный’.

Порядок слов в подобных конструкциях фиксирован: причинный компонент всегда находится в препозиции. Средством связи частей таких БСП выступает интонация: в первом компоненте сложного предложения присутствует интонация незавершенности. Все это подтверждает, что в БСП каузальность репрезентируется не только благодаря значению компонентов, но и порядку их следования. Например: *Бәясен бигрәк кыйммәт куйган — беркем алмый* (Г. Гыйльманов. Яшел тутый). ‘Он поставил слишком высокую цену — никто не покупает’; *Аш бетте — кашыкның бәясе төште* (Мәкаль). ‘Обед кончился — ложка упала в цене’; *Кич ничектер тымызык-моңсу, томанлы, фонарьлар да кабынмаган — аяк астын шәйләп булырлык та түгел* (Э. Еники. Вөждан). ‘Вечер какой-то тихий, грустный, туманный, фонари не зажглись — под ногами ничего не видно’.

Таким образом, между компонентами таких БСП семантически устанавливается не равнозначное сочинительное, а эксплицитно невыраженное подчинительное отношение. При этом подобные предложения можно легко трансформировать в сложноподчиненные с придаточными причины, вставив соответствующие средства связи. Например: *Кар яуган, эзе басылган* (Мәкаль). ‘Выпал снег, следы замело’ (Пословица). = > *Кар яуганлыктан (яуганга, яву сәбәпле, яуганга күрә), эзе басылган*. ‘Из-за того (по причине того) что выпал снег, следы замело’; *Кар яуган, шунлыктан (шуңа күрә, шуның өчен, шул сәбәпле) эзе басылган*. ‘Выпал снег, поэтому (по этой причине) следы замело’; *Эзе басылган: (чөнки) кар яуган*. ‘Следы замело: (потому что) выпал снег’ и т. д.

Предложения с модально-вводными словами занимают отдельное место в системе БСП с обстоятельственной семантикой. Модальные слова и частицы

вносят в них синкретичные значения. В некоторых случаях модально-вводные слова между частями сложного предложения конструктивно значимы.

Особенно это относится к каузальным конструкциям. Обычно в них необходимым элементом для различения значения выступают вводные слова, указывающие на достоверность/недостоверность. Подобные конструкции имеют сложную семантическую наполненность, их можно отнести к отношениям логического обоснования. Например: *Моның тәэсире булды, ахрысы, кешеләр ничектер кузгалышып куйдылар...* (Ә. Еники. Вөждан). ‘Видимо, это произвело впечатление, люди как-то зашевелились’.

Между компонентами сложного предложения нет формальных показателей зависимости, оно оформлено как сложносочиненное, но по содержанию тождественно сложноподчиненному: *Моның тәэсире булды, ахрысы, шуңа күрә кешеләр ничектер кузгалышып куйдылар...* ‘Видимо, это произвело впечатление, **поэтому** люди как-то зашевелились’; *Кешеләр ничектер кузгалышып куйдылар, чөнки моның тәэсире булды, ахрысы...* ‘Люди как-то зашевелились, **потому что** это, видимо, произвело впечатление...’ и др.

Таким образом, по семантике предложение *кешеләр ничектер кузгалышып куйдылар* ‘люди как-то зашевелились’ — главное, *моның тәэсире булды, ахрысы* ‘видимо, это произвело впечатление’ — зависимое, так как возможной причиной выступает то, что это произвело впечатление, в результате люди как-то зашевелились. Модальное слово *ахрысы* ‘видимо’ вносит в предложение семантику предположительности. Описанное в придаточном (по значению) компоненте действие необязательно приводит именно к этому следствию. Причина (‘это произвело впечатление’) является возможной, потому что люди могли зашевелиться и по какой-либо другой причине.

В подобных конструкциях дается только следственный компонент каузального отношения (*кешеләр ничектер кузгалышып куйдылар* — ‘люди как-то зашевелились’), на основе которого делаем вывод о причинном (*моның тәэсире булды* — ‘это произвело впечатление’), который является сомнительным, так как в его составе имеется модальное слово *ахрысы* ‘видимо’, выражающее «проблематическую достоверность (вероятность, допущение, предложение, сомнение, неуверенность)» [Татарская... 2: 300].

Таким образом, в таких предложениях выражается следственная часть каузальной конструкции (логический вывод), на основе которой приходим к заключению о предполагаемом причинном компоненте. Благодаря наличию в предложении вводных слов передается субъективная модальность.

Вместе с модально-вводными словами или же самостоятельно выражая значение неизвестности, может употребляться частица *-дыр/-дер (-тыр/-тер)*. Частицы самостоятельно не могут выражать каузальность, как и модальные слова, они указывают на предположительный характер причины. Например: *Очырткычның канаты-фәләне имгәнгәндер, ахры, шактый озак бер урында эвәрә килде малайлар* (Ф. Шәфигуллин. Тау битендә күләгә). ‘Вероятно, у самолета было повреждено крыло, мальчики довольно долго что-то делали на одном месте’; *Салих миңа яңа көй өйрәтәп тормады, (ахрысы, язып китергән нотасы булмагандыр), ә искеләрне кабатлау белән генә чикләнде* (Ә. Еники. Гөләндәм туташ хатирәсе). ‘Салих не стал учить меня новой мелодии (видимо, не было принесенных новых нот), а ограничился повторением старых’; *Ә берәздән өй эче дә тынды — безнекеләр ял итәргә ятканнардыр* (Ә. Еники. Гөләндәм туташ хатирәсе). ‘А через некоторое время и в доме стало тихо — наши, наверное, легли отдыхать’.

В результате проведенного исследования было установлено, что модально-вводные слова выражают предположение говорящего о причине, исходя из следствия, находятся в составе причинного компонента. Например: (1) *Жавабым балаларча булып чыкты, күрәсең*, (2) *энием ирекседән көлемсерәде...* (Ә. Еники. Гөлэндәм туташ хатирәсе). '(1) Видимо, мой ответ оказался детским, (2) мама невольно усмехнулась...'

Следствие (*энием ирекседән көлемсерәде* 'мама невольно усмехнулась') является реальным фактом, однако говорящий лишь предполагает, что названная причина (*жавабым балаларча булып чыкты* — 'мой ответ оказался детским') привела к такому следствию. Сомнение говорящего выражается модально-вводным словом *күрәсең* 'видимо' в составе причинного компонента.

Таким образом, при помощи модально-вводных слов в большинстве случаев указывается на предположительный характер причины.

В значении вводного слова используется сочетание глагола *бул* 'быть' в форме условного наклонения с предикативным словом *кирәк* 'надо'. В таких конструкциях передается каузальность, причинная часть в которой является предположительной. Например: *Этием жомга намазыннан кайтып керде булса кирәк, түбәндә аның тамак кырган тавышы ишетелде* (Ә. Еники. Гөлэндәм туташ хатирәсе). 'Мой отец, должно быть, вернулся с пятничной молитвы, внизу послышался его голос'; *Шунда ук узара сөйләшә башладылар, көлешеп тә алдылар — күренә, араларында дуслык, бердәмлек нык булса кирәк* (Ә. Еники. Гөлэндәм туташ хатирәсе). 'Тут же заговорили между собой, посмеялись — видимо, между ними была крепкая дружба, сплоченность'; *Болай диюем председателгә бер дә ошамады булса кирәк, ул шунда ук миңа каршы төште* (Ә. Еники. Вөждән). 'Председателю, должно быть, не понравилось то, что я сказал это, и он тотчас же возразил мне'.

Как показал анализ языкового материала, между компонентами БСП могут устанавливаться отношения зависимости, неоформленное грамматически. Каузальные отношения в подобных конструкциях выявляются логически, по контексту. При этом немаловажную роль играет порядок следования компонентов: причина находится в препозиции, а следствие — в постпозиции.

Список литературы / References

- Закиев М.З. Татарская грамматика. Т. III: Синтаксис. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995. 576 с. (Zakiev M.Z. Tatar Grammar. Vol. III: Syntax, Kazan, 1995. 576 p. — In Russ.)
- Татар грамматикасы. Т. III. Казан: ТӘҺСИ, 2017. 536 б. (Tatar Grammar, vol. III, Kazan, 2017, 536 p. — In Tat.)
- Татарская грамматика. Т. II: Морфология. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 397 с. (Tatar Grammar, vol. II: Morphology, Kazan, 1993, 397 p. — In Russ.)

CAUSAL RELATIONS BETWEEN THE COMPONENTS OF NON-UNION COMPOUND SENTENCES IN THE TATAR LANGUAGE

Leniza G. Habibullina

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, valievalg@mail.ru

Abstract. Semantically, not only equivalent compositional, but also explicitly unexpressed subordinate relations can be established between parts of non-union compound sentences, which often remain out of the field of view of researchers. This article studies causal relationships in non-union compound sentences of the Tatar language. The study

of the peculiarities of the linguistic representation of semantic and syntactic categories fits into the framework of communicative syntax, which is one of the promising areas of current linguistics. In the course of the work, the structural-semantic method was applied (in the study of the formal and meaningful organization of causal constructions), the method of modeling and transformational analysis (in identifying implicitly expressed subordinate relations), contextual analysis (to identify the features of the functioning of causal relations). The conducted research allows us to assert that causality in non-union compound sentences is established, firstly, due to the semantics of the components, and secondly, due to the order of their sequence: the cause is always in preposition with respect to the effect. Modal-introductory words in such constructions express the speaker's assumption about the cause, based on the effect. Such sentences are characterized by a complex semantic fullness and can relate to the relations of logical justification, modal-introductory words convey a subjective modality.

Keywords: non-union compound sentence, causal relation, causal construction, modal-introductory words, Tatar language

For citation: Habibullina L.G. Causal relations between the components of non-union compound sentences in the Tatar language, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 79—83.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 19.12.2023.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 19.12.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Хабибуллина Лениза Газинуровна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук, Казань, Россия, valievalg@mail.ru

Habibullina Leniza Gazinurovna — Doctor of Philology, Senior Researcher of the Department of Areal Linguistics, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, valievalg@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 84—96.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 84—96.

Научная статья

УДК 94(410:485)"1700"

DOI: 10.46726/И.2024.1.9

ПРОБЛЕМНЫЙ СОЮЗ. К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АНГЛИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ШВЕЦИИ В ЭПОХУ ДВУХ ВОЙН: ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО И ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Владимир Александрович Евсеев

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yevseyv@mail.ru

Аннотация: Англия и Швеция в 1700 г. заключили союз. Однако этот альянс испытывал различные метаморфозы. Обе державы становились то друзьями, то внешнеполитическими соперниками. Их отношения сильно зависели от международной обстановки в Европе и, конечно, от внешнеполитических целей каждой из сторон. Часто оба королевства не исполняли взятые на себя обязательства. Английское правительство в первую очередь действовало в интересах своей страны. Англия была особо заинтересована в союзе со Швецией в эпоху войны за Испанское наследство, когда она нуждалась в военной поддержке со стороны шведских войск в войне с Францией. После заключения Утрехтского мира и вступления на престол Георга I, который считал Карла XII своим внешнеполитическим соперником, отношения со Швецией резко ухудшились. Георг I имел территориальные претензии в Германии к Швеции, а Карл XII ужесточил блокаду английской торговли с балтийскими портами. Все это заставило английское правительство выйти из союза. Попытки англичан стать посредниками в установлении мира между Швецией и Россией на последнем этапе Северной войны не увенчались успехом из-за вспыльчивого характера Карла XII. Поэтому после его гибели в декабре 1718 г. в январе 1720 г. был заключен новый договор, который повторял в общих чертах союзный договор 1700 года.

Ключевые слова: Англия, Швеция, союз Англии и Швеции 1700 г., война за Испанское наследство, Великая Северная война

Для цитирования: Евсеев В.А. Проблемный союз. К вопросу о внешней политике Англии по отношению к Швеции в эпоху двух войн: за Испанское наследство и Великой Северной войны // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1. 2024. С. 84—96.

К началу XVIII в. Англия и Швеция входили в состав великих держав, к коим относились еще Франция, Голландия, Австрия, и Испания. Эти державы и определяли соотношение сил в Западной Европе. В это время самым острым для большинства этих государств был вопрос о так называемом

«испанском наследстве», который и привел к новой общеевропейской войне в 1701 г. на западе Европы. В это же время на северо-востоке континента обозначился не менее острый конфликт между Россией и Швецией — Северная война, которая началась в конце лета 1700 г. Эти две кризисные точки на западе и востоке Европы оказывали решающее влияние на европейские международные отношения в первой четверти XVIII в. Если Англия оказалась одной из главных участников войны за Испанское наследство, то Швеция стала основным актором Северной войны. Взаимоотношения между этими державами и их реальные интересы на континенте были важным фактором внешнеполитической деятельности обоих государств.

В данной статье мы обратимся к политике Британии по отношению к Швеции в первой четверти XVIII в., в эпоху двух больших европейских войн, которые в разной степени влияли на позицию ведущих участников обоих конфликтов.

Этот аспект является пока ещё недостаточно изученной областью не только в отечественной, но и в современной англоязычной историографии. Хотя, конечно, можно назвать достаточное количество трудов, посвященных внешней политике Англии XVIII в.

Проблемы внешней политики Великобритании начала XVIII в. рассматривались в работах отечественных исследователей. Мы можем отметить всего лишь несколько современных отечественных авторов, которые в той или иной мере лишь косвенно касались рассматриваемого нами в данной статье вопроса. В основном в них затрагивались вопросы внешней политики Англии по отношению к ее главным союзникам или соперникам [Соколов 1988, 1996; Иволина 1998, 2015]. Отдельно следует выделить диссертационное исследование Сорокиной Е.А., где рассматривается внешняя политика Англии в Северной Европе в конце XVII — начале XVIII вв. [Сорокина: 21—22].

Среди новейших работ по внешней политике Великобритании начала XVIII в. следует отметить статью А.Г. Осяева [Осяев]. Однако автор использует в своей работе только русскоязычную литературу и в основном показывает отношение России к данному союзу, но, собственно, о политике Англии по отношению к Швеции в эту эпоху мало что говорится.

В англоязычной историографии из общих работ по внешней политике Англии в XVIII в. прежде всего, следует отметить работу Дж. Блэка, посвященную международным связям этой страны в первой половине XVIII в. [Black 1985]. Автор дает краткую характеристику английской внешней политики в Северной Европе. Одна из последних работ Дж. Блэка посвящена политикам и внешней политике времен Георга I [Black 2014], где отмечается, что приход новой династии в августе 1714 г. имел важные последствия для внешнеполитического курса Британии. Однако политика в отношении к Швеции дана лишь в контексте противодействия усилению России. Известный английский историк У. Хорн в своей работе отчасти касается международных связей Англии на Севере Европы [Horn]. Однако он уделяет большее внимание политике Англии со странами Западной Европы, отношения же с Северной Европой и, в частности, со Швецией изложены им исходя из анализа общей международной обстановки в Европе.

Накануне войны за Испанское наследство английское правительство старалось обеспечить широкую дипломатическую поддержку и привлечь на свою сторону не только основных соперников Франции — Австрию и Голландию, которые были её союзниками в недавней войне, закончившейся Рисквикским

миром, — но и пыталась включить в этот союз и ряд других государств. Особый интерес англичан в этом плане вызывала Швеция.

Основным союзником Швеции после Тридцатилетней войны была Франция. Однако Людовик XIV был слишком занят своими экспансионистскими планами в Европе, чтобы оказать существенную военную помощь Швеции в случае войны с ее соседями — Данией, Польшей и Россией, у которых с ней были большие проблемы. Французский король скорее сам рассчитывал на военную поддержку Швеции, чем готов был оказать ее. Эта ситуация заставляет Швецию идти на сближение с «морскими державами», которые могли оказать шведскому королю поддержку на море, в которой он больше всего нуждался в случае возможной войны с Данией. Именно последняя вместе с Россией и Польшей оказались главными соперниками в регионе Балтики. Англия же смогла включить в этот антифранцузский союз такого важного актора на внешнеполитической арене Европы того времени — Швецию.

На рубеже XVII—XVIII вв. усиливаются торговые связи между Британией и Швецией. Последняя становится крупнейшим поставщиком железа и строительного леса в Англию [Davies: 244]. Оба государства стремились не только к экономическому взаимодействию, но и к политическому союзу.

Английское правительство беспокоило традиционное тяготение Швеции к союзу с Францией, чего Англия, которая уже вступила в открытую конфронтацию с этой страной, допустить не могла. В случае возможного союза между Францией и Швецией последняя могла выставить своих солдат против союзника Англии — Австрии. В конце 1699 года посол Англии начинает вести переговоры со шведским правительством о возможности подписания англо-шведского двухстороннего договора. Шведское правительство весьма благосклонно приняло это предложение Вильгельма III. Молодой шведский король Карл XII, только что вступивший на престол, получил в наследство не только сильную страну с прекрасной армией и налаженными финансами, но и очень большие проблемы с пограничными государствами. Шведскому правительству было прекрасно известно, что Россия, Польша и Дания ведут переговоры о создании антишведского союза. В таких условиях предложение о союзе с Британией было рассмотрено очень быстро.

Союз между Британией и Швецией был подписан в Лондоне в январе 1700 года. Швеция ратифицировала его в марте того же года. Союз носил оборонительный характер и был рассчитан на 18 лет. Статьи договора подтверждали договор от 1698 года [Jenkinson: 313]. Договор включал две секретные статьи, по которым Швеция и Англия считали внешнеполитическим врагом любую державу, которая в течение этих лет воевала бы с ее союзником. Договор был подписан лично королями Швеции и Британии. Статья о потенциальных врагах обоих государств держалась в секрете от третьих стран. Договор 1700 года гарантировал Англии поддержку Швеции в любом конфликте с третьей страной, кроме того, Швеция гарантировала поддержку Британии в войне с Францией, вплоть до предоставления своей союзнице ограниченного контингента шведских войск [Там же: 314]. Договор закреплял дружественные отношения между двумя странами.

После смерти короля Вильгельма его преемница на английском престоле королева Анна продолжает укреплять отношения между двумя странами. Ее отрицательная позиция по отношению к России в начале Северной войны не случайна, ибо Англия рассчитывала в конце 1702 года получить от Швеции 12 тыс. солдат, но из-за ведения последней войны с Россией и Польшей

Британия этот контингент войск так и не получила [Journals: 99]. Один из наиболее влиятельных союзников Британии сам был связан войной на севере Европы. Англия, выполняя союзнические обязательства по отношению к Швеции, ведет дипломатическую пропаганду в Дании и Польше, побуждая их помириться со Швецией и выйти из Северной войны [Там же: 101—102]. В конце 1702 года, когда шведская армия одерживала блестящие победы, королева Анна призывает короля Швеции заключить мир с Россией, в письме к Карлу она указывает: «Сейчас самое подходящее время для заключения мира, ибо Вы теперь можете диктовать условия» [The Letters: 82]. В другом письме к королю Швеции она намекает на то, что теперь, когда Англия вступила в войну против Франции, настало самое время оказать Британии поддержку, которая оговорена союзом 1700 года. Со своей стороны Анна обещала оказать Швеции дипломатическую помощь при заключении мира с участниками Северного союза [Там же: 83—84]. Но Карл XII не желал заключать мир, он стремился полностью уничтожить своих врагов.

С 1703 года отношения между Англией и Швецией постепенно начали ухудшаться. Это охлаждение было связано не только с тем, что Карл не предоставил Британии военную помощь, как это предусматривал договор 1700 г. В 1703 году шведская смоляная компания предъявила требование, чтобы закупленные англичанами в Швеции деготь и смола перевозились на шведских судах и по установленным шведами ценам [Queen: 114]. Английское правительство обратилось с просьбой к шведскому королю, требуя его разобраться в данной проблеме. Но Карл, занятый военными проблемами, не среагировал на просьбу английского правительства. Это несколько охладило отношения Англии и Швеции.

В 1704—1705 гг. отношения между странами продолжали портиться. Опять на первый план вышли торговые интересы Британии. Английские купцы начали оживленную торговлю в балтийских портах, которые Россия отняла у Швеции. Следует отметить, что открытие Англией торговли по Балтийскому морю могло быть сочтено Швецией как недружелюбный акт только в смысле косвенного признания захвата этих территорий Россией. Сама по себе торговля с Россией не противоречила англо-шведскому договору 1700 года. Этот договор констатировал, что союзные обязательства сторон не должны вызывать прекращение торговли участника договора, который сам в войне не участвует, с противником своего союзника. Но все же английское правительство, чтобы не осложнять отношения с Карлом XII, не давало официального разрешения своим купцам торговать в российских портах на Балтике [Сборник: 262]. Правительство Анны все еще надеялось получить военную помощь от шведского короля, чтобы развернуть широкомасштабные операции во Фландрии. Но для этого требовалось, чтобы Карл вышел из Северной войны, поэтому Британия стремится примирить Швецию с ее соперниками, кроме России. В то же время, до английского правительства доходят сведения о тайных переговорах Карла XII с Францией [Jones: 176]. Это вызывало большую тревогу в Лондоне: вступление Швеции в войну за Испанское наследство на стороне Франции, могло коренным образом изменить положение дел в антифранцузском союзе.

Карл XII вел войну на территории Германии против союзника Англии — саксонского курфюрста Августа. Англичане хранили молчание, не желая вставать на сторону ни одного из союзников. В то же время нахождение сорокатысячной армии шведов в центре Германии являлось важнейшим фактором, который в случае вмешательства мог резко изменить соотношение сил,

боровшихся в войне за Испанское наследство. Это не могло не учитываться противниками Франции. Людовик XIV послал к Карлу своего тайного посланника, он взывал к его честолюбию, напоминал о древней франко-шведской дружбе и славе шведского короля Густава Адольфа. Карл весьма благосклонно выслушивал предложение французского короля о союзе, тем более что его отношения с императором были достаточно натянутыми [Там же: 177].

Император опасался Карла XII; шведы находились в Силезии, являвшейся австрийским владением, а император не решался даже протестовать. Он написал королеве Анне, чтобы она обратилась к шведскому королю, с целью парализовать французские интриги. К Карлу XII, который в это время находился в Саксонии, был незамедлительно послан герцог Мальборо [Там же].

Мальборо предложил Карлу XII покинуть территорию Империи и направить свои войска в Россию. Он напомнил шведскому королю о союзнических обязательствах по договору 1700 года. Миссия Мальборо была весьма продуктивна: шведский король решил покинуть Германию и выступить в Россию. Попытки Людовика XIV вступить в союз с Карлом закончились неудачей. В ставке шведского короля Мальборо и Карл XII подтвердили взаимные союзнические обязательства [The Marlborough: 378].

В начале 1707 года Англия уже не надеялась на помощь Швеции в войне за Испанское наследство, лишь старалась предотвратить ее столкновение с Австрией. Опасность этого столкновения существовала еще некоторое время даже после визита Мальборо в Альтранштадт. В инструкции английскому посланнику от 8 февраля 1707 г. при Карле XII Робинсону говорилось, что английское правительство встретило бы с большим удовлетворением заявление короля Швеции, «что он никогда не окажет помощи Франции и ее союзникам». В ответ Робинсон должен был заверить Карла XII, что Англия «не окажет никакой помощи не только России, но и Польше» [British: 32].

Однако шведский король был недоволен тем, как английское правительство выполняет условия договора 1700 года, ибо Англия нарушала статьи договора, не оказывая Швеции помощи и не вмешиваясь активно в военные дела на севере Европы. На эти «упреки» Карла резидент Анны замечал, что и Швеция нарушает условия договора, не оказывая вооруженную помощь Великобритании, как было оговорено договором 1700 г. [Там же: 49].

1708—1709 гг. стали переломными в Северной войне. Россия стала одерживать победы над армией Карла XII. Долгая война подорвала финансовое положение Швеции. Это не могло не беспокоить английское правительство. В парламенте в это время велись ожесточенные споры о возможности английской помощи Карлу, разумеется, о военной помощи речь не шла. Английские министры просили палату Общин позволить выделить денежные средства на субсидии для Карла XII [Journals: 679]. Однако парламент не был готов тратить деньги на помощь другому воюющему государству в условиях ведения Англией войны на континенте. Просьба правительства о субсидиях была отклонена.

После Полтавского сражения стало ясно, что Швеция проигрывает войну, но английское правительство не решилось поддержать Швецию и оказать ей финансовую помощь. В условиях войны за Испанское наследство Англия все-таки скорее была заинтересована в том, чтобы Швеция продолжала войну на Севере. В это время Англия активно стремится к заключению мира с Францией и Испанией. Английский посланник уверял в 1709—1710 гг. Карла, что его страна не допустит господства России на Балтике и под давлением Англии и Голландии Петру

придется при заключении мира вернуть часть завоеванного [Cain: 135]. На самом деле Англия, конечно, не могла исполнить данное обещание.

В 1711 году Англия уже вела сепаратные переговоры о мире со своими противниками по войне за Испанское наследство. В это же время Швеция пытается добиться от Великобритании исполнения своих союзнических обязательств. В июне 1711 г. шведское правительство обратилось к английскому посланнику Джефферсу с просьбой принять на себя посредничество в переговорах о мире. При этом Карл XII выдвигал несколько условий: Англия должна была заранее гарантировать Швеции выгодный мир; Англия должна отказаться от торговли в балтийских портах, которые попали под контроль России. Подобные условия возмутили английское правительство. Кабинет Анны послал инструкции Джефферсу, в которых указывалось, что на подобные условия Британия никогда не пойдет, так как не в состоянии их выполнить [Letters: 176].

В 1713 году, после выхода Англии из войны с Францией, позиция английского правительства по отношению к Швеции несколько изменилась. Несмотря на упрямство Карла, который, казалось, готов был из-за своих амбиций посориться с Великобританией, Англия готова была теперь всецело поддержать его против России. Позицию правительства в это время выразил посол в Гааге лорд Стаффорд, который говорил: «Англия не хочет видеть разоренным и обессиленным короля Швеции. Англия заинтересована в равновесии (балансе) на Севере, чего Британия добиваться будет» [Архив: 68—69]. Английский посол сказал Куракину, что Ливония не может быть отнята Россией у шведов и на этом будет настаивать Великобритания [Там же].

В это же время статс-секретарь Сен-Джон в частной беседе со шведским посланником заявил ему, что пока продолжалась война, королева не могла действовать в соответствии со своими симпатиями, однако теперь она не может оставаться спокойной, видя, как терпит неудачу Швеция и разрушается равновесие сил на севере. По словам Сен-Джона, королева готова принять разумные меры, чтобы спасти Швецию от нависшей над ней угрозы. Анна считает, что обязана это сделать как союзница Карла. Однако шведы должны сами сделать первый шаг и выдвинуть реальные условия для английского посредничества; заявить о своей готовности вести переговоры о мире и назвать Гамбург, Бремен, Любек или какое-либо другое место для открытия конгресса [Bolingbroke 1775: 277]. Тогда, по словам Сен-Джона, северные союзники не смогут отказаться от переговоров. До сих пор союзники только «делали вид, что заинтересованы в мире», а провал переговоров возлагали на Швецию [British: 58]. Но этот шаг английского правительства, предпринятый в интересах Швеции, не оказал желаемого влияния на Карла XII, он по-прежнему не желал и слышать о мире, иначе как при условии возвращения Швеции всего отвоєванного у нее северными союзниками.

Англия колебалась, послать ли ей эскадру на помощь Швеции. После заключения Утрехтского мира отпала главная причина невмешательства в войну России и Швеции, на что Великобритания ссылалась как на причину невыполнения союзного договора со Швецией. Все же в 1713 году Британия не решилась направить на Балтику свою эскадру, хотя, если верить ряду источников, подготовка к посылке эскадры велась [Там же: 60]. Англия опасалась, что в этом случае Петр I примет репрессивные меры, которые отразятся на английской торговле. В результате правительство королевы Анны не выслало эскадру на помощь шведам.

Карл XII, казалось, желал посориться с Англией, несмотря на «ее дружественное расположение». Шведские каперы мешали английской торговле на балтийских портах, которые больше не принадлежали Швеции. Карл XII твердо настаивал, что Англия не должна вести торговлю с его противниками по Северной войне [Соколов 1996: 87].

Положение изменилось после смерти королевы Анны и вступления на престол Георга I, который считал Карла XII своим внешнеполитическим врагом. Георг, будучи курфюрстом Ганновера, мечтал приобрести для своего княжества ряд территорий, которые Швеция контролировала в Германии [Murray: 59]. Он видел, что в качестве короля Англии ему будет легче добиться своих целей. Уже в 1715 году новое правительство, которое состояло из вигов, заявляет, что будет оказывать всемерную поддержку балтийской торговле, даже если это «расстроит отношения Англии и Швеции» [Там же: 61].

Георг I вступает в переговоры с Петром I. Однако столь резкая смена политики пугала британский парламент и правительство, ибо слишком долго Швеция считалась союзником Британии, чтобы можно было позволить посориться с ней из-за прихоти нового монарха. Тем не менее, английские политики не могли не считаться с внешнеполитическими настроениями нового короля.

Английский король был заинтересован в приобретении Бремена и Вердена, которые до 1712 года контролировала Швеция, а с 1712 года эти земли захватила Дания. При условии уступки ему этих герцогств Георг готов был вступить в союз против Карла XII. К тому же шведский король сам как будто бы хотел посориться с Англией.

Карл XII в конце 1714 года ужесточил блокаду английской торговли с балтийскими портами. Георг I от имени английского правительства обратился к нему с протестом против запрещения балтийской торговли. В январе 1715 года английский представитель в Стокгольме Джексон предъявил шведскому правительству формальное требование о возмещении шведами убытков за захваченные ими 24 английских судна и их груз на сумму более 65 тыс. ф. ст. [Chance: 58—60]. Шведский король не только не удовлетворил это требование, но, наоборот, решил перейти к еще более суровым мерам. 8 февраля 1715 г. он издал «Каперский устав» (Privateer Ordinance), фактически запрещавший торговлю англичан с Россией и с занятыми ею балтийскими портами. Все суда, перевозившие какие-либо товары в порты противников Швеции или из этих портов, подлежали конфискации [Там же: 61—65]. Большое количество английских судов, направлявшихся с грузом в Россию или из России, было захвачено и отведено в шведские порты. К маю было захвачено свыше 30 английских и голландских судов [Там же: 66—67].

Каперский устав и его применение вызвали бурю возмущения в Англии. Шведский посланник в Лондоне Гилленборг направил в Швецию донесение, что дальнейшее применение каперского устава может привести к губительным, прежде всего для Швеции, последствиям. Он сам ходатайствовал перед своим правительством о смягчении некоторых пунктов устава [Там же]. Получив известие об издании каперского устава, госсекретарь виконт Таунсенд писал, что «не может смотреть на предусмотренные в уставе действия иначе, как на пиратские» [British: 72].

Все это заставило английское правительство поддержать намерение своего короля выйти из союза со Швецией и перейти для защиты своей торговли на Балтике к более решительным действиям.

Адмирал Норрис получил приказ направиться в Балтийское море, чтобы эскортировать торговые суда до места их назначения и обратно. Русскому послу было даже сообщено, что адмиралу был дан приказ короля атаковать шведские корабли, «где бы он их не увидел» [Chance: 68]. В действительности Норрису были даны письменные инструкции английского правительства, которые предписывали ему просто перехватывать все шведские суда и задерживать их, вплоть до получения из Стокгольма ответа на их требование о возмещении английским купцам за захваченные у них шведами корабли, а также об обеспечении безопасности торговли на Балтике на будущее [British: 76].

После того как в октябре 1715 года был заключен союзный договор между Петром I и Георгом I, Англия официально становилась врагом Швеции. Вскоре Георг, как курфюрст Ганновера, объявил войну Швеции и послал 6 тыс. ганноверских солдат в Померанию [Murray: 207]. За это Ганновер получал Бремен и Верден. Формально Англия не участвовала в войне против Швеции, но английские министры одобрили решение Георга выставить свое войско против Швеции. Как позже говорил Тауншенд, что «безотносительно к желаниям короля и только ради интересов Англии было выгодно, чтобы Бремен и Верден были отняты у Швеции и переданы Ганноверу» [Bolingbroke 1753: 347]. Интересы английской торговли требовали, чтобы Эльба оставалась открытой для английских судов.

Вскоре в Великобритании стало известно о попытках шведского короля совместно с Францией оказать помощь так называемому Претенденту (сыну свергнутого Якова II, Якову III) во время его высадки в Шотландию в конце 1715 г. [Там же: 349]. Восстание было достаточно легко подавлено, но действия Карла еще больше осложнили отношения между двумя странами.

В мае 1716 г. в Зунд была послана английская эскадра под командованием Дж. Норриса. Адмирал должен был предъявить шведскому правительству следующие требования: прекратить каперство и возместить потери, нанесенные каперами английским судам; дать обещание отказаться от помощи Претенденту и не давать убежища якобитам; прекратить военные действия против датской Норвегии (в это время Англия была в союзе с Данией) [British: 82]. В ожидании ответа на эти послания английский флот не предпринимал никаких действий против шведов. В случае согласия Швеции принять данные условия, Англия обещала ей «свои добрые услуги» и гарантии поддерживать Швецию на возможных мирных переговорах с Россией [Там же: 84]. Ответ от шведского правительства так и не был получен.

Английское правительство делает последнюю попытку помириться с Карлом: Норрис еще раз требует ответа на те предложения, что британская сторона направила шведскому правительству в мае 1716 года. Однако Карл XII не ответил на письменные предложения Норриса, более того, он возвратил английские предложения нераспечатанными [British: 88—89]. После этого английский флот объединился с русским, датским и голландским против шведского флота. Трудно сказать, что заставляло шведского короля так упорно идти на конфликт со своим прежним союзником. Скорее всего Карл был разочарован «помощью» Англии ему в Северной войне, а может, его не устраивала смена короля, ибо Карл XII тоже не любил Георга I, когда тот еще был только курфюрстом Ганновера. Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Что касается Англии, то она в данном случае преследовала лишь свои интересы — защиту британской торговли. Англия была не готова к решительным военным действиям против Швеции, да и ее правительство не видело в этом смысла.

В 1717 году отношения между Швецией и Англией вновь обострились. Причиной был арест шведского посла Гиленборга в Лондоне. Посол был обвинен в открытых связях с якобитами, его бумаги были изъяты и отправлены в Тайный совет; при аресте дом посла обыскали [Simpson: 32].

По приказу Карла XII английский представитель в Стокгольме Джексон был арестован и посажен в тюрьму [Там же: 36]. Георг I, стремясь заставить шведского короля отказаться от враждебных действий против Англии, запретил в марте 1717 г. торговлю со Швецией [Murray: 298]. Запрещение торговли казалось английскому правительству эффективной мерой, так как в бумагах Гиленборга говорилось о нехватке хлеба в Швеции [Simpson: 36].

В начале 1718 года, когда Швеция уже проигрывала войну и решила на переговоры с Россией, отношение Англии к ней изменилось. Георг желал заключить со Швецией мир, чтобы закрепить за собой Бремен и Верден. Кроме того, английское правительство полагало, что теперь, когда Швеция находится на грани поражения, с ней легче будет договориться. Прекращение англо-шведской торговли было невыгодно в первую очередь Англии, кроме того, в английском парламенте все чаще стали появляться антивоенные настроения. Многие виги в то время склонялись к миру со Швецией [The Parliamentary: 459—462].

В Швецию с мирным предложением от Георга был направлен голштинский посланник в Лондоне Фабриций. В качестве основных условий мира Георг выдвигал уступку Ганноверу Вердена и Бремена, а также отмену Швецией всех ограничений для английских купцов на балтийскую торговлю. За это Георг I обещал шведам возобновление англо-шведского союзного договора 1700 г., ибо его срок как раз истек в начале 1718 г. Однако Карл XII не только не соглашался уступить Ганноверу Верден и Бремен, но настаивал и на уплате Англией задолженностей по субсидиям, которые полагались Швеции по договору 1700 г. Он также потребовал безоговорочного возобновления этого договора и отказа Англии от торговли с портами, занятыми врагами Швеции [Chance: 241]. Условия, которые выдвигал Карл, настолько противоречили интересам Англии и Георга, что Фабриций был вынужден возвратиться в Лондон, не добившись никаких результатов.

Странное упрямство шведского короля в деле о заключении мира с Англией и Ганновером необъяснимо. Безусловно, в той ситуации Карлу выгоднее было помириться с Англией, даже ценой уступки Вердена и Бремена. Скорее всего, в данном вопросе можно говорить о специфическом характере короля Швеции, о его упрямстве и желании настоять на своем, а не об интересах Швеции. Все английские предложения в 1718 году Карл XII отверг, более того стало известно, что он вновь вступил в переговоры со сторонниками Претендента [Там же: 242]. Поэтому не стоит удивляться тому, что английский двор был обрадован известием о смерти Карла XII, который погиб в Норвегии в декабре 1718 г.

Англичанам было известно, что в шведском правительстве большинство составляет партия сторонников мира и, прежде всего, с Англией и Ганновером. Только небольшая группа министров во главе с самим Карлом XII противилась соглашениям с Англией. Новая шведская королева (младшая сестра Карла Ульрика-Элеонора) готова был начать англо-шведские переговоры о мире. В начале лета начались переговоры о мире и возобновлении «дружбы» между странами. В августе 1719 г. по итогам этих переговоров в Стокгольме была подписана мирная конвенция между двумя странами. По ней Ганноверу передавались Бремен и Верден, Швеция отменяла все ограничения на английскую торговлю на Балтике. Англия давала обязательства о скорейшем восстановлении союзного

договора между Швецией и Великобританией [Jenkinson: 248]. Данная конвенция также предусматривала выплату Англией денежных субсидий Швеции. Конвенция была ратифицирована в Лондоне в сентябре 1719 года.

По итогам данной конвенции в феврале 1720 году был подписан союзный оборонительный договор между Ульрикой-Элеонорой, королевой Швеции, с одной стороны, и Георгом I, королем Англии, — с другой [Там же: 251]. Данный договор повторял в общих чертах союзный договор 1700 года. Стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь в размере 6 тыс. солдат или в эквивалентном количестве судов. В договоре оговаривалась возможность оказания военной помощи в больших размерах, если это будет необходимо. Однако указывалось, что посылка помощи не означает, что сторона, оказывающая помощь, вступит в войну. Его отличие было в отсутствии обещаний денежных субсидий Швеции. Как говорилось в английских инструкциях, «Англия не в состоянии сейчас оказывать финансовую помощь Швеции». Великобритания же обещала добиться финансовой поддержки для Швеции во Франции (гарантом договора 1720 г. выступила Франция) [British: 112].

Безусловно, после подписания данного договора, Швеция рассчитывала на поддержку Англии ее интересов в окончании Северной войны. Однако Англия не оказала нужной помощи Швеции при подписании ей мира с Россией и, несмотря на все свое влияние, не смогла компенсировать Швеции ее потери, как было обещано Георгом.

Данное обстоятельство несколько охладило отношения стран. Надо отдать должное английским политикам: действуя сугубо в своих интересах, они обманули надежды своего союзника на Севере.

Подводя итоги внешнеполитического курса Англии по отношению к Швеции в течении первых двух десятилетий XVIII в., можно резюмировать следующее. Англия и Швеция как в начале века в 1700 г., так и в 1720 г. оказались союзниками. Однако этот союз испытывал различные метаморфозы: в течение этих двух десятков лет две великие державы становились то друзьями, то внешнеполитическими соперниками. Их отношения сильно зависели от международной обстановки в Европе и, конечно, от внешнеполитических и торговых интересов каждой из сторон. Данный союз не был статичен, он трансформировался в зависимости от ситуации. Часто оба королевства не исполняли взятые на себя обязательства, что, безусловно, влияло на их отношения. Английское правительство в первую очередь действовало в интересах своей страны. Поэтому обязательства по отношению к своему союзнику отходили на второй план. Следует отметить, что Англия была особо заинтересована в союзе со Швецией в эпоху войны за Испанское наследство, когда она остро нуждалась в военной поддержке со стороны шведских войск в войне с Францией. После Утрехтского мира и вступления на престол Георга I, который считал Карла XII своим внешнеполитическим врагом, отношения со Швецией резко ухудшились. Оба короля недолюбливали друг друга. Кроме того, у Георга I имелись территориальные претензии в Германии к шведскому королю, а Карл XII ужесточил блокаду английской торговли с балтийскими портами. Все это заставило английское правительство поддержать намерение своего короля выйти из союза со Швецией и перейти для защиты своей торговли на Балтике к более решительным действиям. Попытки англичан стать посредниками в установлении мира между Швецией и Россией на последнем этапе Северной войны не увенчались успехом из-за вспыльчивого характера Карла XII. Поэтому после его

гибели в декабре 1718 г., буквально через год — в январе 1720 г. — был заключен новый договор, повторявший в общих чертах союзный документ 1700 года.

Этот союз в конечном счете был выгоден для укрепления политического и экономического влияния Англии на Балтике.

Список источников

- Архив кн. Ф.А. Куракина / под ред. М.И. Семеновского. СПб.: Балашов, 1986. Кн. 6. 499 с.
Сборник Русского исторического общества. Т. 39. СПб., 1884. 514 с.
- Bolingbroke H. A Collection of Political Tracts. London: Published by T. Davies, 1775, 388 p.
- Bolingbroke H. A Letter to sir William Windham. Some reflections on the Present State of Nation. London, Cadeil, 1787, 355 p.
- British Diplomatic Instructions 1689—1789: in 7 vol., ed by J. Chance, L. Legg, L. Wickham, London: Offices of the Royal Historical Society, 1925—1934, vol. 1: Sweden, 1689—1727, 308 p.
- Jenkinson C. A Collection of all treaties of peace alliance and comers between Great Britain and other powers (1648—1783): in 3 vols. London: Printed for J. Debratt, 1785, vol. 1: 1648—1713, 463 p.
- Journals of the House of Commons (JHC), vol. XIV, 1702—1704. London, 1803, 695 p.
- Queen Ann's navy. Documents Concerning the administration of the Navy of Queen Anne. 1702—1714, ed. by Merriman. London: Navy Record Society, 1961, 386 p.
- The Letters and Diplomatic Instructions of Queen Anne, ed. by B. Brown. London: Baylis and son, 1968, 452 p.
- The Marlborough — Godolphin. Correspondence, ed. by H. Snyder. Oxford: Clarendon Press, 1975, vol. I, 588 p.
- The Parliamentary History of England. From the earliest period to the year 1803. A.D. 1714—1722, vol. VII. London: Printed by T.C. Hancard, Peterborough-Corut, Fleet-Street, 1811, 988 p.

Список литературы / References

- Ивонина Л.И. Дипломатия и революция. Смоленск, 1998. 278 с.
(Ivonina L.I. Diplomacy and Revolution, Smolensk, 1998, 278 p. — In Russ.)
- Ивонина Л.И. Падение Шведской империи и международные отношения в Европе конца XVII — начала XVIII в. // Исторический формат. № 3 (3). М., 2015. С. 107—119.
(Ivonina L.I. Fall of the Swedish Empire and International Relations in Europe at the End of the XVII — the Beginning of the XVIII Centuries, *Historical Format*, no. 3 (3), Moscow, 2015. pp. 107—119. — In Russ.)
- Осяев А.Г. Военный союз Швеции и Англии 1720 г. // Ученые Записки. Электронный научный журнал Курского Государственного университета. № 2 (38). 2016. С. 77—80.
(Osyayev A.G. Military Union of Sweden and England in 1720, *Electronic Scientific Journal. Kursk State University*, no. 2 (38), 2016, pp. 77—80. — In Russ.)
- Соколов А.Б. Англия и Великий Союз 1701 // Внешняя политика Великобритании в новое и новейшее время. М., 1988. С. 13—24.
(Sokolov A.B. England and the Great Union 1701, *Great Britain's Foreign Policy in Modern and Contemporary Times*, Moscow, 1988, pp. 13—24. — In Russ.)

- Соколов А.Б. «Правь Британия морями?». Политическая дискуссия в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в 18 в. Ярославль, 1996. 190 с.
(Sokolov A.B. “Rule the seas, Britain?” Political Discussion in England on Foreign and Colonial Policy in the 18th Century, Yaroslavl, 1996, 190 p. — In Russ.)
- Сорокина Е.А. Внешняя политика Англии в конце XVII — первой четверти XVIII в. в Центральной, Восточной и Северной Европе: автореф. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003. 28 с.
(Sorokina E.A. Foreign Policy of England at the End of the XVII — the First Quarter of the XVIII Centuries in Central, Eastern and Northern Europe: abstract of the diss. ... Candidate of Sciences (History), Ivanovo, 2003, 28 p. — In Russ.)
- Black J. British foreign policy in the age of Walpole. Edinburgh, 1985, 202 p.
- Black J. Politics and Foreign Policy in the age of George I. 1714—1727, Farham: Ashgate publishing, 2014, 298 p.
- Chance J.F. George I and the Northern war. London, 1909, 516 p.
- Davies R. The Rise of the English shipping Industry in the 17-th and 18-th centuries, London: Macmillan press, 1962, 427 p.
- Hopkins A.G. British Imperialism. Innovation and Expansion 1688—1914. London; New York, 1993, 504 p.
- Horn W.G. Great Britain and Europe in the 18-th century. Oxford: Clarendon Press, 1967, 411 p.
- Jones J.R. Britain and the world (1649—1815), Brighton: Harvester Press, 1980, 348 p.
- Murray J.J. George I and Baltic Whig Spit of 1717, Chicago: University of Chicago Press, 1969, 366 p.
- Simpson J. Arresting a Diplomat, 1717, *History Today*, vol. 35, iss. 1, 1985, pp. 32—37.
- Thomson M.A. William III and Louis XIV. Essays 1680—1720, Liverpool, 1967, 332 p.

**THE PROBLEMATIC ALLIANCE. ON THE QUESTION
OF ENGLAND’S FOREIGN POLICY TOWARDS SWEDEN
IN ERA OF TWO WARS: FOR THE “SPANISH SUCCESSION”
AND THE “GREAT NORTHERN WAR”**

Vladimir A. Evseev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yevseyv@mail.ru

Abstract. England and Sweden entered into an alliance in 1700. However, this alliance experienced various metamorphoses. Both powers alternatively became friends, then foreign policy rivals. Their relations strongly depended on the international situation in Europe and, of course, on the foreign policy goals of each of the parties. Often, both kingdoms did not fulfill their obligations. The British government primarily acted in the interests of their country. England was particularly interested in an alliance with Sweden during the era of the War of the Spanish Succession, when it needed military support from Swedish troops in the war with France. After the Peace of Utrecht and the accession to the throne of George I, who considered Charles XII his foreign policy rival, relations with Sweden deteriorated sharply. George I had territorial claims in Germany against Sweden, and Charles XII tightened the blockade of English trade with the Baltic ports. All this forced the British government to withdraw from the union. Attempts by the British to mediate peace between Sweden and Russia at the last stage of the Northern War were unsuccessful due to the irascible nature of Charles XII. Therefore, after his death in December 1718 — in January 1720, a new treaty was concluded, repeating in general terms the union treaty of 1700.

Keywords: the problem of the union of England and Sweden from 1700, contradictions

For citation: Evseev V.A. The Problematic Alliance. On the Question of England's Foreign Policy Towards Sweden in the Era of Two Wars: for the “Spanish Succession” and the “Great Northern War”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 84—96.

Статья поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 16.10. 2023; принята к публикации 19.01. 2024.

The article was submitted to the editorial office 11.07.2023; approved after review 16.10. 2023; accepted for publication 19.01.2024.

Информация об авторе / Information about author

Евсеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yevseyev@mail.ru

Evseev Vladimir Aleksandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of General History and International relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yevseyev@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 97—105.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 97—105.

Научная статья

УДК 355.4(44)(1-926.2)

DOI: 10.46726/И.2024.1.10

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦИИ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В САХАРО-САХЕЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Ольга Анатольевна Смирнова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, oasmirnova64@mail.ru

Милена Владимировна Шпиговская

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, milenashpigovskaya@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена самой масштабной французской внешней военной операции «Бархан» в Сахаро-Сахельском регионе Африки, направленной на противодействие террористической угрозе и поддержание мира на континенте. Авторы дают комплексный анализ стратегии французских вооруженных сил в данном театре военных действий. Особое внимание уделяется причинам первоначальных успехов Франции, а также последствиям завершения миссии и вывода контингента после 8 лет антитеррористической деятельности — в долгосрочной перспективе как для африканских стран, так и для самого Парижа. Формулируется вывод о том, что безрезультатно завершённые внешние операции Пятой республики являются следствием не просто тактических ошибок, а кризиса ее стратегии обороны и национальной безопасности, согласно которой военное сотрудничество со странами Африки все еще основывается на подходе колониального периода. Методологическую основу исследования составил системный подход, заключающийся в комплексном изучении стратегии Пятой республики по борьбе с терроризмом в Сахеле, включая ее эволюцию, механизмы реализации, а также институциональные и правовые основы. Кроме того, авторами применен комплекс общенаучных методов, в частности: конкретно-исторический метод для подробного описания динамики французских военных операций «Сервал» и «Бархан» в выбранный временной период, а также метод сравнительного анализа выбранных официальных и публицистических источников. С помощью метода прогнозирования авторы выдвинули предположение о развитии ситуации в области безопасности в регионе после официального завершения «Бархана» и передислокации военного контингента Пятой республики в соседние страны.

Ключевые слова: Франция, Мали, Сахаро-Сахельский регион, военная операция, терроризм, террористические группировки, политический кризис, миротворческая миссия

Для цитирования: Смирнова О.А., Шпиговская М.В. Деятельность Франции по борьбе с терроризмом в Сахаро-Сахельском районе // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 97—105.

Введение

Защита Франции и ее граждан осуществляется как на национальной территории, так и в непосредственной близости от очагов кризиса. В соответствии с мандатами Организации Объединенных Наций и совместно со своими

© Смирнова О.А., Шпиговская М.В., 2024

партнерами по Североатлантическому альянсу и Европейскому союзу Франция мобилизует свои силы для поддержания мира, борьбы с терроризмом и оказания гуманитарной помощи по всему миру. С одной стороны, внешние операции Франции (ОРЕХ), безусловно, не теряют своей актуальности ввиду давления со стороны различных угроз национальной безопасности, в особенности терроризма и гуманитарных катастроф. С другой стороны, участие Франции в них приводит к беспрецедентному задействованию и поддержанию боевой готовности Вооруженных сил Пятой республики, которые, в свою очередь, испытывают нагрузку на всех фронтах и практически во всем диапазоне своих возможностей: от национальной территории до Сахеля, Леванта и восточных границ Европы.

Завершение операции «Бархан» происходит в крайне ухудшившемся стратегическом контексте: в то время как создание прочного военно-стратегического партнерства с местными армиями стран Сахаро-Сахельского региона было основой французской стратегии, Париж покидает Мали в условиях разрыва двусторонних соглашений в сфере обороны по инициативе Бамако и усиления на континенте других акторов системы международных отношений (Россия, Китай, Соединенные Штаты). Таким образом, можно констатировать, что деятельность Франции по борьбе с терроризмом на территории Сахеля, входящем непосредственно в зону ее национальных интересов, нуждается в немедленном и основательном пересмотре с целью адаптации к современным реалиям. Кажется очевидным, что первым шагом к переосмыслению военно-политической стратегии Пятой республики на данном направлении является анализ причин, которые привели к ее сегодняшней неэффективности на африканском континенте.

Основная часть

С 2013 по 2021 год Франция участвовала в операциях «Сервал» и «Бархан» по борьбе с террористическими группировками при поддержке правительственных сил стран Сахаро-Сахельского региона, в частности, Вооруженных сил Мали. К Парижу присоединились в этой борьбе многие европейские страны, большинство из которых были задействованы как в составе целевой группы «Такуба», созданной 27 марта 2020 года (Эстония, Чехия, Швеция, Италия, Греция, Дания, Бельгия и Нидерланды), так и в рамках миссии ООН МИНУСМА (Mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation au Mali) по защите населения от вооруженных нападений и политическому урегулированию кризиса в Мали. Что касается последней, операция, в которой задействовано 11 200 миротворцев, нацелена на строительство инфраструктуры, улучшение системы здравоохранения и обеспечение доступа местного населения к воде [United Nations Multidimensional...].

11 января 2013 года джихадисты, обосновавшиеся на севере Мали, начинают продвижение в направлении столицы Бамако. По просьбе правительства африканского государства Франция предпринимает свои первые действия: воздушные удары и наземные атаки в городах Мопти и Севаре, совершенные отрядом специального назначения, предварительно размещенным в Буркина-Фасо. Очень быстро самолеты, дислоцированные в Чаде, а затем самолеты «Рафаль», прибывающие из Франции, также начинают воздушные налеты, позволяющие сдерживать движение джихадистов, позже к ним присоединяются развернутые в Кот-д'Ивуаре и Чаде контингенты и силы раннего предупреждения с континента. Так началась операция «Сервал»: Гао был взят уже 26 января, Тимбукту — 28 января, затем бои продолжились в горном массиве

Адрар-Ифора — убежище террористических групп. Хорошая стратегия с четкими целями и соответствующими им средствами действительно позволила достигнуть немалых успехов, однако, как резюмировал военный историк Мишель Гойя, Франция «хотела играть роль жандарма, а не оставаться просто пожарным». Именно поэтому летом 2013 г. в Париже было принято решение выйти за рамки ограниченного вмешательства в Мали и разработать новый подход к борьбе с террористической угрозой трансграничного характера в Сахаро-Сахельской зоне посредством усиления взаимодействия со странами, которые в настоящее время сотрудничают на полях G5 Sahel (Мавритания, Мали, Буркина-Фасо, Нигер и Чад) [Goya: 57—168].

Начатая 1 августа 2014 года самая масштабная операция «Бархан» стоимостью около 1 млрд евро в год сменила «Сервал», в рамках которой Франция выделяла 3 приоритета: африканизация (поддержка африканского потенциала), европеизация и мультилатерализм (принцип многосторонних отношений). С этой целью были созданы: единое оперативное командование в Чаде (1300 военнослужащих), базы в Мали (1000 военнослужащих), разведывательный центр в Нигере (300 солдат), центр спецназа в Буркина-Фасо, оперативная база для поддержки сил развертывания в Кот-д'Ивуар (550 человек) и центры регионального сотрудничества в Сенегале (350 человек) и Габоне (450 человек). Присутствие и передвижение французских войск в Буркина-Фасо, Мали, Нигере и Чаде регулировались обновленными соглашениями о сотрудничестве 1960-х гг., Мавритания, со своей стороны, подписала соглашение с Францией о борьбе с терроризмом в ноябре 2013 года [Opération BARKHANE, 2023].

Франция предоставляла человеческие ресурсы, финансовые и материально-технические средства, предназначенные для борьбы с вооруженными террористическими группировками (первоначально речь шла о 8 истребителях, 300 единицах бронетехники, 300 транспортных средствах материально-технического обеспечения, 17 вертолетах, транспортных самолетах и 5 беспилотных летательных аппаратах), а также осуществляла подготовку африканских армий для проведения совместных действий. Таким образом, в данном смысле нельзя не отметить заслуги Франции. Ценой гибели 53 французских военных на поле боя было ликвидировано значительное число руководителей двух джихадистских группировок, действующих в Сахеле: «Группы поддержки ислама и мусульман», работающей совместно с локальной ячейкой Аль-Каиды, и «Исламского государства в Великой Сахаре», сахельской группировки ИГИЛ [La politique...: 4]. Например, именно в результате французских ударов 4 июня 2019 года был убит лидер Аль-Каиды Абдельмалек Друдель, а 17 августа 2021 года в Париже сообщили о ликвидации лидера ИГВС Аднана Абу Валид ас-Сахрауи. Исключительную роль Пятой республики в уничтожении членов руководящего состава террористических ячеек также подтверждают данные таких авторитетных НПО, как Acled и Mediapart, специализирующихся на исследовании конфликтов: согласно их подсчетам за девять лет было убито около 2800 предполагаемых террористов, и в 80 % случаев они были ликвидированы в результате авиаударов, что соответствует заявлениям бывшего начальника штаба ВВС Филиппа Лавина [Cabirol]. Более того, немаловажным достижением французских военных является то, что силы операции уничтожили те самые убежища джихадистов, в которых они подготовили наиболее масштабные теракты в Европе, в частности, в Париже в 2015 году.

Однако первоначальные успехи операции «Бархан» довольно быстро были омрачены стратегическими просчетами Франции. Остаться в регионе

было большой ошибкой из-за сочетания факторов, включающих непонимание динамики местного конфликта, политические и оперативные проблемы. В результате чего вторая часть операции, согласно плану которой вооруженные силы Мали самостоятельно оказывали бы давление на террористические ячейки, не была выполнена. Историк Амзат Букари-Ябара, специализирующийся на африканском континенте, наиболее точно выделяет три причины этой неудачи: во-первых, зона «Бархана» охватывала слишком большое географическое пространство, почти соразмерное территории Евросоюза, поэтому представлялось крайне сложным разделить его на такие участки, которые бы позволяли быстро передислоцировать силы в случае атак и выполнять задачи охраны и поддержания порядка; во-вторых, африканские армии не были обучены и оснащены в степени, достаточной для самостоятельного проведения операции; и наконец, Франция и западные страны не смогли отследить источник непрерывающегося финансирования террористических групп [Pourquoi l'opération Barkhane...].

Авторы констатируют: самым критичным было то, что подход Франции к борьбе в стране был в большинстве своем милитаризованным, то есть основанным на неверном предположении, что корнем кризиса безопасности и ключевой причиной внутренней нестабильности в странах Сахаро-Сахельского региона являются террористические группировки. Вероятно, такой стратегии с опорой исключительно на военную силу предшествовали безуспешные попытки Парижа привлечь лидеров африканских стран к процессу демократизации и дальнейшим гарантиям приверженности к такому типу управления. Эти неудачи Франции на политическом треке лишь ускорили распространение насилия джихадистов «Исламского государства в Великой Сахаре» и «Фронта освобождения Масына» с севера Мали на центральный регион, а также на Нигер, Буркина-Фасо и северные границы Бенина и Кот-д'Ивуара. Так, согласно исследованию Международной кризисной группы, насилие, связанное с этими исламскими группировками, выросло на 70 % в 2021 году по сравнению с 2020 годом [Mali: Comment l'opération...]. После вывода западных войск из Мали вооруженное насилие будет не просто продолжаться, а даже усилится, так как «вакуум безопасности» позволит им еще больше укрепить свое политическое влияние и идеологию и усложнить любые усилия по восстановлению контроля над этими районами.

Хотя Президент Французской Республики Эммануэль Макрон не перестает повторять, что завершение операции в Мали не является «провалом», многие, напротив, характеризуют это как «бесславный конец» девятилетнего французского военного присутствия в Сахеле. 17 февраля 2022 года президент Республики с несколькими государствами ЕС и Канадой объявил о закрытии 6 военных баз (Госси, Тимбукту, Менака, Кидадь, Тесалит, Гао) и передислокации сил «Бархана», которая успешно завершилась передачей базы в Гао 15 августа 2022 года с соблюдением всех условий безопасности и прозрачности. Как подчеркивает Министерство вооруженных сил Французской Республики, численность французского контингента будет сокращена как минимум на 40 % и составит от 2500 до 3000 человек. Объявление о выводе войск было сделано после нескольких месяцев напряженных отношений между бывшими партнерами, включавших в себя высылку посла Франции в Мали после публичной характеристики военной хунты как «вышедшей из-под контроля» бывшим Министром иностранных дел Франции Жан-Ив Ле Дрианом [Mali: la France...]. Действительно, в основе всей операции по уходу Франции в публичном

пространстве лежит тезис о том, что переходное правительство Мали является несостоятельным партнером в борьбе с терроризмом и не желает, или не в состоянии решать проблемы безопасности и управления в стране.

Несмотря на то, что Париж поддерживал относительно дружественные связи с лидерами хунты после первого переворота в стране 19 августа 2020 года, в результате которого был свергнут президент Ибрагим Бубакар Кейта, отношения быстро испортились после второго мятежа 24 мая 2021 года, когда Кейта и предполагаемый сторонник Франции Бах Ндо были смещены полковником Асими Гоитой. Ссылаясь на принцип суверенитета, хунта сочла французское присутствие не только неэффективным, но и квалифицировала его как вмешательство, в результате чего быстро оказалась в оппозиции по отношению к Франции [Второй военный переворот...]. Здесь считаем необходимым сделать следующее уточнение: сила, влияние и устойчивость действующей власти обусловлена тем, что она объединяет как военных, так и гражданских лиц во главе с премьер-министром Абдулой Идриссом Майга. Более того, с приходом хунты к власти появились и некоторые элементы демократии. Она, например, учредила Национальные собрания, своего рода Генеральные штаты, чтобы позволить гражданскому обществу высказываться по поводу необходимых стране преобразований. В ответ Пятая республика приостановила совместные военные операции на три недели, а в июле 2021 года объявила о пересмотре своей военной деятельности в Сахеле, включая завершение «Бархана». Отношения между Францией и Мали еще более обострились в январе 2022 года, когда военная хунта отказалась от своего обещания организовать февральские выборы и предложила пятилетний переходный период, потребовав в том же месяце немедленного вывода датских войск из состава оперативной группы «Такуба» [Франция и ее союзники...].

Необходимо отметить, что с уходом Франции у хунты появляется дополнительное пространство для дипломатического маневра, ведь Пятая республика потерпела военную неудачу в Мали, помимо всего прочего потеряв доверие общественности. Именно антифранцузские настроения вокруг ее неспособности справиться с кризисом в области безопасности способствовали поддержке переворотов и свержению лидеров, в некотором качестве сотрудничавших с Парижем. Это произошло в первую очередь из-за отсутствия информационной прозрачности в отношении жертв среди гражданского населения во время военных операций. Переломный момент случился в марте 2021 года, когда представители ООН обнаружили, что в январе 2021 года французский авиаудар был нанесен не по позициям боевиков, а по свадьбе в одном из населенных пунктов центральной части Мали и унес жизни 19 мирных жителей, что противоречит официальной французской версии событий. А созыв Макроном в По в январе 2020 года глав государств G5 Sahel по случаю гибели 13 французских военнослужащих до сих пор воспринимается малийцами как унижение, поскольку общие потери Парижа, по их мнению, «ничтожно малы» по сравнению с африканской стороной (с 2014 года погибли 55 французских солдат, а 1200 малийцев погибли или попали в тюрьму) [В Париже заявили...].

Пока Франция обвиняет малийскую хунту в двойной игре и намеренном разжигании антифранцузских настроений с целью укрепления своего влияния, Бамако отстаивает свою версию. Ни для кого не секрет, что французское правительство давно и безоговорочно оказывало поддержку Ибрагиму Бубакара Кейте (Президент Мали с 2013 по 2020 гг.), несмотря на коррумпированность режима и неспособность обеспечить в освобожденных районах стабильность

систем правосудия, образования и здравоохранения. Однако когда военные свергли его, а затем и переходное правительство, Париж проявил двойные стандарты в угоду своим интересам, предъявив хунте Гоита обвинения в незаконном захвате власти и одновременно поддержав в Чаде силы сына военного диктатора Идрисса Деби [Bansept, Tenenbaum, 2022, 70 p.]. Такая политика Франции в отношении Мали не просто не способствует нормализации двусторонних отношений, а наоборот, лишь разжигает давно сложившиеся противоречия, в частности, из-за различий во мнениях относительно общего колониального прошлого. Несмотря на всестороннее давление со стороны как соседних стран, так и международного сообщества, власти в Бамако непреклонны в вопросах какого-либо иностранного вмешательства во внутренние дела страны — французские попытки воспринимаются, без сомнения, наиболее негативно. Так, например, в августе 2022 года Мали запросило созыв экстренного заседания Совета Безопасности ООН, чтобы положить конец «актам агрессии» Франции, нарушению суверенитета Бамако, поддержке джихадистских группировок и шпионажа [Le Mali accuse...].

Несмотря на завершение операции «Бархан» и всестороннюю изоляцию Мали со стороны ЭКОВАС (решение о снятии экономических и финансовых санкций было принято лишь на саммите в Гане в июле 2022 года), страна активно начинает налаживать дипломатические связи с новыми партнерами, в частности, с Россией, к частной военной компании которой она обратилась за помощью. Действия ЧВК «Вагнер» неоднократно осуждались международным сообществом, но Москва отрицает какую-либо причастность к ним. Кроме того, вывод французских войск сопровождается сигналами Правительства Мали об открытости к переговорам с группировками боевиков. Один из опросов, проведенных еще в 2017 году, показал, что более 50 % малийцев выступают за диалог с джихадистскими группировками. Следовательно, можно констатировать, что переговоры могут стать популярной политикой для хунты, если им удастся снизить уровень насилия [Власти Мали объяснили ...; ECOWAS leaders postpone...].

Заключение

Несмотря на то, что высшее политическое и военное руководство Пятой республики отказывается рассматривать вывод своего контингента из стран Африки и Ближнего Востока, представляющих особый интерес для Парижа, неспособность стабилизировать ситуацию и прекратить насилие даже с помощью военных средств в рамках безрезультатно завершенных миссий лишь подтверждает кризис не только современного военно-политического курса на африканском направлении, но и стратегии национальной обороны и безопасности страны в целом. С одной стороны, Франция располагает достаточными ресурсами для ведения внешних операций, имея авиабазу в Ниамее в Нигере и командные пункты в Нджамене в Чаде, а также постоянный контингент, размещенный в соседних Кот-д'Ивуаре и Сенегале. С другой стороны, тактические и стратегические ошибки уже повлекли за собой ослабление собственного оборонного потенциала, рост антифранцузских настроений в бывших колониях и, как следствие, ослабление влияния на международной арене.

Что касается непосредственно Сахаро-Сахельского региона, маловероятно, что Франция и другие ее ключевые западные партнеры по «Такубе» прекратят свое военное присутствие и усилия по борьбе с терроризмом в Сахеле и Западной Африке. В совместной декларации о выводе войск из Мали

подписавшие ее стороны обязались провести «политические и военные консультации», которые позволят выработать новые рамки для совместных контртеррористических операций. По мнению Президента Французской Республики Эммануэля Макрона, консультации необходимы, чтобы избежать сравнения с односторонним и хаотичным уходом американцев из Афганистана в августе 2021 года. Однако, очевидно, что статус-кво там больше невозможен.

Прогнозирование динамики франко-малийских или франко-сахельских отношений в целом представляется довольно сложным, так как необходимо учитывать изменения на всех уровнях: от внутригосударственного до международного, включая межгосударственный и региональный. В то время как постепенного восстановления доверительных отношений и полноценного всестороннего партнерства в краткосрочной перспективе ждать не стоит — в настоящее время отношения между Парижем и Бамако остаются крайне напряженными (в частности, Франция во главе с Президентом Эммануэлем Макроном отказывается считать переходное правительство Мали легитимным и требует проведения свободных, прозрачных и демократических выборов) — наиболее вероятным сценарием развития событий является нарастание противоречий между африканскими странами и Францией. Однако стоит отметить, что такое отсутствие политической воли для разрешения конфликта приведет только к углублению проблем Сахаро-Сахельского региона в различных областях, включая политическую, экономическую, социальную, гуманитарную и сферу безопасности.

Список литературы / References

- В Париже заявили о гибели 13 французских военных в Мали // RT. 2019. 26 ноября. URL: <https://russian.rt.com/world/news/690605-franciya-smert-voennye-mali> (дата обращения: 22.05.2023).
(Paris announced the death of 13 French soldiers in Mali, *RT*, 2019, November 26th. — In Russ.)
- Власти Мали объяснили обращение к «ЧВК Вагнера» тем, что страну «бросила» Франция // Коммерсант. 2021. 26 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5006151> (дата обращения: 22.05.2023).
(The Malian authorities explained the appeal to the Wagner PMCs by the fact that France “abandoned” the country, *Kommersant*, 2021, September 26th. — In Russ.)
- Второй военный переворот в Мали за девять месяцев. Главное // ТАСС. 2021. 25 мая. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11472581> (дата обращения: 22.05.2023).
(The second military coup in Mali in nine months. The main thing, *TASS*, 2021, May 25th. — In Russ.)
- Франция и ее союзники выводят войска из Мали // ТАСС. 2022. 17 февраля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13737077> (дата обращения: 22.05.2023).
(France and its allies are withdrawing troops from Mali, *TASS*, 2022, February 17th. — In Russ.)
- Après Barkhane: repenser la posture stratégique française en Afrique de l’Ouest / Banssept L., Tenenbaum É. Paris: IFRI, 2022. 70 p.
- ECOWAS leaders postpone decision on sanctions in Mali, Burkina Faso and Guinea, *France 24*, 2022, June 4, URL: <https://www.france24.com/en/africa/20220604-ecowas-leaders-discuss-sanctions-against-juntas-in-mali-burkina-faso-and-guinea> (accessed: 25.05.2023).
- Goya M. La guerre de trois mois: l’intervention française au Mali en perspectives, *Politique étrangère*, 2013, no. 2, pp. 157—168.
- La politique africaine de la France sous François Hollande: renouvellement et impensé stratégique, ed. by Leboeuf A., Quénot-Suarez H, Paris: IFRI, 2014, 61 p.

Le Mali accuse la France d'«actes d'agression» et demande une réunion d'urgence du Conseil de sécurité de l'ONU, *Le Parisien*, 2022, 17 août, URL: <https://www.leparisien.fr/international/le-mali-accuse-la-france-dactes-dagression-et-demande-une-reunion-durgence-du-conseil-de-securite-de-lonu-17-08-2022TAQOUB4EDZGVXLAZ7FDQDMKOJU.php> (accessed: 21.05.2023).

Mali: Comment l'opération Barkhane s'est transformée en «opération fiasco», *20 Minutes*, 2022, 16 février, URL: <https://www.20minutes.fr/monde/3236795-20220216-mali-comment-operation-barkhane-transformee-operation-fiasco> (accessed: 23.05.2023).

Mali: la France tente d'organiser au mieux le retrait de ses troupes, *Les Echos*, 2022, 16 février, URL: <https://www.lesechos.fr/monde/afrique-moyen-orient/mali-la-france-tenter-dorganiser-au-mieux-le-retrait-de-ses-troupes-1387512> (accessed: 21.05.2023).

Opération BARKHANE, *Le site du ministère des Armées*, URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/bande-sahelo-saharienne/operation-barkhane> (accessed: 22.05.2023).

Pourquoi l'opération Barkhane n'a pas réussi à endiguer l'insécurité au Sahel, *France 24*, 2022, 5 février, URL: <https://www.france24.com/fr/afrique/20220205-pourquoi-barkhane-n-est-pas-parvenu-%C3%A0-endiguer-l-ins%C3%A9curit%C3%A9-au-sahel> (accessed: 23.05.2023).

Terrorisme: la France a-t-elle les moyens de faire la guerre contre Daech?, *La Tribune*, 2015, 19 novembre, URL: <http://www.latribune.fr/entreprises-finance/industrie/aeronautiquedefense/terrorisme-la-france-a-t-elle-les-moyens-de-faire-la-guerre-contredaech-523477.html> (дата обращения: 23.05.2023).

United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali (MINUSMA), *The United Nations site*, URL: <https://peacekeeping.un.org/en/mission/minusma> (accessed: 22.05.2023).

COUNTER-TERRORISM ACTIVITY OF FRANCE IN THE SAHEL REGION

Olga A. Smirnova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, oasmirnova64@mail.ru

Milena V. Shpigovskaya

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, milenashpigovskaya@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the largest French foreign military operation “Barkhan” in the Sahara-Sahel region of Africa aimed at countering a terrorist threat and maintaining peace on the continent. The authors give a comprehensive analysis of the French armed forces strategy in this theater of operations. Special attention is paid to the reasons for France’s initial success as well as the consequences of completing the mission and the withdrawal of the contingent after 8 years of anti-terrorist activity in the long term for both African countries and Paris itself. It is concluded that the fruitlessly completed external operations of the Fifth Republic are the result of not just tactical mistakes, but the crisis of its defense and national security strategy, under which military cooperation with African states is still based on the colonial period approach. The methodological basis of the study is a systematic approach implying a comprehensive study of the Fifth Republic strategy to combat terrorism in the Sahel, including its evolution, implementation mechanisms as well as institutional and legal foundations. In addition, the authors applied a set of general scientific methods, in particular: a concrete historical method for a detailed description of the French military operations «Serval» and “Barkhan” dynamics in the selected time period

and a comparative analysis method of chosen official and public sources. Using a forecasting method, the authors put forward an assumption about the security situation development in the region after official completing “Barkhan” and redeploying the Fifth Republic military contingent to neighboring countries.

Keywords: France, Mali, Sahara-Sahel region, military operation, terrorism, terrorist groups, political crisis, peacekeeping mission

For citation: Smirnova O.A., Shpigovskaya M.V. Counter-terrorism activity of France in the Sahel Region, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 97—105.

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 19.01.2024.

The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 19.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Смирнова Ольга Анатольевна — кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвокультурологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, oasmirnova64@mail.ru

Smirnova Olga Anatolyevna — candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Linguoculturology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, oasmirnova64@mail.ru

Шпиговская Милена Владимировна — магистрант факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, milenashpigovskaya@gmail.com

Shpigovskaya Milena Vladimirovna — master’s student of the Department of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, milenashpigovskaya@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 106—115.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 106—115.

Научная статья

УДК 94(47).066:316.444

DOI: 10.46726/H.2024.1.11

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ВЛАДИМИРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА (1778—1796 ГГ.))

Артём Владимирович Ляпанов

Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир,
Россия, lyapanov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальной мобильности в Российской империи конца XVIII в. Несмотря на закрытый характер сословного общества того времени, в законодательстве и общественной практике нередки были случаи перехода из одного сословия в другое. Рассматриваем данные явления на примере перехода государственных крестьян в купечество в период существования Владимирского наместничества (1778—1796 гг.). Этот процесс был подстегнут образованием новых городов и нехваткой жителей в них. Подробно анализируются направления переходов, причины, побуждающие крестьян к смене своего социального положения: ограничение промысловой и торговой деятельности крестьян, открывающиеся перспективы состояния в купечестве, освободительные аспекты и пр. Также рассматриваются причины, препятствующие переходу крестьян в купечество: система платежей по двум состояниям (прежнему и новому), состояние на рекрутской очереди, наличие недоимок, процедурные проволочки и пр. Делается вывод о том, что повышение крестьянами своего социального статуса было сопряжено с потенциальной выгодой как для них самих, так и для государства, однако данный процесс замедлялся в силу косности фискальной политики, а также желания сохранить сословные привилегии купечества.

Ключевые слова: государственные крестьяне, купечество, Владимирское наместничество, социальная мобильность, сословие

Для цитирования: Ляпанов А.В. Влияние государственной политики Российской империи на социальную мобильность (на примере государственных крестьян Владимирского наместничества (1778—1796 гг.)) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 106—115.

Губернская реформа, проводимая Екатериной II с 1775 г. с целью повышения эффективности управления страной и недопущения народных бунтов, вызвала масштабные изменения во многих регионах страны. Затронули они и Владимирский край. В 1778 г. было сформировано Владимирское наместничество. Перипетии его создания подробно описаны нами в статье «Развитие городской и крестьянской торговли в России в конце XVIII в. (на примере Владимирского наместничества)» [Ляпанов].

Административные изменения оказали существенное влияние на жизнь народонаселения. Составлявшие большую его часть сельские жители получили право и возможность повысить свой социальный статус, приписавшись к вновь образуемым городам. В данной статье нас интересует процесс социальной мобильности государственных крестьян, которые в конце XVIII в

представляли собой широкий пласт «условно свободного» населения, в противовес крестьянам помещичьим и дворцовым (с 1797 г. удельным), находившимся в более жесткой крепостной зависимости. Данный процесс мы будем анализировать на примере перехода государственных крестьян в купечество, как наиболее массовый и явно проявляющий различия в положении сословных групп в данный период времени.

Проблема социальной стратификации и социальной мобильности в Российской империи XVIII столетия вызывает меньшее внимание у историков по сравнению с периодом разрушения сословного строя во второй половине XIX в. В статистическом измерении это вполне оправдано и объяснимо. Не случайно в исторической науке сложилось устойчивое мнение о закрытом характере сословного общества, отсутствии серьезных возможностей для социальной мобильности. Однако это не означает, что подобного не происходило вовсе. Права и процедурные моменты, связанные с изменением сословной принадлежности населения Российской империи, были законодательно закреплены. Другое дело, что данная практика не получила широкого распространения и поддержки со стороны властей, которые преимущественно выступали за сохранение сословных границ. В силу означенных причин, переход государственных крестьян в другие сословия затрагивается в работах историков XX в. достаточно фрагментарно и упоминается как раз в контексте градообразующих процессов [Дружинин; Клокман; Рындзюнский]. На современном этапе социальная история набирает популярность и, например, Б.Н. Миронов уже более обстоятельно рассматривает вопросы социальной стратификации, внутрисословной и межсословной мобильности в России имперского периода [Миронов].

Опираясь на законодательные акты (Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ), материалы двух фондов Государственного архива Владимирской области (ГАВО): Владимирского наместнического правления (Ф. 15) и Владимирской казенной палаты (Ф. 301)), постараемся проанализировать государственную политику в отношении перехода государственных крестьян в купечество на примере Владимирского наместничества. Процесс перехода следует рассматривать не только в управленческом аспекте, но и в контексте того, что он оказывал серьезное влияние на экономические и социальные процессы как в регионе, так и в стране в целом.

Начнем анализ с приведения сведений о численности населения во Владимирском Наместничестве на момент его образования (см. табл. 1).

Таблица 1

**Ведомость о количестве населения по сословиям в городах и уездах
Владимирского наместничества в 1779 г. (душ муж. пола)**

[ГАВО: ф. 15, оп. 2, д. 53, л. 1—5]

УЕЗДЫ	Городское население	Экономические крестьяне	Помещичьи крестьяне	Дворцовые крестьяне	Отписные крестьяне	Копытные крестьяне	Фабричные крестьяне и при заводах	ВСЕГО
	Душ (%)	Душ (%)	Душ (%)	Душ (%)	Душ (%)	Душ (%)	Душ (%)	
Владимирский уезд	1516 (5,05)	16715 (55,65)	11789 (39,25)	-	15 (0,05)	-	-	30 035
Суздальский уезд	2190 (7,23)	9637 (31,82)	13290 (43,9)	2846 (9,4)	-	2316 (7,65)	-	30 279
Юрьевский уезд	847 (2,8)	8516 (28,3)	20759 (68,9)	-	-	-	-	30 122

Переяславский уезд	1360 (4,7)	11007 (38,1)	15444 (53,45)	642 (2,22)	-	48 (0,17)	394 (1,36)	28 895
Муромский уезд	1723 (5,9)	4281 (14,6)	23285 (79,5)	-	-	-	-	29 289
Шуйский уезд	527 (1,8)	1760 (6)	26841 (92,2)	-	-	-	-	29 128
Гороховецкий уезд	626 (2,2)	1986 (6,94)	24145 (84,46)	1830 (6,4)	-	-	-	28 587
Вязниковский уезд	894 (3)	6580 (22)	14784 (49,47)	7193 (24,07)	436 (1,46)	-	-	29 887
Ковровский уезд	162 (0,57)	4959 (17,43)	20618 (72,5)	2701 (9,5)	-	-	-	28 440
Покровский уезд	286 (1,24)	5828 (24,9)	17088 (73)	-	15 (0,06)	-	186 (0,8)	23 403
Киржачский уезд	202 (0,68)	8308 (28,2)	18722 (63,53)	41 (0,14)	86 (0,3)	2107 (7,15)	-	29 466
Александровский уезд	963 (3,41)	9012 (31,9)	12861 (45,6)	17 (0,06)	-	5229 (18,53)	142 (0,5)	28 224
Судогодский уезд	131 (0,64)	3750 (18,37)	10945 (53,63)	5538 (27,13)	-	-	47 (0,23)	20 411
Меленковский уезд	662 (3,18)	3394 (16,33)	13815 (66,46)	-	-	2193 (10,56)	722 (3,47)	20 786
Всего:	12089 (3,13)	95733 (24,74)	244386 (63,16)	20808 (5,37)	552 (0,1)	11893 (3,07)	1491 (0,39)	386 952

Наблюдаем незначительное количество собственно городского населения, всего 3,13 % от общего числа жителей Наместничества мужского пола. При этом во многих уездах процент горожан гораздо ниже среднего, например, в Шуйском, Гороховецком, Ковровском, Покровском, Киржачском, Судогодском. Это, в основном, как раз те уезды, где только с образованием Владимирского наместничества учредили города. И, соответственно, именно там особо остро стояла проблема пополнения городского населения.

За счет кого? Бросается в глаза большое количество помещичьих крестьян в регионе. Это объясняется тем фактом, что центральные районы страны в первую очередь подвергались раздаче земель в поместья и вотчины. Ущемлять интересы дворянства при Екатерине II было не принято. А свободное крестьянство здесь исчезло уже в XVI—XVII вв., перейдя на положение крепостного, дворцового или церковного. Значительную роль в появлении категории «экономических крестьян» сыграла секуляризация синодальных, архиерейских, монастырских и церковных вотчин в 1764 г., определившая их в ведение Коллегии экономии. Таким образом, экономических крестьян насчитывалось во Владимирском наместничестве в 1779 г. 95733 душ муж. пола [ГАВО: ф. 15, оп. 2, д. 53, л. 1—5]. До секуляризации государственных крестьян в регионе вообще было незначительное количество. Приведем для сравнения данные последующих десятилетий.

Таблица 2

**Численность экономических и государственных крестьян
Владимирского наместничества (душ муж. пола)**
[Кабузан: 95—98, 107—110]

	Экономические крестьяне	Государственные крестьяне
IV ревизия (1782 г.)	103 545 (23,31 %)	11 904 (2,68 %)
V ревизия (1795 г.)	106 415 (23,11 %)	12 211 (2,66 %)

Упразднением в 1786 г. Коллегии экономии государство уравнило экономических крестьян с остальными категориями казенного крестьянства, которые фактически вошли в состав государственных.

Одним из важных решений, способствовавших и положивших начало переходу крестьян в другие сословия во Владимирском наместничестве, стал указ владимирского генерал-губернатора Р.И. Воронцова от 30 марта 1779 г. об отправке чиновников во все города Наместничества, которые должны были записывать в купеческое или мещанское сословие всех желающих уплатить соответствующий процент с объявленного ими капитала [ГАВО: ф. 15, оп. 2, д. 236, л. 1].

К сожалению, точное число государственных крестьян, воспользовавшихся этим указом и записавшихся в купечество во Владимирском Наместничестве, установить затруднительно в силу разрозненности отчетной документации. Можно привести сведения Генерал-губернатора Р.И. Воронцова о 428 дворцовых и экономических крестьянах, записавшихся в купечество в период с 1778 по 1783 г., т. е. в течение 5 лет. Это не много, примерно 0,1 % от общей численности крестьян этих категорий за период (если сравнивать с данными табл. 1 за 1779 год).

При этом в законодательном акте 1778 г. об учреждении Владимирского наместничества не было упоминания о том, что с государственных крестьян, вступивших в купечество вследствие изменения статуса их сел или слобод на городской, надлежит взыскивать подать только по одним городским окладам, как это было, к примеру, в Новгородской губернии [ПСЗРИ: собр. первое. Т. 20. № 14787. С. 742]. А значит, записавшись в купечество, крестьяне бывших сел (Меленков, Киржача, Покрова, Судогды, Коврова, Александра) вынуждены были платить в казну двойной оклад: по новому купеческому званию и по старому крестьянскому.

Несмотря на попытки наместника изменить ситуацию (был отправлен запрос в столицу), снятие двойных платежей пришлось ждать до завершения очередной ревизии. Многие, испытывая тяжесть двойных платежей, просили, чтобы их снова обратили в «первобытное крестьянское состояние» [Клокман: 95].

Примечательно, что указ от 25 июля 1777 года взимание двойных платежей объявлял временной мерой при записи государственных крестьян в купеческое сословие [ПСЗРИ: собр. первое. Т. 20. № 14632 с. 538—539]. Под его воздействием, надеясь на скорое изменение ситуации, крестьяне, желающие повысить свой социальный статус, активно стали подавать прошения на запись их в купечество. Однако ст. 139 Грамоты на права и выгоды городам Российской Империи положила конец их надеждам на облегчение порядка приписки к городам и отмену платы по обоим сословиям [ПСЗРИ: собр. первое. Т. 22 № 16188 с. 381]. В итоге излишняя экономическая нагрузка, лежащая на плечи крестьян, решившихся сменить сословное состояние, привела к тому, что с момента образования Владимирского наместничества в 1778 г., т. е. непосредственно после указа от 25 июля 1777 г. до выхода в свет Городового Положения в 1785 г., по нашим данным, из сельского состояния записалось в купечество 138 государственных крестьян, что составляет 89,6 % всех государственных крестьян, перешедших в это сословие вплоть до 1796 года. (Приходно-расходная книга по Владимирскому наместничеству за 1784 г. дает нам цифру в 88 душ купечествующих крестьян.) [ГАВО: ф. 301, оп. 1, д. 65, л. 3].

С 1785 г. происходит и вовсе резкое уменьшение количества государственных крестьян, желающих перейти в купечество.

Таблица 3

Количество государственных крестьян мужского пола, перешедших во 2 и 3 купеческие гильдии до и после 1785 г.

Количество государственных крестьян (муж. пола), перешедших в III купеческую гильдию		Сокращение, %	Количество государственных крестьян (муж. пола), перешедших во II купеческую гильдию		Сокращение, %
до 1785 года	после 1785 года		до 1785 года	после 1785 года	
119 душ	14 душ	-88,24	19 душ	2 души	-89,47

Обозначим причины данного явления. Во-первых, это законодательное закрепление на постоянной, а не временной основе (как это говорилось в указе от 25 июля 1777 г.) двойных платежей при переходе крестьян в купечество. Во-вторых — увеличение имущественного ценза для желающих записаться в купечество (см. таблица 4).

Таблица 4

Увеличение капитала, необходимого для вступления в купеческие гильдии

Время принятия законодательного акта	Капитал, необходимый для вступления в I купеческую гильдию	Капитал, необходимый для вступления во II купеческую гильдию	Капитал, необходимый для вступления в III купеческую гильдию
25 мая 1775 г.	Более 10 тыс. руб.	1—10 тыс. руб.	0,5—1 тыс. руб.
1785 г.	10—50 тыс. руб.	5—10 тыс. руб.	1—5 тыс. руб.

Если по нормативным актам в 1775 году для того, чтобы стать купцом III гильдии, было достаточно объявить капитал на сумму от 500 до 1000 руб., то с 1785 г. граница необходимого для перехода капитала значительно возросла и значилась пределах от 1000 до 5000 руб. В-третьих, за желающими перейти в купечество крестьянами устанавливался более строгий контроль: выразивший такое желание государственный крестьянин подвергался тщательной проверке («не имеется ли каких-либо недоимок и рекрутской очереди»), для чего нужна была специальная справка. Приведем наглядный пример. «При письменном сношении выборный Михайло Иванов и все той слободки крестьяне взятою сказкою показали, что де на помянутом желающем к записи в Александровское купечество той слободки крестьяне Михаиле Сидорове с детьми рекрутской очереди и других никаких препятствующих к увольнению в Александровское купечество причин не оказалось». Затем крестьянин должен был прибыть в Александровский городской магистрат «к свидетельству показанного им 505 рублевого капитала». Капитал свидетельствовался специальной комиссией, состоящей из купцов различных гильдий. При положительном решении дело шло дальше по инстанциям и в конечном итоге выносилось повеление «уволить на основании 1762 г. 31 января и 1777 г. 26 июля указов к записке в Александровское купечество с должным в платеже процентного сбора и по крестьянству податей обязательством» [ГАВО: ф. 15, оп. 2, д. 709, л. 1—2]. В среднем дело о переходе изъявившего желания государственного крестьянина в купеческое сословие рассматривалось в течение года, а затем начинался долгий (до следующей ревизии) и обременительный период вынужденной платы двойного оклада.

Более того, зачастую рассмотрение дел о переходе крестьян в купеческое сословие в силу различных причин (состояние на рекрутской очереди или

обнаружение за крестьянином недоимок) затягивалось на еще более длительный период. Так, дело по прошению крестьянина экономического ведомства села Бибирево Переяславской округи Осипа Маштрукова о записи его с сыном Павлом в Переяславское купечество затянулось именно по этим причинам на 3 года [ГАВО: ф. 15, оп. 2, д. 1398, л. 1—53]. При этом в течение всего срока рассмотрения дела крестьянин не имел права осуществлять торговую деятельность, что неизбежно приводило к сокращению его капитала. Нередки случаи, когда состоятельные крестьяне, стараясь ускорить ход дела, вместо себя нанимали в рекруты других крестьян, избавляясь таким образом от рекрутской очереди [ГАВО: ф. 15, оп. 7, д. 551, л. 1—35].

Насколько тяжело было бремя выплаты двойных платежей, показывают случаи, когда крестьяне, перейдя в купечество, просто отказывались платить подати по своему «первобытному крестьянскому состоянию». Однако местные власти строго следили за делами подобного рода и непременно взыскивали все накопившиеся недоимки. Характерный пример. 23 октября 1785 г. Владимирский генерал-губернатор граф И.П. Салтыков направил на рассмотрение Владимирскому наместническому правлению предложение о рассмотрении прошения крестьян, записавшихся из крестьян в купечество, о неплатеже податей по крестьянству. К нему подали просьбы «суздальской округи экономического села Торок староста Артемий Андреев с крестьянами и казенного ведомства села Кидекши с деревнями крестьянин Григорий Степанов и прочие, о неплатеже записавшихся в Суздальское купечество из крестьян Петром Щаниковым, Иваном Астафьевым, Трифоном Федоровым по данному от них обязательству государству по крестьянству податей» [ГАВО: ф. 15, оп. 8, д. 1292, л. 1]. Рассмотрев просьбы, Владимирское наместническое правление велело взыскать все накопившиеся недоимки с этих крестьян.

Как мы видим, приведенные выше сведения свидетельствуют о том, что правительство Российской Империи рассматривало государственных как источник дохода для казны и не желало признавать тяжесть и обременительность для крестьян существующего порядка приписки к городам. Суммы, которые поступали от уплаты в казну в результате взимания двойных платежей в период при переходе из сословия в сословие составляли около 50 000 рублей ежегодно. И лишь в 1824 г. было принято решение отменить платеж податей по крестьянскому званию казенными крестьянами, переходящими в городские сословия [ПСЗРИ: собр. первое. Т. 39. № 30120. С. 579—581].

И все же, несмотря на такой во многом ограничительный и экономически обременительный процесс сословного перехода, запись государственных крестьян в купечество продолжалась. Разберем различные причины, побуждающие их к этому. Одна из главных — это развивающаяся торговая и промысловая деятельность крестьян. После указа Екатерины II в 1776 г. возможность открытого крестьянского торгового дела была значительно сужена, поставив крестьян в затруднительное положение. Для многих торгов и промыслы уже стали единственным средством к существованию. Переход в купечество в такой ситуации является логическим шагом при наличии экономической возможности. А кроме того, значительную роль играет освободительный аспект выхода из крестьянского сословия. Почему именно в купечество, а не в мещанство? Дело в том, что положение приписного мещанина лишь немногим отличалось от положения государственного крестьянина, и уплата двойной подати здесь менее всего могла быть оправдана. Купечество же являлось, несомненно,

более привилегированным сословием. Не случайно значительная часть мещанства также стремилась перейти в купечество [Разгон: 164—165].

Экономические возможности некоторых государственных крестьян не всегда соответствовали их желанию перейти в город. Местные власти пристально следили за подобными «самозванцами»: «по данному в Наместническое правление из Губернского магистрата доношению о желающих записаться в Переяславское купечество крестьянах ... открылось, что многие из оных просили о записи их в купечество, не имея никакого капитала, а единственно только желая воспользоваться принадлежащими купцам выгодами» [ГАВО: ф.15, оп. 2, д. 147, л. 1]. То есть усилия правительства были направлены на соблюдение законности перехода из одного сословия в другое. В сохранении и упрочении монополии сословных занятий, пресечении попыток представителей других (главным образом низших) сословий воспользоваться сословными привилегиями видели основу правопорядка [Анисимов: 185].

Анализ случаев переходов государственных крестьян в купечество во Владимирском наместничестве позволяет выявить основные источники и направления их записи в купечество.

Таблица 5

Уезды, из которых государственные крестьяне изъявляли желание записаться в купечество и уезды, в которые они записывались в купечество

Уезды, из которых крестьяне подавали прошения о записи их в купечество	Количество крестьян (душ муж. пола)	Уезды, в которые крестьяне записывались в купечество	Количество крестьян (количество этого же уезда) (душ муж. пола)
Переяславский	81	Переяславское купечество	74 (70)
Владимирский	22	Московское купечество	31 (-)
Суздальский	12	Суздальское купечество	11 (11)
Александровский	12	Владимирское купечество	10 (8)
Судогодский уезд	5	Муромское купечество	5 (3)
Меленковский уезд	5	Александровское купечество	4 (1)
Юрьевский уезд	5	Судогодское купечество	4 (4)
Киржачский уезд	4	Киржачское купечество	4 (2)
Муромский уезд	3	Меленковское купечество	3 (3)
Покровский уезд	2	Ковровское купечество	2 (-)
Вязниковский уезд	2	Петровское купечество	2 (-)
Ковровский уезд	1	Вязниковское купечество	1 (1)
		Юрьевское купечество	1 (1)

		Покровское купечество	1 (-)
		Городищевское купечество (Пенз. нам.)	1 (-)
Итого:	154	Итого:	154

Как мы видим, желающие повысить свой социальный статус крестьяне, предпочитали записываться в купечество своего уездного центра. Так, из 81 крестьянина Переяславского уезда 70 записались именно в переяславское купечество; из 12 крестьян Суздальского уезда 11 записались в суздальское купечество и т. д.). Однако следует учитывать, что запись происходила преимущественно в III-ю и лишь затем во II-ю гильдии, и поэтому естественна более тесная экономическая связь крестьян со своей округой. Правда, были и исключения — из 22 крестьян Владимирского уезда лишь 8 записались во владимирское купечество, остальные 14 перешли в московское купечество; из 12 крестьян Александровского уезда 9 записались в московское купечество, что в свою очередь объясняется более широкими торговыми и деловыми перспективами в многолюдной Москве. Эти данные позволяют судить о достаточно широкой географии торговых интересов государственных крестьян, которые не ограничивались рамками одного уезда и губернии. Вообще, подобный анализ дает возможность сделать вывод о наличии прямой зависимости количественного показателя социальной мобильности государственных крестьян, переходящих в купечество, от уровня экономического развития того или иного уезда.

Таким образом, Свод законов Российской Империи номинально (де-юре) называет государственных крестьян «свободными сельскими обывателями», но де-факто, как видно из всего вышеизложенного, они являлись неполноправным податным сословием. Правительство законодательно регламентирует быт крестьян, ограничивает жесткими рамками их хозяйственную и прочую деятельность: для них ограничено передвижение по стране; ограничена свобода выбора занятий; ограничены социальные перемещения и т. д. С одной стороны, все эти ограничения обуславливались традиционными принципами сословности внутренней политики Российского государства того периода, которая была направлена в том числе и на соблюдение правильности перехода из одного сословия в другое. С другой стороны, это было обусловлено и податными принципами внутренней политики. Однако факт значительного увеличения числа прошений крестьян о приписке к купечеству в период 1778—1785 гг. показывает, что эти же факторы вызвали потребность в коренном изменении официально признаваемого порядка приписки.

Можно сделать вывод, что процесс перехода государственных крестьян в купечество, составляя основу пополнения городского населения на данном этапе и имея большой экономический потенциал, к сожалению, не оказал серьезного влияния на изменение социальной структуры населения Владимирского наместничества (государственные крестьяне, перешедшие в купечество 1782—1796 гг. составили менее 3 % в составе последнего). Одним из факторов такой низкой социальной миграции является недостаточная экономическая развитость Владимирского наместничества в эти годы и, как следствие, невозможность преодолеть имущественный ценз при переходе в купечество. Главным же препятствием стало неумное желание государства продолжать извлекать фискальные выгоды, когда даже при устройстве новых городов власти не избавляли крестьян, поступающих в городские сословия, от необходимости пройти через промежуточное состояние приписки к городу с платежом податей по двум состояниям.

Список источников

Государственный архив Владимирской области (ГАВО)

Полное собрание законов Российской империи

Список литературы / References

- Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. М.: Наука, 1982. 295 с.
(Anisimov E.V. Tax reform of Peter I, Moscow, 1982, 295 p. — In Russ.)
- Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: в 2 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1946—1952.
(Druzhinin N.M. State peasants and the reform of P.D. Kiselyov: in 2 vols., Moscow, 1946—1952. — In Russ.)
- Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII — 1-й половине XIX вв. М.: Наука, 1971. 188 с.
(Kabuzan V.M. Changes in the placement of the population of Russia in the XVIII — Ith half of the XIX centuries, Moscow, 1971, 188 p. — In Russ.)
- Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история рус. города II-й пол. XVII в. М. Наука, 1967. 335 с.
(Klokman Y.R. Socio-economic history of the Russian city of the IIth half of the XVII century, Moscow, 1967, 335 p. — In Russ.)
- Ляпанов А.В. Развитие городской и крестьянской торговли в России в конце XVIII в. (на примере Владимирского наместничества) // Историко-экономические исследования. 2023. Т. 24. № 2. С. 209—226.
(Lyapanov A.V. Development of urban and peasant trade in Russia at the end of the XVIII century (on the example of the Vladimir viceroyalty), *Historical and economic research*, 2023, vol. 24, no. 2. pp. 209—226. — In Russ.)
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. СПб, 2023.
(Mironov B.N. The Russian Empire: from tradition to Modernity: in 3 vols., St. Petersburg, 2023. — In Russ.)
- Разгон А.М. Промышленные и торговые слободы и села Владимирской губернии во второй половине XVIII века // Исторические записки. 1950. Т. 32. С. 133—172.
(Razgon A.M. Industrial and commercial settlements and villages of the Vladimir province in the second half of the XVIII century, *Historical notes*, 1950, vol. 32, p. 133—172. — In Russ.)
- Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 559 с.
(Ryndzunsky P.G. Urban citizenship of pre-reform Russia, Moscow, 1958, 559 p. — In Russ.)

**THE INFLUENCE OF THE STATE POLICY
OF THE RUSSIAN EMPIRE ON SOCIAL MOBILITY
(ON THE EXAMPLE OF THE STATE PEASANTS
OF THE VLADIMIR VICEROYALTY (1778—1796))**

Artem V. Lyapanov

Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, Vladimir,
Russian Federation, Lyapanov@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of social mobility in the Russian Empire of the late XVIII century. Despite the closed nature of the estate society of that time, there were frequent cases of transition from one estate to another in legislation and public practice. We consider these phenomena on the example of the transition of state peasants to merchants

during the existence of the Vladimir viceroyalty (1778—1796). This process was spurred by the formation of new cities and the shortage of residents in them. The directions of transitions, the reasons that encourage peasants to change their social status are analyzed in detail: the restriction of the commercial and commercial activities of peasants, the opening prospects of the state in the merchant class, liberation aspects, etc. The reasons preventing the transition of peasants to merchants are also considered.: the system of payments for two states (old and new), the state of the recruitment queue, the presence of arrears, procedural delays, etc. It is concluded that the peasants' increase in their social status was associated with potential benefits for both themselves and the state, however, this process was slowed down due to the inertia of fiscal policy, as well as the desire to preserve the class privileges of the merchants.

Keywords: state peasants, merchants, Vladimir viceroyalty, social mobility, estate

For citation: Lyapanov A.V. The influence of the state policy of the Russian Empire on social mobility (on the example of the state peasants of the Vladimir Viceroyalty (1778—1796)), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 106—115.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 19.01.2024.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 19.01.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Ляпанов Артем Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра частноправовых дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Владимир, Россия, Lyapanov@mail.ru

Lyapanov Artem Vladimirovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Private Law Disciplines, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, the Russian Federation, Lyapanov@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 116—130.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss.1. P. 116—130.

Научная статья

УДК 378(091)(470.315)

DOI: 10.46726/И.2024.1.12

УСИЛИЯ ВЛАСТЕЙ, ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БЫВШЕГО РИЖСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ТЕКСТИЛЬНОГО КРАЯ ПО ПРИНЯТИЮ СОВМЕСТНОГО РЕШЕНИЯ О НЕОБХОДИМОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ (ВЕСНА 1918 Г.)

Юрий Александрович Ильин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

Аннотация. Благодаря серьезному научно-исследовательскому труду И.Е. Почиваловой и О.И. Койфмана «История становления высшей школы в Иваново-Вознесенске» обострилась необходимость дальнейшей разработки поставленного вопроса. В предлагаемой читателям статье предпринята попытка углубления аналитических подходов исследователей к проблеме укоренения в кругах советской власти, представителей бывшего Рижского политехнического института и общественности текстильного края идеи о создании системы высшего образования в г. Иваново-Вознесенск. Вскрыты мотивы и причины раскола преподавательского корпуса по вопросу переезда в г. Иваново-Вознесенск. Показана на ментальном уровне трансформация института в узкопрофильное высшее учебное заведение и прямая заинтересованность местной власти в данном процессе. Раскрыта значимость решений совместного совещания 1 июня 1918 г., положивших конец сомнениям в важности положительного решения данного вопроса.

Ключевые слова: советская власть, комиссии по обследованию возможности создания политехнического института, профессорско-преподавательский состав Рижского политехнического института, Московское общество рижских политехников, общественность текстильного края, Н.Г. и Д.Г. Бурылины, С.Г. Гуревич, М.В. Фрунзе, И.И. Власов

Для цитирования: Ильин Ю.А. Усилия властей, представителей бывшего Рижского политехнического института и общественности текстильного края по принятию совместного решения о необходимости учреждения высшей технической школы в Иваново-Вознесенске (весна 1918 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 116—130.

Начнем с постановки вопроса: как так получилось, что именно в г. Иваново-Вознесенске, новоиспеченном провинциальном губернском городе, нашел пристанище знаменитый бывший Рижский политехнический институт? Заметим, что это феноменальное событие совпало с началом широкомасштабной гражданской войны и интервенции (лето—осень 1918 г.). Историки-краеведы часто поднимали в своих публикациях данный вопрос, для решения его вводили в научный оборот новые источники из местных государственных и партийных архивов, давали им свои интерпретации, — но, по сути, вопрос оставался

на поверхности, ибо многое в приводимых ими фактах, логике их развития было непонятно, предлагаемые суждения, мягко выражаясь, не убеждали.

Настоящим прорывом в исследовании темы и, в частности, ответе на заданный нами вопрос стала книга Е.И. Почиваловой и О.И. Койфмана «История становления высшей школы в Иваново-Вознесенске» (Иваново, 2010). В чем ее исследовательская уникальность? Авторы собрали богатейший фактический материал из фондов Государственного архива Ивановской области, Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурлыгина, Шуйского историко-художественного музея им. М.В. Фрунзе, периодики, изданий ИВПИ, правовых актов Российской империи и Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, воспоминаний выпускников и преподавателей Иваново-Вознесенского политехнического института, дневниковые записки И.И. Власова, календари-справочники Министерства народного просвещения, календари-справочники по Владимирской губернии и т. д. В книге был аккумулирован и научный потенциал трудов предшественников, так или иначе затрагивавших проблему учреждения высшей школы в г. Иваново-Вознесенске, в том числе Додоновой А.А. (Д.Г. Бурлыгин. Иваново, 1997), Экземплярского П.М. (История г. Иваново. Иваново, 1958), Балдина К.Е. (ИвГУ, 1918—2003 гг.: очерки истории. Иваново, 2004), Балдина К.Е. и Ильина Ю.А. (Ивановский край в истории Отечества. Иваново, 1998), Князевой М.С. (Профессиональные учебные заведения Иваново-Вознесенска в конце XIX в. — начале XX в.), Балдина К.Е. и Семенов А.М. (Иваново. История и современность. Иваново, 1996), отдельно Семенов А.М. (И.И. Власов в Иваново-Вознесенске: штрихи к портрету), в книге Е.И. Почиваловой и О.И. Койфмана были задействованы материалы из сборника статей «Из истории естествознания и техники Прибалтики. РПИ 1863—1987» (Т. 8. Рига, 1991). Сбор такого обширного круга источников и исследований дал авторам замечательную возможность в хронологическом порядке показать полную картину событий, в частности, создание предпосылок и действия сторон (части преподавателей и студентов, членов московского отделения выпускников РПИ, центральных и местных властей, общественности Иваново-Кинешемского промышленного района) по переезду бывшего Рижского политехнического института в г. Иваново-Вознесенск. Расчищено поле исследования темы, явственнее стали новые горизонты ее изучения.

Означает ли это, что проблема снята по причине ее решения в рамках региональной историографии? Разумеется, нет. Благодаря серьезному научно-исследовательскому труду И.Е. Почиваловой и О.И. Койфмана лишь обострилась необходимость дальнейшей разработки поставленного нами вопроса. К этому побуждают как внутренние ресурсы введенного в научный оборот фактического материала, так и внешние обстоятельства, вызванные затянувшимся процессом современного реформирования системы высшего образования. В предлагаемой читателям статье предпринята попытка углубления аналитических подходов исследователей к проблеме упрочения идеи создания системы высшего образования в г. Иваново-Вознесенске. При этом фактической базой выдвигаемых суждений и подходов к проблеме будут преимущественно источники, уже используемые в книге И.Е. Почиваловой и О.И. Койфмана. Сужен и хронологический период, затрагиваемый в статье: весна—осень 1918 г.

Итак, начнем с мотивации и действий представителей т. н. «московской общественности» (преподаватели, сотрудники и студенты бывшего РПИ и Общества Рижских политехников) в вопросе переезда института в г. Иваново-Вознесенск. Немного предыстории: в 1915 г. РПИ эвакуировался в Москву.

Из воспоминаний П. Вальдена «Дороги и приюты»: «В Москве с готовностью пошли нам навстречу. <...> Бывшие воспитанники Рижского института, занимающие в Москве влиятельные должности, и местные гостеприимные русские коллеги из московских высших школ <...> дали возможность в течение нескольких недель всем шести отделениям РПИ получить все необходимое: помещения как для лекций и практических занятий, так и для химических работ. Они были рассредоточены по всей Москве в 5 учебных заведениях» [Почивалова, Койфман: 65—66]. Вот их перечень: Императорское Московское техническое училище, Народный университет Шанявского, Петровская сельскохозяйственная академия, Московское промышленное училище и Комиссаровское техническое училище [Там же: 66].

До подписания Брестского мира (3 марта 1918 г.) знаменитому вузу предлагали переехать в провинцию многие российские города, в частности Харьков, Одесса, Тамбов, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород и др. Но руководство института твердо было нацелено на возвращение в Ригу после окончания военных действий и победы России [Там же: 67, 70, 74]. Подписание сепаратного мира усложнило положение института. Февраль и Октябрь 1917 г., оккупация Германией Латвии, начавшийся процесс национального становления прибалтийской государственности, влияние на него германского и советского факторов внесли неясность в перспективы не только возвращения, но с самого существования РПИ. К этому надо добавить резко сократившуюся финансовую поддержку вуза от общественных кругов прибалтийского края. Начавшаяся борьба за власть на самой территории бывшей Российской империи подрывала ранее устоявшиеся представления о значимости высшего образования в российском обществе. Ситуацию нагнетали настойчивые призывы германского посла Мирбаха к руководству вуза вернуться в Ригу для продолжения своей научной и образовательной деятельности, при этом давались обещания всяческого содействия в этом со стороны германской администрации.

В книге Е.И. Почиваловой и О.И. Койфмана дана палитра суждений профессорско-преподавательского состава бывшего РПИ на будущую судьбу института на март 1918 года: а) одни преподаватели склонялись к возвращению в Ригу, хоть и под оккупацию Германии; б) другие — за растворение института среди других столичных вузов; в) третьи — за переезд института в другой российский город, если им создадут приемлемые условия для работы и жизни [Там же: 68]. Такой вектор мнений среди профессуры бывшего РПИ прослеживался вплоть до момента подписания В.И. Лениным декрета «Об учреждении Иваново-Вознесенского политехнического института» [Там же: 145].

Сторонники возвращения домой (г. Рига), как правило, были выходцами из Германии и Латвии, занимали ведущее положение и пользовались заслуженным уважением среди преподавателей, сотрудников и студентов вуза, московской профессуры и общественности столицы. Из воспоминаний И.И. Власова: «19 марта 1918 г., находясь в Москве, я случайно прочитал в газете “Утро России” хроникерскую заметку под заглавием “Судьба Рижского политехникума”. <...> По прочтении этой заметки у меня мелькнула мысль о том, что в интересах нашего города и района полезно было бы использовать это благоприятное для них обстоятельство и приютить в Иваново-Вознесенске культурного “беженца”, <...> и я отправился за справками в канцелярию Рижского политехникума, <...> я лишь узнал, что профессора-немцы и латыши всячески стремятся уехать поскорее в Ригу и не хотят и подумать о том, чтобы остаться в Москве или переехать в какой-либо русский провинциальный город»

[Там же: 70]. Аналогичные заявления И.И. Власов услышал из уст ректора института, профессора П.И. Вальдена и председателя попечительского комитета Б.К. фон Шуберта. Последнее лицо невозможность переезда РПИ в г. Иваново-Вознесенск объяснило огромными финансовыми расходами на содержание института: «Вы плохо себе представляете, что стоит содержание института в шесть факультетов. Мы содержим его за счет целого ряда организаций, и дворянских, и торгово-промышленных, за счет целого большого края, и то содержание ложится на нас тяжелым бременем. Что же будете делать вы, в вашем Иваново-Вознесенске?» [Там же: 71].

Тяга части профессорского состава к возвращению в «родные пенаты» была вполне понятна. Рига для них была не только местом для комфортной работы и жизни в культурно-цивилизованной и языковой среде. Им представлялась возможность принять активное участие в формировании национальной технической культуры в рамках суверенного государства, упрочить классические каноны рижской политехнической школы, в частности, восстановить органическую связь с наукой Западной Европы, в первую очередь немецкой. Кстати, этими аргументами оперировал в переговорах с руководством вуза германский посол Мирбах. Разумеется, у этой части профессуры были и другие причины в пользу безоговорочного переезда в Латвию: политические события Февраля и Октября на фоне свертывания российской экономики, опасность «обрусения» преподавательского коллектива и большей части студенчества вуза во время пребывания его в Москве, непростые отношения с новой властью. Речь идет о том, что процесс встраивания РПИ в «культурную ткань» радикально-революционной России размывал консервативные принципы и академические стандарты постановки научной и учебной работы института, вел к нивелировке и, в конечном итоге, потере преимуществ рижской политехнической школы на фоне перестраивавшейся системы российского высшего образования.

Последующие события в России подтверждают опасения данной части профессуры РПИ и только упрочат их решимость вернуться на родину. Речь идет о намерении Наркомата просвещения реформировать уклад жизни высших учебных заведений (проекты от 8 июля и 6—8 сентября 1918 г.). Их содержание сводилось к ликвидации автономии вузов, политизации по содержанию обучения и пролетаризации по контингенту студенчества, упрощенчеству и приспособлению всей деятельности учебных заведений к нуждам социалистического строительства. Проявилась склонность к административному продавливанию этих процессов, несмотря на протесты вузовской общественности [Там же: 138, 156].

Сказались на намерениях профессуры и Ноябрьская революция в Германии, окончание Первой мировой войны победой Антанты, парад суверенитетов народов на просторах Восточной и Юго-Восточной Европы, включая Прибалтийский край. И последнее обстоятельство, имевшее скорее эмоциональное, но в данном случае немаловажное значение для мнения и последующих действий этой части профессуры и большинства студенчества вуза. Речь об этом содержится в письмах И.И. Власова М.П. Зельдовичу (руководителю Исполкома студентов РПИ) и П.И. Вальдену (ректору РПИ) от 3 мая 1918 г. К ним прилагался план г. Иваново-Вознесенска для ознакомления [Там же: 89—90]. Можно себе представить реакцию вышеозначенных лиц и их коллег после ознакомления с этим планом. Топонимика явно не красила наш город и проживавшее в нем население. Скорее свидетельствовало о неблагополучии местопребывания, скудости и порочности местных жителей. Приведем для примера названия

площадей, улиц и переулков г. Иваново-Вознесенска, получившего статус губернского города в июне 1918 г.:

— местечки и слободы: Завертяиха, Пустошь-Бор, Графская земля, Сластиха, Ямы, Сахалин и т. д.;

— улицы, переулки, тупики: Балагановская улица и переулок, Задняя улица, Вшивая горка, Голодаиха, Голява, Грязная улица и переулок, Долгий тупик, Забытый переулок, Кривой переулок, Посекуша, Кабацкая улица, Пьяный переулок и т. д. [Имена улиц г. Иваново...: 134—138, 141, 143, 151—152]. Как тактично выразился И.И. Власов в письме к М.В. Фрунзе (май 1918 г.): «А Иваново с внешней стороны обычно отпугивает...» [Там же: 100]. Приведем и воспоминание об облике Иваново-Вознесенска профессора Ю.В. Готье, приехавшего для чтения лекций на социально-экономическом факультете ИВПИ в январе 1920 г.: «Иваново-Вознесенск — очень смешной город. Он весь составлялся из сел, деревень и фабрик, сросшихся вместе; таким образом, получилось нечто до крайности бестолковое и нелепое: город без центра, наполненный лачугами, среди которых изредка возвышаются палаццо бывших буржуев» [Черноперов: 98].

Глубинная причина нежелания оставаться в рамках российского вузовского пространства крылась в понимании ими невозможности сохранения преемственности статуса РПИ в новых политических условиях, сложившегося в его стенах феномена российско-европейской гибридности академизма в науке и универсализма в обучении высококлассных специалистов широкого профиля. Понимание это пришло достаточно быстро. А вот их коллеги, которые весной-летом 1918 г. или переехали в г. Иваново-Вознесенск, или гастролировали между последним и крупными научными центрами (Москва—Нижний Новгород) стали понимать это позднее. Вот выдержка из статьи И.И. Заславского в газете «Рабочий край» от 6 января 1924 г.: «После Октябрьской Революции, несмотря на гражданскую войну и исключительные лишения и затруднения, которые испытывала страна, не только почти все губернские города, но и многие уезды спешили открыть собственные университеты, высшие институты, академии и пр. Такой ненормально быстрый рост высшего образования не имел под собой здоровых корней, и значительное большинство вновь открытых вузов захирело раньше, чем они успели развиваться. Для такого печального конца имелось много причин: недостаток материальных средств, невозможность получения оборудования для лабораторий, научных кабинетов и пр., а главное острый недостаток в подготовленных профессорах и ученых...» [Рабочий край 1924]. К этому правильному суждению не мешает добавить и острый дефицит подготовленных к обучению в технических вузах студентов.

Что касается профессуры, не пожелавшей оставаться в Советской России, то после переезда в Ригу ими в феврале 1919 г. была основана Высшая школа Латвии, реорганизованная в 1923 г. в Латвийский университет (гибрид политехникума и университета), 50 % его педагогического состава представляли профессора бывшего РПИ [Почивалова, Койфман: 186].

Вторая часть научно-педагогического коллектива института, не менее значительная по численности и уровню профессионализма, была русскоязычной, успешно адаптировавшейся к требованиям и уровню общероссийской вузовской среды. Она была по преимуществу ориентирована на учебно-образовательный формат деятельности с сильными запросами на прикладные научные изыскания. Годы пребывания в Москве сделали свое дело: инициировали процесс нивелировки научных запросов и привели к ориентации на обучение

русскоязычных студентов из Москвы и соседних регионов. Превалирование данного контингента студенчества все более оказывало заметное влияние на эту часть профессорско-преподавательского состава вуза. Особенно оно усилилось в революционном 1917 г. Псевдодемократический подход к реформированию российской системы высшего образования (лето 1918 г.) тоже внес лепту в умонастроения преподавательского коллектива (патриотический настрой и излишние ожидания от предстоящих изменений в стране, ощущение своей причастности и возможности участия в них). Эти преподаватели старались трудоустроиться в столичные вузы, надеялись не порывать связи с коллегами по РПИ, выехавшими в Ригу и Иваново-Вознесенск. Более того, считали, что в Иваново-Вознесенск может переехать часть отделений бывшего РПИ (мануфактурно-текстильного профиля), большинство же научных кафедр должно было рассеяться среди столичных высших учебных заведений. То есть их прежний институт становился как бы донором для российских вузов и академических структур. Именно эта часть профессуры составляла главный контингент «гастролеров», приезжавших наездами в Иваново-Вознесенск на приработки (чтение лекций и ведение практических занятий в политехническом и педагогическом институтах), считая все же главным своим местом работы столичные вузы и научно-исследовательские институты. Некоторые преподаватели вскоре откреплялись и от такой нагрузки и окончательно переходили на работу в другие регионы и даже возвращались в Ригу. В немалой степени на их действия в тот текущий момент влиял материальный фактор: весьма сносное денежное и продовольственное обеспечение профессорско-преподавательского коллектива местного политехнического института.

Наконец, третья группа преподавателей и сотрудников бывшего РПИ была готова переехать на постоянное место жительства в г. Иваново-Вознесенск. Что подвигло их на это? Какая мотивация? В книге Е.И. Почиваловой и О.И. Койфмана такой настрой вузовских работников объяснялся желанием сохранить институт как единое целое, как организм научно-образовательного уровня. В условиях начавшейся разрухи, гражданской войны росла их тревога о дальнейшем физическом существовании близких им людей. А тут весьма заманчивые обещания местной власти и общественности при согласии переезда в Иваново-Вознесенск [Там же: 68].

В целом сформулировано правильно, однако эти моменты следует конкретизировать и подкорректировать. Очевидно, что эта часть профессуры и сотрудников была наиболее патриотичной в корпоративном плане. Но что лежало внутри этой «патриотичности»? Факты, изложенные в вышеуказанной книге, позволяют уточнить, а точнее, реконструировать глубинные истоки этой мотивации. Первое — это единодушный их отказ возвращаться в Ригу, город, оккупированный германскими войсками и управляемый гражданской латышской администрацией. Они понимали, что их приезд не будет встречен с восторгом и сулит непредвиденные проблемы при поиске работы и жилья. Местная власть однозначно будет их воспринимать как пророссийски настроенные элементы в латышском обществе. С большой долей вероятности можно предположить, что их и не звали обратно в Ригу.

Второе — желание напрямую поучаствовать в процессе культурного возрождения провинциальной России в новых революционных условиях. В воспоминаниях М.Н. Берлова об этом говорилось на собрании общественности бывшего РПИ 13 мая 1918 г. [Там же: 91]. Третье — трудности, испытываемые вузами Москвы с начала 1918 г., грозили оптимизацией системы высшего

образования и, в частности, кадрового состава. Это неминуемо ставило кадры в сложное положение, грозило физическому существованию их семей. Число вакансий в вузах сокращалось. За бортом оставались менее известные, титулованные, но весьма достойные по академическому потенциалу и стажу образовательной деятельности научные кадры и учебно-вспомогательный персонал бывшего РПИ. Их желанием было переехать в крупный провинциальный центр и пережить корпоративным институтским сообществом этот период лихолетья. Найти «тихую пристань», которая создаст сносные условия для продолжения преподавательской деятельности и прикладных научных изысканий, обеспечит условия выживания их семей.

При рассмотрении ими множества предложений на переезд постепенно сформировались следующие приоритеты: новый адрес бывшего РПИ должен быть в относительной близости от Москвы и отдаленности от возникавших фронтов гражданской войны, обеспеченность учебными зданиями и оборудованием, материальное снабжение и жилищные условия для преподавателей и сотрудников не хуже, чем в Москве. Таким критериям вполне соответствовал г. Иваново-Вознесенск. На новом месте, не избалованном вузовской интеллигенцией, можно было рассчитывать на избрание на должности повышенного ранга с соответствующим материальным вознаграждением.

Забегая вперед, заметим, что по данным на октябрь 1918 г. в составе преподавателей Иваново-Вознесенского политехнического института насчитывалось 26 профессоров и 7 ассистентов [Там же: 164], хотя первоначально были разосланы приглашения занять должность ординарного профессора 11 человек, экстраординарного и исполняющего должность экстраординарного профессора — 9 человек, доцентов — 4 человека, ассистентов — 10 человек [Рабочий край 1918]. Летом 1919 г. в вузе было 57 преподавателей [Почивалова, Койфман: 217]. На 1 января 1921 г. профессоров и ассистентов, постоянно живших в г. Иваново-Вознесенске, соответственно насчитывалось 51 человек и 17 человек, приезжавших из Москвы — 17 человек. Итого — 124 человека [Там же: 217—218]. И если рост числа ассистентов, вполне понятно, шел в основном за счет местных кадров (бывшие преподаватели Иваново-Вознесенского политехникума и средних общеобразовательных школ), то численность профессорско-преподавательского состава увеличивалась благодаря переезду на постоянное место жительства или наездами в Иваново-Вознесенск ряда известных ученых и их учеников: ординарный профессор М.А. Голенкин (анатомия, морфология, систематика растений), экстраординарный профессор С.А. Богословский (лесоустройство и лесная таксация), доцент И.И. Заславский (колористика), профессор В.Н. Игнатьев (органическая химия), экстраординарный профессор Н.А. Шилов (неорганическая химия), старший ассистент В.И. Пастоногов (физическая химия), профессор В.К. Лебединский (физика), профессор Н.И. Сургунов (минералогия и геология), профессор А.И. Некрасов (механика), доцент А.Ф. Момма (техническое черчение), доцент Р.П. Лепин (органическая химия), профессор Н.Н. Гениев (прикладная гидравлика), профессор В.С. Федоров (высшая математика), профессор М.М. Филоненко-Бородич (сопротивление материалов), профессор В.К. Дмоховский (технология строительных материалов), профессор М.Б. Гуревич (статистика), профессор Э.Э. Понтович (общая теория права), профессор Б.Д. Плетнев (общее учение о государстве), экстраординарный профессор В.Э. Дэн (экономическая география), профессор В.М. Гессен (государственное право), профессор Д.М. Петрушевский (история средневековой Англии),

профессор Ю.В. Готье (история сословий в России), профессор А.А. Кизеветер (история местного управления в России); преподаватели прядильно-ткацкого факультета — профессор А.Н. Державин (хлопководение), профессор В.В. Оль и доцент Л.Н. Кузьмин (бумагопрядение), профессор Н.Г. Новиков (ткачество) [Там же: 190, 196—198, 203, 205, 206—209, 211].

Такой мощный приток научных кадров поддерживал достаточно высокий академический уровень преподавания в Иваново-Вознесенском политехническом институте в течение всей гражданской войны и интервенции (1918—1920 гг.). Позитивный момент — были приведены в действие процессы омоложения кадров, складывания преемственности поколений ученых-преподавателей, что благотворно влияло на процесс адаптации вузовского коллектива в культурную ткань жизни города и региона. Часть профессуры бывшего РПИ, особенно связавшая судьбу с Иваново-Вознесенском, постепенно прониклась пониманием того, что в условиях фабрично-заводского района невозможно реанимировать «рижский формат» политехнического института, что здесь высшая техническая школа возможна лишь в адаптации с текстильным потенциалом края. То есть генеральным направлением нового института должна быть подготовка узкоотраслевых специалистов по ускоренной программе сроком 3,5—4 года на базе обширных практик на производстве, а также научно-технические разработки для нужд местной промышленности. Это нашло отражение в выступлениях профессуры на совместном совещании Комитета по учреждению института 2 июля 1918 г. [Там же: 131—133], а также в принятом документе «Основные положения об Иваново-Вознесенском политехническом институте» от 3 июля 1918 г. (по сути, Устав института) [Там же: 135—136].

В книге Е.И. Почиваловой и О.И. Койфмана весьма обстоятельно раскрываются факты «битв» преподавателей, намеревающихся переехать в г. Иваново-Вознесенск, за сносное материально-техническое и финансовое существование нового института, за личное материальное положение. Кстати, и сама местная власть понимала исключительную важность такой мотивации «москвичей» и всячески старалась поддерживать в них уверенность в реальности данных им обещаний. Об этом И.И. Власов пишет в письме председателю Иваново-Вознесенского отделения Московского Союза деятелей по техническому и ремесленному образованию (25 апреля 1918 г.): «В результате бесед с представителями руководства, профессурой и студенчеством для меня выяснилась полная возможность перевода института в наш город в случае, если местные общественные силы примут все меры к срочному разрешению этого вопроса в интересах нашего района...» [Там же: 76—77]. Намерения местных властей четко фиксирует и запись из протокола журнала заседания губернского исполкома от 2 мая 1918 г.: М.В. Фрунзе «предлагает собранию перейти к практическому обсуждению вопроса о возможности перевода Рижского политехникума в Иваново-Вознесенск. В первую очередь он предлагает обсудить вопрос о материальной поддержке переводимому Политехникуму со стороны казенных, общественных и частных учреждений и лиц и во вторую очередь обсудить вопрос об обеспечении института, а также профессоров и студентов необходимыми помещениями» [Там же: 82—83]. На данном заседании была признана необходимость выделения средств на приспособление и ремонт выделяемых институту зданий в виде единовременного пособия и ежегодных субсидий на их содержание в дополнение к казенным ассигнованиям (постоянные пособия) [Там же: 84]. Был высказан ряд предложений по изысканию денежных средств: разверстка пособия по 10 рублей в год

с каждого работающего, поддержка со стороны Союза кооперативов Иваново-Кинешемского района, субсидии в 1 млн рублей от Общества фабрикантов и заводчиков, денежные средства по завещаниям Я.П. Гарелина и Рубачева, предназначенные на благотворительные цели. При рассмотрении квартирного вопроса были предложения об уплотнении и даже реквизициях помещений [Там же: 84—85]. Высказанные на совещании 2 мая предложения были включены в итоговой документ, в частности в пункте 4 фиксировалось: «Предложить всем общественным организациям и учреждениям Иваново-Вознесенской губернии в кратчайший срок выяснить свое отношение к вопросу о создании высшего учебного заведения в Иваново-Вознесенске и возможной с их стороны единовременной и постоянной материальной поддержке» [Там же: 86—87].

События показывают, что в период 16—21 мая 1918 г. шла мобилизация усилий местного партийного советского аппарата и общественных сил региона на решение финансового вопроса для переезда бывшего РКП в г. Иваново-Вознесенск. Исключительную роль в этом деле сыграли М.В. Фрунзе, И.Е. Любимов, Н.А. Жиделев и И.И. Власов. Сочувствие данному мероприятию было обеспечено со всех сторон, включая членов комиссии по обследованию возможности создания политехнического института в Иваново-Вознесенске. На своем втором заседании (18 мая) они приняли решение направить делегацию на предстоящее 21 мая расширенное заседание властей и общественности Иваново-Вознесенского района [Там же: 102].

И все же, надо признать, стороны воспринимали идею учреждения технического вуза в фабричном районе с изрядной долей эйфории, не представляя до конца реальных трудностей на пути ее реализации. Всю сложность проблемы «москвичи» стали осознавать уже к 21 мая: на чрезвычайном собрании Иваново-Вознесенского губернского исполкома с представителями общественных, торговых, промышленных, технических и научных организаций рижан не было. Исследователям Е.И. Почиваловой и О.И. Койфману не удалось объяснить причины их отсутствия на столь важном совещании. Но по логике событий тех дней эти причины можно реконструировать. Во-первых, такой причиной могли послужить сведения из немецких газет о том, что некоторые факультеты института будут вновь функционировать в Риге, и с этой целью был объявлен прием студентов на 1918/19 учебный год. Об этом сообщал С.Г. Гуревич на заседании комиссии по обследованию возможности открытия института и членов организационной комиссии из Иваново-Вознесенска. Разумеется, эти известия внесли определенную организационную сумятицу в среде профессорско-преподавательского состава бывшего РПИ [Там же: 114]. Во-вторых, на их настроения повлияли обмен мнениями и общее решение членов Общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района, высказанные на собрании 20 мая 1918 г. Фабриканты и заводчики признали желательной организацию технического вуза: «1. <...> Общество может только подтвердить свое сочувствие всякому начинанию в этом направлении и признать принципиально приемлемым материальное содействие Общества такому начинанию; 2. <...> вопрос о размере материального содействия со стороны промышленных предприятий может быть разрешен лишь в областном масштабе, на соединенном заседании представителей всех Обществ фабрикантов и заводчиков области» [Там же: 102]. А дальше следовали сугубо прагматические и финансово-оправданные вопросы к организаторам Иваново-Вознесенского политехнического института: а) в каком составе Политехникум будет фактически переведен (число отделений, какие именно отделения)?

б) численный состав профессорской и преподавательской коллегии? в) предполагаемый численный состав слушателей Политехникума?

На наш взгляд, эти положения постановления Общества фабрикантов и заводчиков от 20 мая имели двусмысленный характер. С одной стороны, они свидетельствовали о рациональном подходе к решению проблемы: подо что давать деньги и в каком объеме. С другой стороны, выставлялось заранее невыполнимое условие: собрать представителей фабрикантов и заводчиков всей области для обсуждения и положительного решения данного вопроса. Причем в постановлении не давалось принципиального согласия ни на единовременную помощь для перевода института в г. Иваново-Вознесенск, ни на постоянные ежегодные субсидии наряду с казенными ассигнованиями на его содержание. Интересная деталь: постановление было принято единогласно и в пункте об избрании в состав делегации Общества на чрезвычайное заседание губернского исполкома 21 мая стояли фамилии его 8 членов. Однако на это заседание пришло лишь 4 избранных представителя Общества: П.Н. Дербенев, Н.Г. Бурьлин, Д.Г. Бурьлин и И.Д. Бурьлин. А.А. Зубков, С.Я. Фокин, И.Н. Зубков (младший) и К.Д. Курчанинов проигнорировали его [Там же: 103].

Что касается собрания фабрично-заводских комитетов предприятий города (20 мая), то и здесь идея перевода бывшего РПИ в Иваново-Вознесенск нашла сочувствие. А вот конкретные решения принятой резолюции наводят на мысль о пребывании профсоюзных активистов в плену иллюзий, некоторой оторванности от проблем, сгущавшихся над текстильной отраслью и грозивших резким падением уровня жизни местного рабочего населения, да и непониманием финансового бремени содержания нового вуза. Ими было принято следующее:

«1. Обложить все предприятия гор. Иваново-Вознесенска на расходы по организации и содержанию института по числу работающих в размере 10 рублей с каждого работающего и внести означенные деньги в кассу губернского исполнительного комитета;

2. Предложить губисполкому путем обязательного постановления обложить все промышленные предприятия Иваново-Вознесенского района подобным же налогом и разработать вопрос об обложении на эту цель торговых предприятий» [Там же: 104].

В пунктах 3—5 говорилось о мерах содействия в предоставлении помещений фабрик, их переоборудования и ремонта силами рабочих и технических сил предприятий, но подчеркивалось, что это не должно идти в ущерб для хода их работ. Речь шла и о добровольной денежной помощи со стороны рабочих через подписку в пользу Политехникума. Интересна реакция активистов фабзавкомов: за пункт № 8 постановления — «Обложить членов фабрично-заводских комитетов г. Иваново-Вознесенск, как таковых, по 10 рублей каждого» — за проголосовало 61 человек, против — 48 и воздержалось 18 человек [Там же: 104]. То есть в документе речь шла о единовременном пособии на устройство бывшего РПИ в г. Иваново-Вознесенск и то, если эта помощь не мешает деятельности самих предприятий.

Надо сказать, что в эти дни Иваново-Вознесенский исполнительный комитет начал сам понимать исключительную сложность финансового вопроса при решении задуманного мероприятия. Думаю, не без участия Наркомата просвещения и местных общественных сил. На чрезвычайном собрании губернского исполкома 21 мая была избрана организационная комиссия (11 человек) из представителей местной власти и общественных организаций региона. Ей поручались «общие заботы организационного и финансового

характера, агитация за необходимость перевода Политехникума и сбор денежных средств» [Там же: 106]. С особой остротой осознавалась необходимость казенного ассигнования вуза в г. Иваново-Вознесенск (телеграмма в Наркомат просвещения от 24 мая 1918 г.). Как видим, финансовый вопрос чрезвычайно обострился. Власти сконцентрировались на поиске денежных средств. Возможно, на это повлияло и молчание со стороны рижан на предложение о переезде в Иваново-Вознесенск. Тревога звучала в словах телеграммы в адрес руководства РПИ (от 24 мая): «Иваново-Вознесенский губернский исполнительный совет просит Совет профессоров высказать по этому вопросу свое определенное мнение» [Там же: 106].

Итак, в последнюю декаду мая 1918 г. приоритетным в деятельности Иваново-Вознесенского губернского исполкома и организационной комиссии по учреждению Политехникума было изыскание значительных финансовых средств, ибо их отсутствие грозило нарушить регулярные контакты с рижанами. Из сообщения организационной комиссии по учреждению Политехникума в адрес Общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района (от 24 мая): «представители Общества фабрикантов, присутствующие на заседании этой комиссии 21 мая, согласились взять на себя инициативу созвать в ближайшем будущем областной съезд фабрикантов и заводчиков для выяснения, какие средства могут последние отпустить на организацию в Иваново-Вознесенске Политехникума. Организационная комиссия просит Вас созвать областной съезд <...> для определения, какие средства могут быть ассигнованы как в виде временной, так и в виде постоянной ежегодной субсидии» [Там же: 107]. Были направлены телеграммы в города Владимирской и Костромской губерний в адрес соответствующих губернских Советов следующего содержания: «... Губисполком просит советские, общественные, научные, профессиональные, торговые, промышленные организации прислать своих представителей с постановлениями необходимости перевода Политехникума. Крайне необходимо предоставление постановления о сумме материальной единовременной и постоянной ему поддержки» [Там же: 107].

В Москву срочно выехала делегация из представителей местной власти и общественности Иваново-Вознесенска на третье заседание комиссии по обследованию возможности создания политехнического института в фабричном регионе. Примечательно, что на этот раз в составе делегации были представители Общества фабрикантов и заводчиков и Общества торгпромышленников (Н.Г. Бурьлин и И.И. Власов) [Там же: 107]. Совместное заседание представителей от РПИ и г. Иваново-Вознесенска состоялось 27 мая. Именно вопросы материально-технического и финансового характера были определяющими в его повестке. От их разрешения зависел исход переговоров. Отвечая на вопрос профессора В.К. Лебединского, И.Е. Любимов заверял собравшихся в том, что центральной и местной властью будет сделано все для нормального функционирования института, в частности обеспечения его оборудованием. С.Г. Гуревич проинформировал, что на содержание РПИ потребуется 2,5—3 млн рублей. По-видимому, названная сумма ивановцами была воспринята спокойно. Что касается вопроса продовольственного снабжения, то И.Е. Любимов и тут успокоил профессуру и представителей студенчества: «Иваново-Вознесенск не оазис, но, несомненно, о городе заботятся больше, ввиду обилия рабочих» [Там же: 108]. В итоге заседание приняло историческое решение: направить делегацию от рижан в г. Иваново-Вознесенск для прояснения ситуации на месте.

По сути, это инициировало процесс перевода вопроса об устройстве института (или его части) из сферы благих намерений в плоскость конкретных действий.

Делегация рижан, прибывшая в г. Иваново-Вознесенск, 30—31 мая провела за обследованием зданий и помещений, выделенных местной властью и общественностью для Политехникума. А 1 июня состоялось расширенное заседание Иваново-Вознесенского губернского исполкома с представителями РПИ. Местную власть представлял председатель (М.В. Фрунзе) и руководители отделов губернского исполкома (С.К. Климохин, Я.Я. Осипов, П.Д. Эклав, И.Е. Любимов, П.С. Батулин, В.А. Шетлер, Д.А. Фурманов и др.), то есть верхушка губернской власти. Присутствовали видные деятели Иваново-Вознесенского Совета и городского исполкома (П.М. Артамонов, В.П. Кузнецов, Н.А. Жиделев, П.А. Сакулинский и др.). Рижан представляли председатель Московского общества рижских политехников С.Г. Гуревич, известные профессора и преподаватели бывшего РПИ (Н.М. Озмидов, В.К. Лебединский, К.К. Блахер и др.). В докладе И.Е. Любимова (руководитель организационной комиссии) был сделан акцент на том, что имели место встречи в Москве с руководителями Наркомата просвещения на предмет материальной поддержки нового вуза. Все они признали необходимость организации в Иваново-Вознесенске высшего технического вуза и подтвердили, что в случае его учреждения он будет субсидироваться на общих для высших учебных заведений основаниях, вплоть до покрытия всех расходов по его содержанию в сметном порядке. Но в конце речи прозвучало следующее: «От Иваново-Вознесенского района, согласно обещаниям, уже данным нашими представителями, Комиссариат народного просвещения ожидает сбор известной суммы, достаточной для покрытия единовременных расходов до 3 млн рублей и ежегодной помощи в размере возможного» [Там же: 111—112].

Что цепляет взгляд из текста выступления И.Е. Любимова? Во-первых, стремление убедить рижан в государственной гарантии полного финансирования процесса учреждения в г. Иваново-Вознесенск политехнического института, что явно не соответствовало действительности. Это ясно прозвучало из уст И.Е. Любимова. Во-вторых, складывается мнение, что местные власти смогли выбить согласие центра на учреждение технического вуза, только убедив руководство Комиссариата в том, что им по силу оказать финансовую поддержку данному мероприятию. Тактически грамотно было выстроено выступление М.В. Фрунзе: он начал перечислять заявления с мест Владимирской и Костромской губерний о готовности ассигновать процесс учреждения вуза. И как бы между прочим заявил, что «из-за краткости срока откликнулась только часть района, но уже общая сумма материальной поддержки достигает 1.850.000 рублей» [Там же: 112]. Хочу обратить внимание на дипломатический ход высказываний М.В. Фрунзе и И.Е. Любимова, результатом которого стал перелом настроений делегации рижан в пользу переезда бывшего РПИ в г. Иваново-Вознесенск. Ими было заявлено, что курс на создание высшей технической школы твердый, обращение же к коллективу РПИ вызвано тем, что перевод данного вуза в г. Иваново-Вознесенск облегчает и ускоряет решение данной задачи. Возымела сильное действие на собравшихся финальная фраза из речи М.В. Фрунзе: «Если использовать Рижский политехникум не удастся, то необходимо использовать проявленную всем районом энергию, не откладывая вопроса на дальнейшее, и создать то, что можно» [Там же: 112—113]. Думается, что местная власть была хорошо проинформирована (возможно, по линии Исполкома студентов РПИ, членов Московского общества рижских политехников

и ряда преподавателей вуза) о стойком желании значительной части русскоязычной профессуры сохранить институтское сообщество, хотя бы его ядро, не важно, в столицах или в непосредственной близости от них.

В ответном выступлении С.Г. Гуревича было отмечено, что задача комиссии рижан «заключается в создании атмосферы, благоприятствующей разрешению вопроса о переводе в положительном смысле» [Там же: 113]. По его представлениям, речь идет о переводе части отделений бывшего РПИ, причем эти отделения должны сохранять тесное единение с Рижским Политехникумом путем приглашения его преподавателей в Иваново-Вознесенск, а также по необходимости задействовать и профессуру из других вузов Петрограда, Варшавы, Москвы [Там же: 114]. Он повторил мысль о невозможности Политехникума целиком переехать в Иваново-Вознесенск, но «та часть, которая будет в Иваново-Вознесенске, примет самое живое участие в нашем деле <...> Быть может, в переводе всего Рижского политехникума в Иваново-Вознесенск нет необходимости, так как Иваново-Вознесенская высшая техническая школа должна отвечать промышленному характеру края и особое внимание обратить на текстильное производство, возможно, придется открыть особый текстильный отдел» [Там же: 114]. При этом оратор ссылаясь на уникальные особенности Рижского политехникума. В заключении С.Г. Гуревич подчеркнул, что «вопрос о материальной поддержке может быть разрешен только местными силами. Начало в этом отношении пока благоприятное» [Там же: 114].

Отметим при этом дипломатические способности С.Г. Гуревича на посту председателя комиссии по обследованию возможности создания политехнического института в фабричном регионе в этот период. Проявлялись они в том, что он одновременно склонял власть и общественность Иваново-Вознесенского района к мысли о возможности перевода лишь некоторых отделений бывшего РПИ, и в то же время тактично не вмешивался в действия ректора Политехникума П.И. Вальдена и поддерживавшей его части профессуры по реэвакуации института в г. Ригу с частью имущества РПИ. Поддерживал тесную связь с Исполкомом студентов РПИ и общественностью текстильного района. Он целеустремленно продвигал идею о том, что переводимый в г. Иваново-Вознесенск вуз не будет аналогом бывшему РПИ ни по структуре, ни по кадровому составу, ни по форме и содержанию взаимоотношений власти и общественности. А эти обстоятельства, по сути, приведут к появлению нового вузовского учреждения: не учено-учебного, а практически-образовательного формата, не универсального, а узко-технологического (текстильного) характера обучения.

Надо сказать, что стороны услышали друг друга. Значимость этого совещания заключалась в четкой фиксации подходов в отношении учреждения высшей технической школы в г. Иваново-Вознесенске. Так, комиссия рижан произвела рекогносцировку на месте, начала переговорный процесс с принимающей стороной. Кстати, В.К. Лебединский, один из членов комиссии, постарался перевести его в практическую плоскость: предложил ускорить процедуру открытия вуза в г. Иваново-Вознесенске, чтобы занятия в нем начались уже в сентябре-октябре 1918 г. Он заявил, что нужно исходить из тех денежных средств, которые уже имеются, причем предоставить организационной комиссии право пользоваться фондом по учреждению Иваново-Вознесенского Политехникума для покрытия ею текущих расходов [Там же: 116]. Предложение об учреждении такого фонда исходило от И.И. Власова. Местные власти

поддержали эти предложения, что нашло подтверждение в принятом постановлении совещания от 1 июня 1918 г. [Там же: 117].

С принятием этого документа началась практическая работа по организации Иваново-Вознесенского политехникума. Заметим, что местные власти готовы были финансировать деятельность организационной комиссии без каких-либо гарантий с ее стороны принятия окончательного решения о переезде института в г. Иваново-Вознесенск. В этом проявлялась максимальная гибкость их во взаимоотношениях с членами комиссии рижан [Там же: 116—117]. Из статьи газеты «Рабочий край» за 9 июня 1918 г. об исторической значимости решений совещания 1 июня: «... председатель Московского Общества рижских политехников С.Г. Гуревич заявил от всей комиссии о том, что в Иваново-Вознесенске нашлись все условия, вполне подходящие для создания высшего технического учебного заведения, как-то: единодушное и активное отношение к этой идее всех групп населения всего района, наличие условий, дающих полную уверенность. Материальная основа организации также быстро создается, что видно из уже произведенных на это дело взносов, наличие достаточного количества помещений, вполне приемлемых для размещения института, и что благодаря этому создание в Иваново-Вознесенске втуза вполне обеспечено. Он считает день настоящего собрания днем основания в Иваново-Вознесенске высшего технического учебного заведения и поздравляет собрание с его основанием».

Список источников

Имена улиц г. Иваново. 2-е изд. Иваново: Издательство Иваново, 2012. 188 с.

Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1918. 9 июня

Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1924. 6 января

Список литературы / References

Почивалова Е.И., Койфман О.И. История становления высшей школы в Иваново-Вознесенске / науч. ред. К.Е. Балдин. Иваново, 2010. 271 с.

(Pochivalova E.I., Koifman O.I. The history of the formation of the higher school in Ivanovo-Voznesensk, scientific ed. by K.E. Baldin, Ivanovo, 2010, 271 p. — In Russ.)

EFFORTS OF THE AUTHORITIES, REPRESENTATIVES OF THE B. FIR AND THE TEXTILE REGION COMMUNITY TO MAKE A JOINT DECISION ON THE NEED TO ESTABLISH A HIGHER TECHNICAL SCHOOL IN IVANOVO-VOZNESENSK (SPRING 1918)

Yuri A. Ilyin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru

Abstract. Thanks to the serious research work of I.E. Pochivalova and O.I. Koifman, the need for further development of the question posed by us has only intensified. In the article offered to readers, an attempt is made to deepen the analytical approaches of researchers to the problem of rooting in the circles of Soviet power, representatives of the b. FIR and the public of the textile region of the idea of creating a system of higher education in the city of Ivanovo-Voznesensk.

The motives and reasons for the split of the teaching staff on the issue of moving to Ivanovo-Voznesensk are revealed. The transformation of the university into a narrowly

specialized higher educational institution and the direct interest of the local authorities in this process is shown at the mental level. The significance of the decisions of the joint meeting on June 1, 1918, which put an end to doubts about the importance of a positive solution to this issue, is revealed.

Keywords: the Soviet government, the commission on the survey of the possibility of creating a polytechnic institute, the faculty of the RPI, the Moscow Society of Riga Polytechnics, the public of the textile region, N.G. and D.G. Burylin, S.G. Gurevich, M.V. Frunze, I.I. Vlasov

For citation: Ilyin Yu.A. Efforts of the authorities, representatives of the b. FIR and the public of the textile region to make a joint decision on the need to establish a higher technical school in Ivanovo-Voznesensk (spring 1918), *Bulletin of the Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 116—130.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 19.01. 2024.

The article was submitted to the editorial office 28.04.2023; approved after review 16.10.2023; accepted for publication 19.01.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Ильин Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

Ilyin Yuri Alexandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Russian History, Institute of humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 131—140.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 131—140.

Публикация

УДК 372.893:378.4(091)(004)

DOI: 10.46726/И.2024.1.13

ИЗ ПИСЕМ К.Д. АВДЕЕВОЙ К Н.В. РЕВЯКИНОЙ (ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПУБЛИКАЦИЯ)

Нина Викторовна Ревякина, Владимир Михайлович Тюленев

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
rev85@mail.ru, tyulenev.vl@yandex.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается несколько фрагментов писем профессора Ивановского государственного университета К.Д. Авдеевой, адресованных Н.В. Ревякиной. Письма относятся к началу 1980 — концу 1981 г., то есть ко времени, когда К.Д. Авдеева только приехала из Ленинграда в Иваново и начала свою деятельность в университете. Письма позволяют увидеть, с какими сложностями столкнулась К.Д. Авдеева в провинциальном вузе, каким образом пыталась по-новому организовать учебный процесс, над какими новыми курсами размышляла. Некоторые эпизоды писем дают возможность увидеть внутреннюю жизнь исторического факультета начала 80-х годов прошлого века, столкновение различных позиций и интересов. Самое главное, о чем следует сказать, письма позволяют восстановить психологический портрет их автора, человека целеустремленного, решительного, деятельного.

Публикация писем приурочена к юбилею Ивановского государственного университета, которое отмечается в 2024 г., а также грядущему столетию со дня рождения Клавдии Дмитриевны Авдеевой (1925—1995).

Ключевые слова: письма, Ивановский университет, историческое образование, Авдеева, медиевистика

Для цитирования: Ревякина Н.В., Тюленев В.М. Из писем К.Д. Авдеевой к Н.В. Ревякиной (вступительная статья, публикация) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 131—140.

В юбилейный для Ивановского университета год вполне логичным выглядит стремление обратиться к тем или иным этапам прошлого *alma mater*. При этом мы убеждены, любая история (страны, города, школы...) не обязательно должна писаться крупными мазками и поражать читателей масштабом событий. История чаще всего складывается из повседневных хлопот конкретных людей с их мечтами, планами, попытками их реализации. Обращение к фрагментам исторического полотна, всматривание в его детали порой может оказаться гораздо интереснее общего взгляда на само это полотно. Думая о благотворности такого подхода, вполне отвечающего принципам микроистории [Шартъе: 193], а также стремясь сохранить память о том, как переживалось становление университета непосредственными участниками этого долгого и нелегкого процесса, мы решили опубликовать фрагменты писем Клавдии

Дмитриевны Авдеевой (1925—1995)¹, доктора исторических наук, заведующей кафедрой истории древнего мира и средних веков Ивановского государственного университета. Эти письма адресованы ее коллеге, Нине Викторовне Ревякиной, жившей и трудившейся в период переписки в Новосибирске.

Клавдия Дмитриевна принадлежала к числу тех преподавателей исторического факультета, чей приезд в Иваново позволил укрепить кадровый состав молодого университета. Получив образование в Ивановском педагогическом институте (руководителем ее дипломной работы был А.П. Каждан, тогда еще начинающий византинист и только много позже ставший светилом мирового византиноведения)², К.Д. Авдеева уехала в Ленинград, где защитила две диссертации: кандидатскую в 1951 г. и докторскую в 1973 г. И вот, осенью 1979 г. уже в статусе профессора она вернулась в Иваново и была принята на работу в университет, где проработала до весны 1995 г.

Письма, фрагменты из которых мы публикуем, относятся примерно к тому времени, когда Клавдия Дмитриевна была принята в штат университета. Нужно сказать, что в ведении переписки она не всегда следовала эпистолярному этикету и письма свои не датировала. Поэтому остается только предполагать, в какое время то или иное послание было составлено. Где-то это не трудно сделать, например, указание на 29 февраля в первом отрывке позволяет датировать письмо началом високосного 1980 г. Московская стажировка, которой посвящено несколько абзацев, длилась, судя по материалам личного дела К.Д. Авдеевой, с 15 сентября по 15 декабря 1981 г., тогда же состоялась упомянутая в одном из фрагментов защита докторской диссертации Аделаидой Анатольевной Сванидзе, и письмо было составлено по горячим следам. В 1982 г. Н.В. Ревякина, адресат публикуемых писем, уже приехала в Иваново, поэтому все послания укладываются в промежутки от начала 1980 до начала 1982 г.

Так вот, письма Клавдии Дмитриевны, составленные в 1980—1982 гг., позволяют увидеть, как она, приглашенный в университет профессор, втягивалась в новую работу, привыкала после почти столичного Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена к провинциальному вузу, его традициям, ритму жизни. Читатель сам может почувствовать, как Клавдия Дмитриевна раз за разом обращалась к теме своего переезда, говоря о своей постепенной акклиматизации, признаваясь, что не разочарована в сделанном выборе в пользу Иванова (а значит, продолжала думать о целесообразности переезда), что «трудностей оказалось больше, чем ожидалось», что библиотеки к Иванову «довольно бедные» и т. д. В то же время фрагменты писем при всей их краткости рисуют портрет Клавдии Дмитриевны как человека целеустремленного и решительного. И наши коллеги, заставшие К.Д. Авдееву, преимущественно такой ее и помнят. Явно обращает на себя внимание использование военной лексики в письмах: «деятельность в университете <я> начала с маленькой войны», «создать перелом не удалось, а для действий “развернутым фронтом” нужна подготовка». Немало резких оценок и по поводу «организационной неразберихи», и по поводу «не самой блестящей» обстановки на факультете. При всем этом письма показывают, как Клавдия Дмитриевна стремилась перестроить обучение студентов-историков, с одной стороны, повышая к ним дисциплинарные требования (как видно, не всегда это приводило к успехам, и на вечерников пришлось ей «махнуть рукой»), с другой стороны, — предлагая

¹ Публикуемые письма К.Д. Авдеевой находятся в личном архиве Н.В. Ревякиной.

² Краткую биографическую справку о К.Д. Авдеевой см. [Тюленев].

им новые учебные курсы, сознавая при этом, как изменились студенческие предпочтения в пользу вопросов идеологии и в целом культуры.

Некоторые письма посвящены работе К.Д. Авдеевой в Москве, где она во время стажировки готовила материалы ко второму тому знаменитой «Истории крестьянства в Европе» [История крестьянства]. Эти фрагменты не только показывают исследовательскую работу ивановского профессора вне стен университета, но и дополняют психологический портрет автора, показывая его человеком требовательным к себе и своим коллегам. Если продолжать тему психологического портрета, то можно заметить, что Клавдия Дмитриевна часто обращалась к своему внутреннему Я, сетуя, в частности, по поводу тех особенностей своего характера, которые не позволяли ей быстро сходить с людьми.

Какие-то события, упомянутые в публикуемых отрывках писем, могут быть не до конца ясны, особенно тем читателям, которые не застали перемен на историческом факультете рубежа 1970—1980-х годов. Поэтому стоит, на наш взгляд, дать небольшие пояснения. Не раз касаясь в письмах разделения кафедр, Клавдия Дмитриевна имела в виду реорганизацию кафедры всеобщей истории и выделение из нее двух самостоятельных подразделений: кафедры истории древнего мира и средних веков, которую она и возглавила, и кафедру новой и новейшей истории, заведующим которой стал И.Я. Биск. «Воеводством» же, на которое Клавдию Дмитриевну, по ее словам, отправили, она называет заведование кафедрой истории советского общества: Клавдия Дмитриевна, будучи профессиональным медиевистом, специалистом по аграрной истории средневековой Англии, действительно, возглавляла «непрофильную» кафедру в течение 1980/81 учебного года, после чего перешла уже на созданную в июле 1981 г. кафедру истории древнего мира и средних веков. Тоже определенный штрих к истории становления университета...

Предпоследнее, о чем хотелось бы сказать. Некоторые суждения К.Д. Авдеевой о коллегах (кстати, не только об ивановских, но и о московских) могут показаться чересчур резкими, однако мы решили не вымарывать их из текста писем. Во-первых, это было бы непрофессионально и нечестно и искажало бы если не само прошлое, то уж точно портрет автора. Во-вторых, часто именно столкновение разных характеров, висящее в воздухе напряжение заставляло искать что-то новое в организации факультетской жизни, возможно, заставляло меняться самих людей; читатель же, в свою очередь, должен понимать, что жизнь сложнее, а потому интереснее той версии, которая обычно отражена в отчетах и «юбилейных материалах».

Закончить же наше краткое предисловие хотелось бы фразой, завершающей последний из публикуемых фрагментов. В ней, на наш взгляд, в полной мере отразилось отношение Клавдии Дмитриевны к себе и своему долгу, и такому отношению можно только завидовать: «Работы много, и это хорошо. Люблю работать, даже если приходится делать не совсем то, что хотелось бы».

ИЗ ПИСЕМ К.Д. АВДЕЕВОЙ

... О себе и многое могу сказать, и ничего. Прочитала всего одну лекцию, поэтому впечатлений еще мало. Сегодня иду на вторую встречу со студентами (вечернего отделения). Деятельность в университете начала с маленькой войны по поводу несправедливого распределения нагрузки. Обещали 29 февраля поставить вопрос на Совете ф-та, затем выйти с ходатайством в ректорат. Что выйдет, не знаю, но кое-кого это уже задело.

Зав. кафедрой, под началом которого я пока состою, очень осторожный (и, по-моему, «себе на уме») человек. От меня он получил полную информацию обо всем, что интересует его, а я о нем, если что и знаю, то лишь из других источников. Мои будущие «подданные» — не самые авторитетные люди на факультете, контактов с ними пока не установила, я ведь вообще туго иду на новые контакты.

Библиотеки в городе и университете довольно бедные, но кое-что есть уже для самостоятельной работы студентов.

Сейчас сижу на партийном собрании по итогам зимней сессии, слушаю доклад и думаю: куда я попала и зачем? Картина вырисовывается удручающая, особенно на вечернем и заочном отделениях. И много организационной неразберихи.

Но я не жалуясь. Все-таки здесь уже интереснее: я получила спецкурс, спецсеминар, курсовые работы, от дипломников пока отказалась до лучших времен.

***

... на работе у меня относительно благополучно. Со студентами дневного отделения контакт налажился, хотя они страшно недисциплинированы, но в этом повинны администрация и преподаватели. Я проявила твердость, и теперь у меня отсутствует не более 1—2 человек, которые перед следующей лекцией отчитываются за пропущенную. А на вечернем отделении мне пришлось пока примириться с создавшимся положением, так как одной создать перелом не удалось, а для действий «развернутым фронтом» нужна подготовка.

Я читаю спецкурс «Социальные утопии в средние века». Прочитала древнегреческие утопии и раннее христианство как исток средневековой утопии. Очень застряла на последнем. Сейчас идут средневековые ереси как форма социальной утопии. Расскажу о катарах, вальденсах, Иоахиме Флорском, Дольчино, лоллардах, народной утопии и, если успею, еще <приведу> 2—3 конкретных примера. А в будущем году мыслю на базе этого спецкурса провести спецсеминар с докладами на темы, обеспеченные источниками (табориты, Мор и др.). Нынешний спецкурс будет как бы введением к спецсеминару.

Еще разрабатываю попутно спецкурс «Шекспировская Англия», который может быть введением к спецсеминару «Шекспир и история». Но это лишь проект на будущий год.

Меня очень заинтересовал Ваш спецкурс «Человек и природа...». Была бы рада получить от Вас нечто вроде развернутого плана-проекта, может быть, когда-нибудь я к этой теме обращусь, и, может быть, мы смогли бы взаимно помочь друг другу и создать общий проект. Меня, конечно, очень соблазняет моя аграрная тематика, но, зная общее настроение студентов, я как-то не рискую с ней выступить.

Кстати, чуть не забыла: вопрос о разделе кафедр временно остался открытым, так как ректор перед отъездом в отпуск не подписал бумаг, сказав: «Подождите немного». Я подозреваю, что он боится, как бы я не сбежала, оставив кафедру без руководства, как это сделал проф. <В.В.> Пугачёв на кафедре истории СССР. Перед отъездом ректор встретил меня и спросил, как я акклиматизировалась, на что я ответила, что еще не очень. Видимо, это меня и спасло: очень не хочу на «воеводство», и, если бы удалось оттянуть сей миг, была бы рада.

Скучать мне здесь некогда, хватает деловых и «бытовых» контактов, но духовной близости маловато, недостает общения на почве интеллектуальных интересов. Интересных в этом плане людей встречаю, но для того, чтобы наладить контакты с ними (или с кем-то другим, подобным им), нужен соответствующий настрой и микроклимат, а я совсем нелегко схожусь с людьми. Надеюсь, что мне удастся все-таки преодолеть и этот «психологический барьер». Очень удручили меня некоторые из прежних друзей и знакомых тем, что рано состарились душой и «приземлились» в своих интересах и запросах. Издали это не так бросалось в глаза.

***

... понемногу акклиматизируюсь, студенты как студенты; на вечерников я «махнула рукой», читаю им курс, ходят не хуже, а лучше, чем на некоторые другие лекции, а организовать отчет их по пропущенным лекциям так и не удалось. На дневном же отделении мой «поток» (21 чел.) слушателей спецкурса мне нравится. Удалось заставить их (и этим здесь приходится заниматься) ходить на лекции, кажется, их устраивает то, что я даю. Не знаю, сколько желающих будет в мой спецсеминар в будущем году, но надеюсь, что желающие найдутся.

Очень много проблем связано с организацией учебного процесса. Сказывается то, что университет новый, коллектив очень вырос за 2—3 года и не сложился в слаженный организм. Нет единых требований к студентам, а в чем-то даже представлений, чему и как учить. С большими трудностями я встрети-лась при руководстве курсовыми работами — студенты понятия не имеют, что это такое, хотя на первом курсе уже писали.

Боюсь, что своей активностью я нагоняю страх на деканат, методиче-скую комиссию, зав. кафедрой и коллектив. Стараюсь не производить впечат-ление «новой метлы», но не могу сидеть тихо и молчать, когда затрагиваются интересы студентов.

К счастью, вопрос о разделе кафедр остался открытым, хочу верить, что год проживу под эгидой новых историков. Это не мешает мне работать с коллегами по волнующим меня проблемам, но освобождает от обременитель-ных заседаний и, главное, множества бумаг.

А в общем трудностей оказалось больше, чем я ожидала, но работать можно и в чем-то интереснее, чем в Ленинграде. Сейчас сижу на студенческой научной конференции. Доклады по средним векам — «на уровне», юноша с вечернего отделения даже использовал английскую и итальянскую литера-туру о Дольчино. Итальянский язык изучает самостоятельно. Но это — не пра-вило, к сожалению, а исключение.

***

... я понемногу акклиматизируюсь. Домашнее благоустройство мое огра-ничилось приобретением раскладушки и кухни: есть, где спать, работать и есть. Большая комната совсем пуста — ее украшает только бра на стене. Вчера пришлось купить кровать, так как в субботу мне привозят маму. Она совсем плоха, не может даже подняться... Туго мне придется не из-за того, что придется ухаживать за мамой, а из-за того, что из-за сострадания к ней окончательно поте-ряю душевный покой, который и сейчас не на самом высшем уровне: потре-буется время, чтобы я окончательно привыкла, перестала остро скучать по дому.

И все-таки я не жалею о своем шаге, особенно, когда вспоминаю, от чего я «бежала». Здесь я нашла единомышленников, одинаково со мной понимаю-щих задачи и методы работы со студентами. Правда, обстановка на факультете

не самая блестящая, руководит им человек глубоко равнодушный, но почтенный в глазах ректората из-за своего титула (проф.), коллектив в последние годы очень вырос за счет людей часто случайных и не успел сплотиться. Мои единомышленники «опустили крылья», но мой приезд вдохновил их, и они рассчитывают мой авторитет использовать в целях поднятия авторитета собственных позиций. Кое-что уже удалось обговорить на Совете.

Сейчас идет раздел кафедр, к сожалению, не очень гладко: приходится отстаивать позиции античности и медиевистики и внушать уважительное отношение к ним. Зав. кафедрой всеобщей истории — И.Я. Биск — претендует на то, чтобы оставить себе всех дипломированных коллег, не считаясь с их научной квалификацией, и закрепить в полтора раза больше ставок (при равном объеме работы по учебному плану). Мне пришлось заявить протест, меня как будто поддержала администрация (на словах, не знаю, что будет на деле) и общественность. В начале апреля вопрос будет поставлен на Совете факультета, затем пойду в ректорат и Министерство.

***

... в университете пока занимаюсь бумагами. Кафедру приняла в состоянии весьма плачевном, еще яснее мне стало, что на факультете порядок надо наводить во всех звеньях, а желающих делать это не так много. Тоскливо без студентов — они спасают урожай, неизвестно, долго ли это продлится; наши надежды, что учебный год начнется в октябре, не оправдались. На «фронте» все, даже 5 курс и все вечернее отделение. Как будем писать дипломы, не представляем.

Мне предстоит читать спецкурсы «Шекспировская Англия» и «Социальные утопии в средние века» на дневном и вечернем отделении, вести спецсеминар по Возрождению и общий курс. А вообще-то в связи с моей новой ролью мне, кажется, должны были бы сократить нагрузку, но все об этом молчат, я тоже.

P.S. В коллективе отношения у меня весьма хорошие. Все мне сочувствуют (в том, какое хозяйство я приняла, нет секрета ни для кого) и по мере сил стараются если не помочь, то не мешать. С И.Я. мне пришлось встретиться в коридоре лишь дважды. На ту кафедру я не захожу.

***

... в целом же я здесь уже прижилась, о ленинградском поприще вспоминаю редко и без сожаления. Коллектив здесь не очень творчески мыслящий и ставящий всякие проблемы, но в целом доброжелательный, и меня «приняли», отношения в рамках кафедры и факультета хорошие.

Сейчас у меня новое увлечение — разрабатываю спецкурс и спецсеминар, которые рассчитываю на «западников» и «русистов»: «Россия в системе международных отношений в XVI—XVII вв.» и «Россия XVI—XVII вв. глазами иностранцев». Удивилась, как далеко ушли историки-русисты с 50-х годов в разработке отечественной истории этого периода. Читаю их труды с большим интересом.

Моя административная деятельность не очень меня обременяет, если не считать бумаг, планов, отчетов и т. п., перед которыми я теряюсь.

***

... в целом я не жалею, что уехала из Ленинграда, и верю, что, несмотря ни на что, впереди у меня интересная работа. Мне уже удалось кое-что, хотя и не так много, как хотелось бы.

***

... у меня все более или менее нормализовалось, хотя вопросы, поставленные мною в прошлом году, нельзя считать решенными до конца. И.Я. Биск, с которым я вступила в конфликт, сейчас сама любезность, я плачу взаимностью, отложив решение конфликта «до лучших времен», ибо сейчас все разговоры впустую.

Я Вам летом говорила, что мне дали чужую кафедру, о «воеводстве» на ней я и написала Вам. Дело мне далекое, но, надеюсь, поможет мне войти в курс и «во вкус» административной работы; что касается вкуса, то его, видимо, никогда не будет. Сейчас читаю общий курс, спецкурс «Шекспировская Англия» и веду спецсеминар «Социальные утопии в средние века». Новые разрабатывать некогда.

***

... жизнь моя в Москве сводится к великому сидению в библиотеках — с утра до вечера. Совсем увязла в плугах, зерновых и прочих культурах, удобрениях и т. п. — дорабатываю, а точнее пишу заново главу, когда-то написанную С.Д. Сказкиным для «Истории крестьянства».

Других событий мало. На прошлой неделе была защита А.А. Сванидзе, — на редкость неинтересная, хотя М.М. Фрейденберг с трибуны заявил, что давно уже не помнит столь живой и плодотворной дискуссии. Очень бойко, но не очень, на мой взгляд, <по делу> говорила «подзащитная» и очень бессодержательно двое из трех оппонентов. На фоне остальных лучше смотрелся С.М. Стам.

Завтра открывается трехдневный коллоквиум историков ГДР и наших историков. Предполагается 12 докладов по формам ренты и классовой борьбе крестьян в классическое средневековье, среди них — Е.В. Гутновой, Ю.Л. Бессмертного и А.А. Сванидзе.

В МГУ чувствую себя очень неудобно, хотя никто нас не терзает — полная свобода действий. На кафедре жизнь отнюдь не бьет ключом, заходила туда дважды — никого не застала. Н.А. Хачатурян «поймала» на защите Сванидзе. 20/X они обсуждают докторскую диссертацию <В.Л.> Керова. Тема мне интересна в связи с моим спецкурсом по социальным утопиям. От кого-то слышала, что это уже вторая попытка его защититься.

Вчера вернулась от Мэри Лазаревны <Абрамсон> — печатала у них свое великое творение — первый вариант переделанной главы.

Стараюсь по возможности, чтобы жизнь не прошла мимо. Жалею, что только один раз попала на выставку «Москва — Париж», многое хотелось бы посмотреть еще, тем более что было очень многолюдно. Скоро должны привезти сюда из Ленинграда выставку «От Мане до Матисса», 56 картин из музеев Франции.

***

...Я уже пять дней в Москве. Улеглась суета с устройством, и можно написать Вам. Вместо 1/X меня отправили на стажировку 15/IX. Собиралась в спешке, но это даже лучше, так как занятий в университете все равно нет, а в конце года мне надо быть там для всяких отчетов.

Сижу в библиотеке, уже паникую, что не успею написать заново главу (в «соавторстве» с С.Д. Сказкиным), потому намерена сидеть над ней

даже по воскресеньям, пока смогу. Даже в Ленинград не собираюсь, хотя соблазн очень велик.

В университете у меня все очень хорошо (пока). Мои «подопечные» полны энтузиазма. Не знаю, во что это выльется и насколько их хватит. И.Я. Биск бьет тревогу, оказывается, ему не хватает нагрузки на 7 человек. Я великодушно согласилась отдать ему часть работы, но уточняться все это будет, наверное, без меня (даже и лучше).

***

... третий день я в Москве, пользуюсь гостеприимством М.Л. и Д.Л. <Абрамсонов>.

Вчера был доклад М.Л. <Абрамсон> на конференции в МГУ, а сегодня мой.

От конференции впечатление, как от калейдоскопа: по 12+15 сообщений утром и вечером. Поэтому каждому дают 10—12 минут, можно представить себе, каковы возможности каждого докладчика проявить себя и показать «товар лицом». Я успела сказать примерно 2/3 того минимума, который приготовила; М.Л. проявила большую стойкость и, превысив регламент на 4 минуты, сказала все, что хотела. По-настоящему интересных сообщений не так много, больше из уст молодежи. Из «стариков» интереснее всех мне показался доклад Г.Л. Курбатова о византийском городе VIII—IX вв. по данным археологических раскопок (не наших, разумеется).

***

... Вы меня спрашиваете, не хочу ли я вернуться в Ленинград. Не знаю, хочу или нет, но твердо знаю, что, пока способна работать, буду сидеть в Иванове, бывая в Ленинграде наездами. Я плохо представляю себе ближайшие после стажировки планы. Они будут зависеть от обстановки, какую я найду в Иванове, как в университете, так особенно дома.

Через два часа еду в Москву, там завтра «Косминские чтения», доклады Л.А. Котельниковой и Ю.Л. Бессмертного. Рассчитываю написать рецензию для «Средних веков» и кое-что посмотреть для спецкурса. Так вот и прошла моя стажировка практически впустую. Заела житейская проза. А интерес и вкус к работе еще не прошел, поэтому обидно вдвойне.

***

... очень суматошная жизнь в глухой провинции, время течет, ничего не успеваю сделать.

Самое главное: ощущение того, что я вживаюсь прочно, чувствую себя все больше дома. Как в любой семье — «не без урода», но это уродство перестало меня больно затрагивать, хотя не могу похвастать, что не трогает совсем.

Посылаем на этой неделе в Министерство документы на разделение кафедр. У меня как-то появилась надежда, что на сей день бюрократическая машина работает в нашу пользу. Кажется, удалось убедительно обосновать необходимость раздела.

Мое «воеводство» на чужой мне кафедре развивается успешно. Мои «верноподданные» настроены по отношению ко мне не просто лояльно, но вполне дружелюбно.

Увлечлась я новой идеей, навеянной мне пребыванием на кафедре отечественной истории: разработать спецкурс «Россия и Запад в XV—XVII веках» (или «Русское государство в системе международных отношений») и спецсеминар

«Россия XVI—XVII веков глазами иностранцев». Достоинство последнего в том, что есть в Иванове немало источников. Этим я и занимаюсь с ноября.

***

... в Москве я успела все для «Истории крестьянства», но ничего для себя. Главу о технике сельского хозяйства решили дать под моим именем, так как у С.Д. <Сказкина> практически ничего взять было невозможно.

Решила я все-таки попробовать на студентах своих английских мужиков. Буду читать спецкурс во 2 семестре на дневном отделении. Может быть, удастся заинтересовать кого-нибудь.

***

... после Вашего отъезда я сдала в наш РИО два своих пособия: программу и методические указания, а также спецкурс «Сельская Англия» (1 п.л.) и перевод из «Книги Страшного суда» и «Сотенных свитков» (одна и та же сотня — хорошо сравнивать) — 3 п.л. Приняли без слов, обещали не очень держать и принять продолжение (3 п.л.) через несколько месяцев в этом же году. Такие же пособия запланировали на текущий год еще двое «моих» — А.З. Чернышева (по хеттам) и Н.П. Денисенко (по Испании).

С Л.В. Венкстерн я говорила. Она встретила спокойно, может быть, потому, что готовилась к отказу ей в праве подавать на переизбрание (слух об отправке на пенсию дамы с филфака, о чем говорил нам начальник отдела кадров, уже дошел до Л.В., и она сделала для себя преждевременный вывод). Я сказала ей, что хотела бы сохранить ее до возвращения из аспирантуры Марины, то есть еще 2,5 года; по-моему, она искренне, а не только на словах рада этому. Я задумала еще одну перестановку в кадрах, но пока это очень смутно, и никому не заикаюсь. Кажется, это реально — я везучая. Хорошо было бы — всем на пользу и ко всеобщему удовольствию. Напишу подробнее, когда прояснится.

Начала читать курс, почувствовала, как соскучилась по этой работе. Через две недели выхожу к студентам с английскими мужиками — трепещу.

Работы много, и это хорошо. Люблю работать, даже если приходится делать не совсем то, что хотелось бы.

Список литературы / References

- История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: в 3 т. М.: Наука, 1985—1986.
(The history of the peasantry in Europe. The Era of Feudalism: in 3 vols, Moscow, 1985—1986. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Вместо предисловия. Памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой (1925—1995) // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Вып. 8. 2016. С. 3—7.
(Tyulenev V.M. Preface: In memory Clavdia Dmitrievna Avdeeva (1925—1995), *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, vol. 8, 2016, pp. 3—7. — In Russ.)
- Шартъе Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // *Одиссей. Человек в истории*. 1995. М., 1995. С. 192—205.
(Charter R. History Today: Doubts, Challenges, Suggestions, *Odysseus. Man in History*. 1995, Moscow, 1995, pp. 192—205. — In Russ.)

**FROM THE LETTERS OF K.D. AVDEEVA TO N.V. REVYAKINA
(INTRODUCTORY ARTICLE, PUBLICATION)*****Nina V. Revyakina, Vladimir M. Tyulenev***Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
rev85@mail.ru, tyulenev.vl@yandex.ru

Abstract. Readers are invited to get acquainted with several fragments of letters from Ivanovo State University professor C.D. Avdeeva, addressed to N.V. Revyakina. The letters date back to the beginning of 1980 — the end of 1981, to the time when K.D. Avdeeva just arrived from Leningrad to Ivanovo and began her activities at the university. The letters provide insight into the difficulties K.D. Avdeeva faced, at a provincial university, how she tried to organize the educational process in a new way, what new courses she was thinking about. Some episodes of letters provide an opportunity to see the inner life of the Faculty of History in the early 80s of the last century, the clash of different positions and interests. The most important thing that should be said is that letters allow us to restore the psychological portrait of their author, a purposeful, decisive, active person.

The letters' publication is timed to coincide with the anniversary of Ivanovo State University, which is celebrated in 2024, as well as the upcoming centenary of the birth of Claudia Dmitrievna Avdeeva (1925—1995).

Keywords: letters, Ivanovo University, historical education, Avdeeva, medieval studies

For citation: Revyakina N.V., Tyulenev V.M. From the Letters of K.D. Avdeeva to N.V. Revyakina (Introductory article, publication), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 131—140.

Статья поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 22.01.2024.

The article was submitted 21.12.2023; approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 22.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Ревякина Нина Викторовна — доктор исторических наук, профессор Межвузовского центра гуманитарного образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, rev85@mail.ru

Revyakina Nina Viktorovna — Doctor of Sciences (History), professor of the Inter-university center of arts education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, rev85@mail.ru

Тюленев Владимир Михайлович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия tyulenev.vl@yandex.ru

Tyulenev Vladimir Mikhailovich — Doctor of Sciences (History), Head of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, tyulenev.vl@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 141—148.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 141—148.

Научная статья

УДК 111

DOI: 10.46726/И.2024.1.14

МЕТАОНТОЛОГИЯ КАК ЛЕГО-ФИЛОСОФИЯ

Леонид Джоржович Петряков

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны МО РФ,

г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru

Аннотация. Онтология — первый раздел философии, её аксиоматика, основа мировоззрения многих поколений людей. Однако в философии существует не одна, а множество онтологий, основанных на объектном, субъектном, событийном, системном и других взглядах на мир. Существует проблема сведения воедино различных моделей (схем) онтологии. Они предполагают разные взгляды на мир, разные «перспективы» предмета познания. Видя мир по-разному, они, тем не менее, описывают его понятиями универсального научного языка. Очевидно, эти понятия, будучи включёнными в разные онтологические системы, получают различную предметную интерпретацию в этих системах. В информационных науках для решения проблемы взаимосвязи двух онтологий предлагается использовать восхождение к общим, родовым концептам «гиперникам». Наш подход не требует этого. Для того чтобы обеспечить трансляцию знаний между различными онтологиями и шире — взаимопонимание между людьми, мы предлагаем использовать обратимость понятий друг в друга по А.И. Уёмову, при сохранении их предметности. А также трансформацию предметности общего понятия из качественного — в количественное и обратно. Таким образом, мы создаём метаонтологию как систему методов перехода от «многомирия» к межпредметному единству, позволяющему строить новые философские системы на основе известных «блоков» и правил, подобно конструктору «Лего». Проведённое исследование позволило сделать ряд выводов, в частности, о переходе проблемы одной онтологии в термины другой, возможности построения универсальных концептов «лего» для создания новых онтологий и осуществления взаимосвязи существующих и т. д.

Ключевые слова: онтология, метаонтология, дискурсивный концепт, абдукция, легио-философия, трансляция знаний

Для цитирования: Петряков Л.Д. Метаонтология как легио-философия // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 141—148.

Онтология — первый раздел философии — учение о сущем, бытии, её аксиоматика, основа мировоззрения многих поколений людей. В точных и естественных науках под онтологией понимают явное описание множества объектов и связей между ними (категоризацию). Принято различать мета-онтологии

(межпредметные), онтологии предметных областей, конкретных задач, сетевые и т. д. В данной статье под метаонтологией понимается множество философских онтологий с точки зрения их возможной систематизации.

В философии существует множество онтологий, основанных на объектном, субъектном, событийном, системном и других взглядах на мир. Онтологический парадокс в том, что всякая онтология вынуждена «резать» реальность до системы (конечного числа терминов, описывающих свойства и отношения объектов), и, следовательно, всякая онтология является частной. Тем не менее, она утверждает свою всеобщность. Разрешение этого противоречия возможно в метаонтологии, т. е. системе переходов от одной частной онтологии к другим частным. А также в обосновании возможности конструирования новых онтологий и философских систем с учётом имеющейся модели. Кроме того, любая онтология является системой распознавания смыслов и их порождения, т. е. интерпретирующей системой. Используя не одну, а несколько онтологий одновременно, мы оказываемся перед проблемой их смыслового «выравнивания»: формирования искусственных смыслов, исчезновения смысла, выбора актуальной онтологии для его «удержания». Поскольку «личностные процессы в психологическом плане направляются по тем каналам, в русле которых человек предвосхищает события» [Келли: 402—403]. А структуру и направленность этих «каналов» определяет онтология.

Существует проблема сведения воедино различных моделей (схем) онтологий, т. е. их систематизации [Кудряшов: 1194—1199]. Решение этой проблемы предполагает систематизацию их элементов, понятий и категорий. Онтологии предполагают разные взгляды на мир, разные «перспективы» предмета познания. Видя мир по-разному, они, тем не менее, описывают его понятиями универсального научного языка. Очевидно, эти понятия, будучи включёнными в разные онтологические системы, получают различную предметную интерпретацию в этих системах.

К примеру, в объектной онтологии объектом эволюции являются живые организмы, точнее — их популяции. Но в системной онтологии С. Вольфрама [Wolfram] объект эволюции — правила отношений этих организмов и популяций. При этом само содержание термина «эволюция» сохраняется. Возникает вопрос интерпретации общего понятия, как в известном научном споре Вавилова и Лысенко: что обеспечивает передачу наследственной информации: «ген» или клетка? Кроме конкретно-научного значения этот вопрос имеет и методологическое, философское содержание. Дело в том, что «клетка» — это сложное, комплексное образование, а ген — простое понятие, имеющее количественную интерпретацию: «один ген — один признак». Количественная интерпретация имеет преимущественное значение перед качественной. К примеру, в событийной онтологии время понимается количественно, как длительность происходящего события и длительность промежутка между событиями, тогда как в объектной онтологии время может не существовать вообще, поскольку существуют «вечные объекты» [Уайтхед]. Таким образом, мы не ставим вопросы об объективном смысле субъективных понятий: что есть время? что есть движение? А рассматриваем причинно-следственные связи между событиями и логическую структуру самих событий.

В каждой онтологии имеется система ключевых понятий (категорий), включённых в эту систему в конкретной интерпретации. Причём большинство понятий будет иметь качественную интерпретацию, но некоторые из них — количественную, а также нулевую, т. е. будут пустым именем. К примеру,

у И. Канта «категории чистого разума» имеют количественную интерпретацию — их 12, причём возможна и математическая интерпретация некоторых из них. А «вещь в себе» представляет собой пустое понятие, поскольку оно находится за пределами границы достоверного знания. Но и пустое понятие — понятие с пустым содержанием может иметь непустой объём: понятию «апофатическое познание» соответствует формулировка научной проблемы.

Интерпретации научных и философских понятий могут быть приведены в систему «дискурсивного концепта» [Петряков: 91—93].

1. Истина это: истинное знание (марксизм); проверка знания (Аристотель); критерий истинности знания (конкретно-научные теории).

2. Статус знания: абсолютный (Сократ); прагматический (Аристотель); относительный (Ф. Ницше и скептики).

3. Понятие «материя»: вещество; форма вещества; анти-вещество.

4. Объяснение единства мира, онтология: атомы Демокрита, понятие «бытие» Парменида, система законов (лектон) стоиков.

5. Гносеологический принцип: теория идей Платона, теория сущности Аристотеля, диалектика понятий Гегеля.

А сами концепты упорядочены в логико-гносеологическую систему:

Имя Концепта	Фиксация (Единичное)	Отрицание (Общее)	Относительность (Особенное)
истина	знание	проверка знания	условие (критерий) истинности знания
статус знания	абсолютный	прагматический	относительный
материя	вещество	форма вещества	анти-вещество
онтология	натуральный атом	бытие как понятие	система законов
гносеология	идеи	сущности	диалектика

Важное логическое значение имеют объём и содержание понятия, включённого в онтологию или научную теорию. Как известно, сужение содержания приводит к росту объёма, и наоборот. Что является обычным явлением при интерпретации данного понятия в рамках конкретной системы понятий. Стоит обратить внимание, что содержанием понятия являются другие понятия, понятия его признаков, как качественные, так и количественные. Интерпретации научных понятий в логическом и гносеологическом смысле могут быть упорядочены в самостоятельную систему (дискурсивный концепт), при этом определённого типу интерпретаций может соответствовать онтология, преимущественно опирающаяся на этот тип. К примеру, объектная онтология будет интерпретировать любые явления и формулировать соответствующие понятия в качестве объектов: вещество, материя, эфир, теплород... А событийная — представлять те же явления в качестве событий и т. д. Тогда как логический тип интерпретаций будет детерминировать относительный или абсолютный статус этих понятий в онтологических системах.

Для того чтобы обеспечить трансляцию знаний между различными онтологиями и шире — взаимопонимание между людьми, мы можем использовать обратимость типов понятий друг в друга по А.И. Уёмову: Вещи-свойства-отношения, при сохранении их предметности [Уёмов]. Они образуют базисную триаду категорий, каждая из которых представляет собой особый частный случай

противоположной категории. Различным классам систем соответствуют значения особых величин — системных параметров, между которыми имеют место корреляционные связи — общесистемные закономерности. На основе таких закономерностей строится параметрическая общая теория систем (ОТС). Но нас интересует более широкий вопрос — о возможности построения новых онтологий, сохраняющих предметность описания и взаимную открытость друг другу.

Что обеспечивает трансформацию предметности общего понятия из качественного в количественное, и обратно? К примеру, ощущение холода человек связывает с повышением температуры своего тела, а измерив температуру термометром, приходит к другому качественному понятию: заключению — здоров он или болен. Можно сказать, что мы живём, пользуясь множеством онтологий: онтология болезни предполагает плохое самочувствие, использование лекарств, ожидание выздоровления. Онтология пребывания на природе предусматривает знание о погодных условиях, соответствующую им одежду, маршрут, которым мы пользуемся, время выхода и возвращения домой. Переход от одной «онтологии» к другой связан с переключением нашего сознания из режима «болезнь» в режим «прогулка» и т. д.

Используя аналогичным образом философские категории, мы могли бы гибко анализировать проблемные ситуации, опираясь на многие онтологические системы, открытые друг другу относительно содержания их понятий. К примеру, столкнувшись в жизни с проблемной ситуацией, мы уже не сможем «опереться» на объектную онтологию, так как объекты фиксируют наше затруднительное положение в проблеме, мы видим себя в тупике, говорим себе «я застрял», а саму проблему определяем как новый идеальный объект. В этом случае нам следует перейти к онтологии событий [Болдачёв 2022а, 2022б] и рассматривать свою ситуацию в динамике, выделяя причины и следствия данного события, время, за которое мы должны сделать выбор и принять решение. А делая выбор, учитывать последствия каждого варианта.

При этом понятие «ситуация», т. е. положение, в котором обычные правила перестают действовать или требуется использовать несколько правил одновременно, говорит о том, что мы пребываем в мире правил, т. е. системной онтологии, некоторой социальной системе. В свою очередь, системная онтология устроена как иерархия / гетерархия правил, которым подчиняются элементы. Выполнение этих правил определяет успех или отсутствие успеха элемента и группы элементов, а нарушение правила приводит к «ситуации», чреватой выпадением элементов и даже разрушением системы.

Кроме названных онтологий необходимо учитывать субъектную: чувства, мысли, воля, вера, надежда... Она предполагает в качестве первоосновы, абсолютно достоверного начала, мир человеческой субъективности «я». Примером могут служить философия Р. Декарта, феноменология Э. Гуссерля, «субъективный идеализм» И. Канта, Дж. Беркли, Д. Юма. «От субъекта» в данном случае означает не только «отправную точку», направление движения мысли, но и ту «дистанцию, которая отделяет конституирующее сознание от конституируемого им мира. Дистанцию не в физическом смысле, а в экзистенциально-онтологическом, когда мир, пройдя через субъективный опыт осознания и осмысления, перестает быть только “моим миром” и обретает объективность и очевидность» [Буденкова: 68]. За субъектной онтологией должна следовать коммуникативная, онтология М. Бахтина и М. Бубера, обеспечивающая нашу связь с другими людьми и онтологическую основу морали

и нравственности. А для целей обучения можно использовать онтологию языка Л. Витгенштейна и логоцентризм Г. Гегеля.

Критические, дискуссионные вопросы к данной концепции построения множества онтологий: истина в данной системе относительна? Можем ли мы утверждать нечто о мире в целом? Если нет, как возможны тогда наши убеждения и вера? Конечно, множество онтологий служит для описания, прежде всего, нашего поведения в реальном мире и способов достоверного познания этого мира. Но что нам мешает иметь убеждения, веру, т. е. действовать целесообразно, поступая разумно? Принимая множество частных онтологий, мы утверждаем многогранность единственной истины. Каждая её грань — это идеал, направляющий в поисках познания от одной относительной истины к другой, приближаясь к цели.

Онтология — это словарь основных терминов, предполагающий отношение этих терминов между собой и с другими терминами, не входящими в число основных (их деление, классификация). Основные термины — это концептуальное (грамматическое) описание предметной области (деятельности). А классификация — инструкция по применению описания с целью познания реальности. Проблема классических философских систем в том, что отношения между основными терминами там нормированы, тогда как в классификации они умозрительны, подвержены субъективной мысли философа. Строя философскую систему, философ вынужден урезать реальность до онтологической схемы, выражающей его основную мысль. Но эта схема, претендуя на универсальность, полноту, не является таковой, а имеет предметную область, соответствующую этой схеме. В рамках одной онтологии может быть создано потенциально бесконечное число классификаций, что предполагает «развитие», ветвление онтологий, происходящих от одного принципа, «корня». К примеру, разные варианты гегельянства, кантианства, марксизма.

Иной путь развития философии предполагает построение частных онтологий для конкретных предметов и видов деятельности, по аналогии с научными теориями. Тогда спор концепций и теорий из онтологической аксиоматики перейдёт в предметную область. Таким образом, метафизичность, спекулятивность многих философских категорий в конкретных онтологиях может «сниматься» переходом в другие онтологии, где данные категории имеют «приземлённую», количественную интерпретацию. Здесь мы создаём метаонтологию как систему методов перехода от «многомирия» к межпредметному единству, позволяющему строить новые философские системы на основе известных «блоков» и правил, для осуществления понимания иных онтологий и конструирования новых, подобно конструктору «Лего». К примеру, всякая философская система строится на противопоставлении терминов и способе связи, координации между ними. Эта связь может быть альтернативной (или/или) либо подчиняющей. То есть отношения равнозначности, пересечения и подчинения. А между высказываниями дополнительно — противоположности и противоречия. В последнем случае мы имеем «ровный» нарратив, а в первом — диалектику или драму идей, убеждающих человека делать определённый выбор.

Традиционный метод философии — это понятийное мышление, стремление сконструировать из множества частных случаев общее понятие, а затем, онтологизируя это понятие, найти правило, которое должно действовать во всех частных случаях. Иной метод предполагает управление знанием о каждом из частных случаев, выделение общего и особенного в них, и нахождение

правила воспроизводства и модификации этого множества частных. Поскольку «Атрибуты и отношения, связывающие концепты, играют важную роль в процессе обобщения, позволяя избежать потери информации. Фактически они не только дают идентификацию гиперному концепта, но также позволяют “привязать” некоторую характеристическую информацию к каждому концепту, показывая, таким образом, различие между концептом и его предком» [Батищев: 95]. В настоящее время разработан конструктор онтологий на основе метаонтологии «модель Аристотеля» [Матюшин]. Связь между онтологиями может осуществляться как иерархически — через «гиперним» концепта, т. е. общее понятие двух онтологий, категорию, к которой восходят понятия сближаемых онтологий, так и «по горизонтали», через проблемные понятия, понятия с нулевым содержанием, т. е. аномалии одной онтологии могут являться нормальными терминами другой. Для успешного перехода от одной онтологии к другой аномалии первой могут интерпретироваться, разлагаться на составляющие термины, приобретать количественную трактовку.

Наш метод предполагает абдукцию, поскольку абдуктивные рассуждения часто используются для открытия эмпирических законов, устанавливающих связи между свойствами и отношениями явлений. Благодаря чему истинно теоретическое знание? Байесовская парадигма кажется предпочтительной: «Наш мозг представляет байесовское устройство, познающее окружающий мир путем предсказаний и поиска причин наших ощущений» [Фрит].

В качестве выводов мы можем сформулировать исследовательские вопросы:

- 1) о возможности «конструирования» онтологий под конкретные цели;
- 2) об эффективном управлении знаниями для постановки новых целей;
- 3) о «верных» и «неверных» конструкциях онтологий и их следствиях;
- 4) о предвидении последствий определённых установок сознания: мировоззренческих убеждениях и практических действиях;
- 5) о создании универсальных концептов «лего» для осуществления понимания иных онтологий и конструирования новых.

Список литературы / References

- Батищев С.В., Искварина Т.В., Скобелев П.О. Методы и средства построения онтологий для интеллектуализации сети Интернет // Известия Самарского научного центра РАН. 2002. № 1. С. 91—103.
- (Batischev S.V., Iskvarina T.V., Skobelev P.O. Methods and means of ontology construction for intellectualization of the Internet, *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2002, no. 1, pp. 91—103. — In Russ.)
- Буденкова В.Е. Два способа построения онтологии и перспективы неклассической эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 66—71.
- (Budenkova V.E. Two ways of constructing ontology and perspectives of non-classical epistemology, *Tomsk State University Journal*, 2007, no. 298, pp. 66—71. — In Russ.)
- Болдачев А.В. Событийная онтология vs объектная. 21 декабря 2022. URL: <https://habr.com/ru/post/706916/> (дата обращения: 10.07.2023)
- (Boldachev A.V. Event ontology vs object ontology, December 21st, 2022a. — In Russ.)
- Болдачев А.В. Субъектно-событийный подход к моделированию сложных систем // Болдачев А.В. Философия и цифровые технологии: сборник статей. М.: Ridero, 2022. 246 с.
- (Boldachev A.V. Subject-event approach to modeling complex systems, Boldachev A.V. *Philosophy and digital technologies: Collection of articles*, Moscow, 2022b, 246 p. — In Russ.)

- Келли Дж. Психотерапия конструктивного альтернативизма: психология личностной модели // Техники консультирования и психотерапии / сост. У.С. Сахакиан. М.: Эксмо-пресс, 2000. С. 402—403.
- (Kelly J. Psychotherapy of constructive alternativism: psychology of the personality model, *Techniques of counseling and psychotherapy*, comp. by W.S. Sahakian, Moscow, 2000, pp. 402—403. — In Russ.)
- Кудряшев А.Ф. Современная онтология: актуальные проблемы // Вестник Башкирского университета. 2009. № 3 (1). С. 1194—1199.
- (Kudryashev A.F. Modern ontology: current problems, *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2009, no. 3 (1), pp. 1194—1199. — In Russ.)
- Матюшин М.М., Вакурина Т.Г., Котеля В.В. и др. Методы и средства построения онтологий для визуализации связанных информационных объектов произвольной природы в сложных информационно-аналитических системах // Информационно-управляющие системы. 2014. № 2 (69). С. 9—17.
- (Matyushin M.M., Vakurina T.G., Kotela V.V. et al. Methods and means of building ontologies for visualization of related information objects of arbitrary nature in complex information-analytical systems, *Information-management systems*, 2014, no. 2 (69), pp. 9—17. — In Russ.)
- Петряков Л.Д. Дискурсивный концепт как единство множества интерпретаций // Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды XI Международной научно-теоретической конференции. 2019. СПб.: Политех-пресс, 2019. С. 91—93.
- (Petryakov L.D. Discursive concept as a unity of multiple interpretations, *Communicative strategies of information society. Proceedings of the XI International Scientific and Theoretical Conference. 2019*, St. Petersburg, 2019, pp. 91—93. — In Russ.)
- Уайтхед А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
- (Whitehead A. Selected Works on Philosophy, Moscow, 1990, 720 p. — In Russ.)
- Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 184 с.
- (Uyomov A.I. Things, properties and relations, Moscow, 1963, 184 p. — In Russ.)
- Фрит К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М., 2010. 336 с.
- (Frith K. Brain and soul: how nervous activity shapes our inner world, Moscow, 2010, 336 p. — In Russ.)
- Wolfram S. A new kind of science, Champaign, IL: Wolfram Media, 2002, 1197 p.

META-ONTOLOGY AS A LEGO-PHILOSOPHY

Leonid G. Petryakov

Yaroslavl Higher Military School of Air Defense of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Yaroslavl, Russian Federation, tkstudia@yandex.ru

Abstract. Ontology is the first section of philosophy, its axiomatics, the basis of the worldview of many generations of people. However, in philosophy there is not one, but many ontologies based on object, subject, event, system and other views of the world. There is a problem of bringing together different models (schemes) of ontology. They suggest different views on the world, different “perspectives” of the subject of knowledge. Seeing the world differently, they nevertheless describe it in terms of a universal scientific language. Obviously, these concepts, being included in different ontological systems, receive different subject interpretation in these systems. In the information sciences, to solve the problem of the relationship between two ontologies, it is proposed to use the ascent to the general, generic concepts of “hypernames”. Our approach does not require this. In order to ensure the translation of knowledge between different ontologies and, more broadly, mutual understanding between people, we propose to use the reversibility of concepts into each other

according to A.I. Uemov, while maintaining their objectivity. As well as the transformation of the objectivity of the general concept from qualitative to quantitative and vice versa. Thus, we are creating meta-ontology as a system of methods of transition from “multi-world” to interdisciplinary unity, which allows us to build new philosophical systems based on well-known “blocks” and rules, like a Lego constructor. The conducted research allowed us to draw a number of conclusions, in particular, about the transition of the problem of one ontology into the term of another, the possibility of building universal concepts of “lego” to create new ontologies and implement the interconnection of existing ones, etc.

Keywords: ontology, meta-ontology, discursive concept, abduction, lego philosophy, knowledge translation

For citation: Petryakov L.G. Meta-Ontology as a lego-philosophy, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 141—148.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 28.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Петряков Леонид Джоржович — доктор философских наук, профессор, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны МО РФ, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru

Petryakov Leonid Dzhorzhevich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense Ministry of Defense of the Russian Federation, Yaroslavl, Russian Federation, tkstudia@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 149—159.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 149—159.

Научная статья

УДК 140.8(091)

DOI: 10.46726/И.2024.1.15

ФИЛОСОФСКИЕ СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА: ПЯТЬ КАРТИН

Эмилия Анваровна Тайсина

Казанский государственный энергетический университет,

г. Казань, Татарстан, Россия, Emily_Tajsin@inbox.ru

Аннотация. Эпоха эллинизма — очень долгий исторический период, и он весьма важен для понимания истории европейской культуры в целом и философской культуры в особенности.

Классические периоды обычно коротки: как любой взлет или пик, они занимают лишь десятилетия, максимум столетия. «Долины» же между этими пиками значительно длиннее: средневековье длилось 1000 лет, эллинизм, по разным оценкам — от 300 до 800 лет. То была эпоха гибели демократического полиса и утверждения империй: сначала, ненадолго, империи Александра Великого, затем, надолго — Римской империи, павшей только от нашествия остготов. Эти громкие политические события сказывались на мировосприятии и самооценке подданных, которым приходилось найти свою идентичность в новых антидемократических условиях.

Наши задачи таковы: во-первых, дать общую характеристику эллинизма с точки зрения его истоков, основных духовных опор и всевозможных «переходов» и переломов; во-вторых, кратко описать «оборачивание метода» применительно к превращению (философского) способа познания в (философское) течение/направление; в-третьих, продемонстрировать действие философских методов для написания основных пяти картин мира той эпохи.

Ключевые слова: эллинизм, демократия, империя, кинизм, скептицизм, эпикуреизм, стоицизм, неоплатонизм

Для цитирования: Тайсина Э.А. Философские способы описания мировоззрения эпохи эллинизма: пять картин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 149—159.

Царям честные люди подозрительнее,
чем дурные, и чужая доблесть всегда их страшит.

Гай Саллюстий Крисп

Введение

Эпоха эллинизма поистине очень интересный и важный период, во-первых, потому, что она длилась несколько столетий, в течение которых происходили мирозидующие события европейской истории, а во-вторых, потому что идеи, возникшие в то время, реверберацией отдаются в последовавшие века и даже тысячелетия, что незаменимо служит для понимания не только той удаленной по времени исторической эпохи, но и современности.

© Тайсина Э.А., 2024

Хоть и условно, эллинизм достаточно точно ограничен. Правда, разные исследователи отводят для него разные сроки. Так, А.Н. Чанышев указывает такие даты: «Начало периода эллинизма принято связывать с 338 г. до н. э. — годом военной победы Македонии над Грецией. Концом эпохи эллинизма считают 30 г. до н. э., когда перестало существовать, будучи оккупировано римским войском, последнее эллинистическое государство — ... Египет» [Чанышев: 7]. Но есть и другие оценки [Майоров: 320], к которым мы склонны присоединиться: эллинизм в начале ограничен созданием империи Александра Великого, а на излете — датой упразднения Западной Римской империи в 476 г. н. э., ибо эллинизм относится также и к Риму.

В первой трети II века до н. э. Македония раньше других греческих эллинистических государств становится провинцией Рима. К середине того века римляне разрушили (Карфаген и) Коринф. «Рим ввел во всех греческих городах единообразный политический строй во главе с проримской олигархией. Греция стала римской провинцией Ахайя» [Чанышев: 20—21].

Психологическая реакция на гибель того мира, что был прекрасно обустроенным и казался вечным, сильно различалась у людей, отличавшихся по воспитанию, общественному положению, темпераменту и характеру. К тому же долгая эпоха вызвала к жизни и дала время развиваться индивидуумам иного свойства, принимавшим империю за обжитое и тоже вечное государство. Мировосприятие варьировалось от бесперспективного протеста до умиления эклоги, которое сделало неоплатонизм (с примесью стоицизма) философской основой христианства.

В самой же философии общей чертой стал заметный крен от физики к этике, от теории бытия к учению о желательной жизни и способах достижения практического блага. Этот акцент заставил пристально отнестись к инструментам познания, что помогло выстраиванию новых учений.

Если очень долго и пристально всматриваться в каплю, она становится вселенной. Скажем, сенсуализм как способ организации знания может перерастить формат метода и стать *теорией* и даже философским *направлением*. Недоверие к показаниям органов чувств вызывает к жизни философский скепсис как серьезное учение, а в более близкое к нам время — агностицизм кантианства. С некоторой натяжкой можно говорить о том, что построение неоплатонизма в целом было вначале умозрительным антисенсуализмом.

Обнаружилось, что облечь эмоции в осознанное миропонимание помогает философский подход.

«Оборачивание метода» применительно к превращению (философского) способа познания в (философское) течение/направление

В своих «Математических рукописях» К. Маркс открывает или формулирует закон «оборачивания метода» в качестве диалектического закона.

Маркс занимался тогда проблемой обоснования основных понятий дифференциального исчисления, принадлежащего к одной из трех ветвей математики: математическому анализу. Его суть — исчисление бесконечностей. Алгебра позволяет только сформулировать понятие функции, а дифференциальное исчисление с ними «работает». Главные понятия дифференциального исчисления суть производная и дифференциал.

Первоначально дифференциал вводился (Лейбницем) лишь как символическое сокращение для нахождения производной некоторой функции. Маркс отметил, что дифференциальные символы, «возникающие первоначально лишь

как символические выражения алгебраически выполненных процессов дифференцирования, необходимо снова превращаются в самостоятельные исходные пункты, в символы операций, которые еще только предстоит выполнить, или в оперативные символы. Вследствие этого и возникшие на алгебраическом пути символические уравнения превращаются в символические оперативные уравнения» [Маркс: 55]. С того момента, когда дифференциал играл роль исходного пункта исчисления, до того момента, когда завершённое дифференциальное исчисление начинает само выступать в качестве исходного процесса нахождения правил функционирования абстрактных объектов (их введения и исключения), происходит «оборачивание метода дифференцирования» [Маркс: 57]. Поскольку при введении дифференциальных символов у Лейбница и Ньютона оставались невыясненными их корни, — а они являются алгебраическими — их удаление в пределах теории было математически не обоснованным. С этой точки зрения любой исходный пункт любого метода должен быть *обоснован* при помощи обращения к его происхождению, или основанию.

Рассуждая о философии Гегеля, Дьёрдь Лукач писал, например, что не некоторое первоначальное единство, а «восстанавливающееся равенство» или «рефлексия в себя самое в инобытии» есть то, что истинно. Это становление себя самого: круг, который предполагает в качестве своей цели и имеет началом свой конец и который действителен только через свое осуществление и свой конец.

Волюно или обобщенно трактуемое оборачивание метода таково. Субъективно-идеалистическое философское направление Кант превратил в свой оригинальный гносеологический метод. Диалектику как способ познания, включающую приверженность принципу всеобщей взаимосвязи и принципу развития (Ленин потом добавит ещё два: познавательных принципа: конкретности истины и «практического определения связи предмета с тем, что нужно человеку») Гегель обратил в наиболее разработанную теорию диалектики как философской науки. У Маркса и Энгельса много раз «оборачиваются» материалистически истолкованная диалектика и исторический материализм, достраивающий материалистическое понимание объективного мира до теории прогрессивного общественного развития на основе взаимодействия и борьбы производительных сил и производственных отношений. Маркс, и это очевидно, не раз превращает экономические исследования в математические — и оборачивает математику обратно в политэкономиию.

***

Если с пристрастием, тщательно и без спешки совершенствовать свой метод, то есть избранный способ получения, организации (в особенности организации!) познания (в особенности *научного* познания!), а также хранения, кодирования и декодирования с целью оптимальной передачи полученной информации — то он (метод) превратится в предмет интереса и внимания учёного, а следовательно, имеет все шансы стать теорией. Появятся категории в качестве предельных объяснительных абстракций, будет выработан язык для их воплощения и манифестации, постепенно обнаружат себя скрытые законы этого инструмента, метод станет методологией, а потом и методикой — научного исследования или преподавания. Или самостоятельной учебной дисциплиной («Методы и приборы контроля и экологический мониторинг», etc.).

Любой метод может стать -измом. Ставка на очевидность или умозраение, на волевое решение или созерцание, на терпение или протестное действие — а у Прокла даже на созерцание — оборачивается в перспективе развитым учением.

Литературная критика стала постмодернизмом. Перенос научного интереса с науки на повседневность породил постпозитивизм. Простейший логический анализ обернулся аналитической философией. И есть в ней сфера знания, в которой локутивный, иллюкутивный и перлокутивный акт превратились в теорию (у Джона Остина), обрели наименования, стали категориями, раскрыли свои закономерности и т. д.

«Оборачивание метода» можно применять и иначе: так, в работах автора этой статьи использовано не (обычно принятое) историческое, но *логическое* деление форм материализма на «объективный» и «субъективный», а точнее, *экзистенциальный*. Здесь происходит оборачивание метода (обычно принятого) деления идеализма, а общая материалистическая установка работает как универсальный философский подход, или предустановленный метод познания.

Но задолго до этого, пытаясь организовать, сохранить свои впечатления, найти соответствующее языковое выражение и передать человеку открывшиеся мировоззренческие знания, трудились философы эпохи эллинизма.

Пять картин философии эллинизма

Картина первая. Расцвет кинической литературы, её «золотой век падает на эпоху эллинизма, одной из отличительных черт которой ... является падение преград между Западом и Востоком, синкретизм локальных культур древнего мира» [Нахов: 9]. Язвительный и деятельный пафос киников воплотился в жанр диатриб (Бийон Борисфенский), которым будут пользоваться и ранние христиане, и Эразм Роттердамский, и Рабле.

«Точкой сборки» кинизма стала позиция городских низов, настроенных в принципе материалистически и даже атеистически. Философский способ организации этико-политических идей с этой позиции за миллениум обратился в самое влиятельное учение если не теоретической, то практической философии, выражение интересов угнетенных классов — единственное до марксизма.

Упомянем о творчестве Биона с берегов Борисфена (Днепра), ученика Кратета из Фив, (аhem, ученика Диогена из Синоп), которое пришлось на переходный период к новой эре. Оба выдающихся киника включали в свои «жалаящие» пародии цитаты из Гомера; поэтические строчки других авторов, игру слов, иронию, даже когда высказывались по серьезным поводам. Так оформился стиль кинической литературы: «как в области содержания, так и выразительных средств — антиконвенционалистская морализация, осуждение богатства, персональная сатира, острая и откровенная полемика с противниками, пародия, смелое словотворчество... народная... речь, перелицовка традиционных приемов и форм... и т. п.» [Нахов: 68]. Бийон утверждал, что дорога в Аид широка и удобна; Кратет советовал в критических жизненных ситуациях прибегнуть к веревке.

Язвительность киников и гнев римского плебса имели один и тот же духовный корень и политико-экономический источник: необходимость восстания против неравенства и угнетения. Поначалу взаимные распри часто происходили «по вопросам законодательства, отмены долговых обязательств, раздела общественной земли, выбора магистратов». Это улаживалось в рамках закона. Народ учредил магистратуру, назвал трибунов, призванных ее защищать. Но когда погиб трибун Тиберий Семпроний Грах с его сторонниками, вспыхнула гражданская война и продолжалась до диктатуры Суллы, а после него — Гая Цезаря [Историки античности: 523; 542].

Картина вторая. А.Ф. Лосев утверждал, что главный принцип скептицизма был заложен еще в «Тимее», с осознанием всеобщей материальной текучести, не позволяющей формулировать непротиворечивые суждения, а лишь правдоподобные. Из свободы суждений вытекает непоколебимость скептического духа.

Скептицизм развивался и в Средней Академии (315—241 гг. до н. э.). Аркесилай, её глава, утвердил критерий для успешной практической деятельности, приносящей жизненный опыт и ведущий к счастью. Этим критерием оказывается «эвлогон» — «благое слово», «благоразумие»: *выбирай то, что даст успех*. В 214—129 гг. главой Новой Академии стал скептик Карнеад. Философов заинтересовало теперь не теоретическое знание, а практическое освобождение человека ради свободы поведения.

Карнеад славился красноречием. В 156 г. до н. э. он возглавил афинское посольство в республиканский Рим и произнес там две ярких речи о справедливости [Маковельский]. Сперва он превознес эту высшую добродетель как самодостаточную цель: «мир хижинам, война дворцам»; на другой же день заявил, что это условное установление, и власть имущим такая добродетель не нужна, так как она не в их интересах.

Карнеад предложил собственный композитный критерий поведения. Первый способ проверки уместности — «пифанон», «вещное слово»: когда, обладая представлением (вещи), мы одновременно обладаем и самими собой как представляющими [Лосев: 30]. Второй способ — «апериспастон»: «нерастерянное» представление, достаточно устойчивое, чтобы не утратить своего качества (подобно «топосам» Аристотеля). Лучший ориентир — такая вероятность, которая установлена во взаимосвязи с другими [Там же: 31]. Кстати говоря, и Эпикур признает критерием «аналогию», т. е. связь данных и явлений чувственного восприятия [Асмус: 438].

«...Выражение “На всякое слово есть обратное” ведет за собою воздержание от суждения: если вещи противоречат друг другу, а слова равносильны, то из этого следует неведение истины. Более того, и на само это слово есть обратное, так как оно, опровергнув другие, оборачивается и разрушает само себя...» [Диоген Лаэртский: 384].

Еще один скептик, парадоксальный Энесидем, *догматизирует сомнение*. Известны его десять «тропов», показывающих невозможность познания: первые пять рассматривают кажимость со стороны субъекта (у различных существ различны наслаждение и боль, различны польза и вред от разных вещей и т. д.), последние пять — обманчивость видимости со стороны объекта (ничто не является само собой в чистом виде, а только в соединении, и т. д.) [Там же: 385—387; 541]. Энесидем, как бы не зная, что у Карнеада это был высший критерий истины, десятый троп формулирует, исходя из относительности: «а все, что соотносительно, непознаваемо само по себе» [Там же: 541].

Интересны и пять тропов скептика Агриппы, обладающих логическим характером: I — от разногласия; II — от продолжения в бесконечность; III — от связи; IV — от предположения; V — от взаимности. Лосев цитирует их по «Пирроновым положениям» Секста Эмпирика [Лосев: 36—37].

Секст Эмпирик, самый сильный из скептиков, педантичный и последовательный, подверг сомнению и свои собственные аргументы против догматиков. Его шесть книг «Против ученых» представляют собой строгие доказательства. Ср. содержательную критику определения человека: «Человек есть живое существо, разумное, смертное, способное вмещать в себя ум и знания». Секст

пишет: «Акциденция чего-нибудь отличается от того, для чего она акциденция... если различие акциденций даст два их вида, то мы никогда не найдем ни ту, ни другую тождественной подлежащему предмету». «Живое» и «смертное» не являются акциденциями: одно неотделимо от субстрата, а другое никогда не наличествует. Кроме того, и другие существа — живые, а, например, боги еще и разумны; попугаи могут говорить, а люди могут спать или утратить разум. Тогда «как оно по сведению воедино может создать человека?.. принципиально все не может сойтись в тождество, чтобы человек составил из всех (этих признаков)» [Секст Эмпирик: 115—117].

Есть у него и второй способ опровержения этого определения человека: формальный. «Или он имеет и постигает себя отчасти, отчасти же и являясь при этом искомым и познаваемым, как если бы кто предположил, что зрение само себя видит...» и т. д. Исчезает либо исследующий, либо исследуемое. «Остается, чтобы он подходил к самому себе не целиком, но создавал постижения самого себя в некоторой части. Но это опять относится к сомнительному» [Там же: 118—123].

Два его трактата «Против логиков» посвящены критерию истины. Главное требование, предъявляемое мышлению — его ясность и определенность. Это важно не только для науки логики, но и для выстраивания поведения, всегда вынужденного сделать выбор между А и не-А. Критерий поведения дает основание для выбора и избегания, для утверждения или отрицания существования и для различения истинного и ложного.

Схемы рассуждений Секста представляют собой практически гегелевские триады. Например: всякую вещь можно либо найти, либо не найти, либо только искать. Кто верит в существование истины, находит ее критерий либо в сфере разума, либо в сфере неразумного, либо в обеих. Но «...постижение не имеет начала: или потому, что не находится никакого первого, которое создавало бы постижение, или потому, что нет ничего, что могло бы быть постигнуто» [Там же: 123].

Почему Секст — «Эмпирик», а не «Скептик»? В.Ф. Асмус поясняет, что скептицизм времени Секста прочно сблизился со школой медиков, плотно изучавших чувственность ради врачебных целей. «В лице позднейших руководителей скептицизма... Секста и Сатурнина школа философского скепсиса сливается со школой врачей-эмпириков» [Асмус: 418]. Примерно так же в Новое время у Канта проявятся в «критический» период его естественнонаучные занятия, выполнив роль метода: метафизика его «эмпирична», гносеология скептическая.

Академический скептицизм постепенно смешался со стоицизмом у Филона из Лариссы (Четвертая) и у его ученика Антиоха из Аскалона (Пятая Академия).

Картина третья. Наиболее оптимистичное, светлое и спокойное мировоззрение сложилось у эпикурейцев. Сама личность Эпикура поразительна. Несмотря на слабое здоровье (у него был нефрит), философ всегда был позитивно настроен, добродушен в обращении со своими многочисленными адептами и эпистолярными единомышленниками. В «Школу сада» поступали все желающие единомышленники.

Физику, с точки зрения Эпикура, надо было изучать только ради этики, чтобы избавить человека от экзистенциального трепета бытия и в особенности «страха всех страхов» — смерти. Не надо бояться и боли: если она слабая, надо ее перетерпеть, а если сильная, то смерть не замедлит, унося страдание. Эпикур с его принципом атараксии, невозмутимости, похож в этом на прочих

философов эпохи. Вытеснение страдания и беспокойства является важнейшей целью познания. Наслаждение начинает пониматься как покой.

Главным способом познания были признаны ощущения, к которым должно питать полное доверие. Сенсуализм «работал» тогда как метод организации знания: о «сокровенном» мышлению следовало судить только на основании ощущений, которые совпадают с явлениями. Так, если корабль, удаляясь, становится маленьким как муха, это свидетельствует не о ложности чувств, а о дальности расстояния. В письме Эпикура Пифоклу сказано: «Не на основании пустых [недоказанных] предположений должно исследовать природу, но так, как того требуют видимые явления... если кто одно оставляет, а другое, в такой же степени согласное с видимыми явлениями, отбрасывает, тот, очевидно, оставляет область всякого научного исследования природы и спускается в область мифов». *Эпикур приветствует Пифокла*. [Материалисты Древней Греции: 189]. При этом Эпикур поясняет Пифоклу, что в отношении [небесных] явлений можно допустить множество объяснений их происхождения и несколько разных суждений об их бытии; единственное условие — отсутствие мифических допущений, их естественность и свобода от противоречий с опытом восприятия [Асмус: 433].

Логический критерий, который тоже существовал у эпикурейцев, характеризуется направленностью — интенциональностью, скажут современные феноменологи — представления (*προληψις*). Цель этой интенции в совпадении верифицируемого с определенным эталоном. Философ ищет обладания истиной осознанно: это «совместное с ней стояние», резонирующее состояние (*συῆσις*). Вместе с тем Эпикур наследует теорию познания как отражения: «И всякое представление, которое мы получаем, схватывая умом или органами чувств, ...это есть форма [или свойства] плотного предмета, возникающие вследствие последовательного повторения образа или впечатления, оставленного образом. А ложь и ошибка всегда лежат в прибавлениях, делаемых мыслью [к чувственному восприятию] относительно того, [что ожидает] подтверждения или неопровержения, но что потом не подтверждается [или опровергается]». *Эпикур приветствует Геродота*. [Материалисты Древней Греции: 185]. Главная заповедь: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устаёт заниматься философией... Кто говорит, что еще не наступило или прошло время для занятия философией, тот... говорит, что для счастья или еще нет, или уже нет времени». *Эпикур приветствует Менекея*.

Кенос — «Сад» Эпикура — был продан после смерти основателя. Но в тот период уже и в Риме действовала эпикурейская школа, возглавляемая Филодемом с начала I века до н. э., в которой уже в I веке н. э. обучался Тит Лукреций Кар. Она была материалистической, а сам Лукреций стремился развивать эпикуреизм. Широко известная уже при его жизни поэма «О природе вещей» подтолкнула развитие философской мысли в Риме; при этом идеальная жизнь для Эпикура состояла в эскейпизме, уходе от политической деятельности, а Лукреций, напротив, наблюдая жизнь знати, открыто осуждает ее нравственные пороки.

Картина четвертая. Жизнерадостна этика счастья эпикурейцев; сурова этика долга стоиков.

Атомизм Демокрита, Эпикура и Лукреция встретил теоретическую оппозицию в лице пришедшего несколько позже стоицизма, вернувшегося к гилозоизму, сближенному с пантеизмом, на основании собственного способа организации знания. Недопущение страстей, рождающих страдание,

смушающих душу; терпение; *стойкость*. Путь добродетели узок, как канат: оступись на палец или на шаг — ты одинаково погиб. Главная установка стоиков в согласовании собственной воли мудреца с волей судьбы. Бесплезная борьба с судьбой лишь возмущает величественный покой души. Как скажет Луций Анней Сенека, согласного судьба ведет, несогласного — тащит. Он пишет в работе «О счастливой жизни»: «Пока мы суетливо бродим без проводника, прислушиваясь к шумихе вздорных криков, манящих нас к разным соблазнам, жизнь пропадает даром среди заблуждений... Главнейшая наша задача должна заключаться в том, чтобы мы не следовали, подобно скоту, за жокаками стада, чтобы мы шли не туда, куда идут другие, а [шли] туда, куда повелевает долг. Величайшие беды причиняет нам то, что мы сообразуемся с молвой и, признавая самыми правильными те воззрения, которые встречают большое сочувствие и находят много последователей, живем не так, как этого требует разум, а так, как живут другие...»*.

Героическая, мужественная стойкость этих «слуг долга» состояла в убеждении, что все в принципе устроено наилучшим образом, просто человеку это не видно, а точный смысл частных установок не всегда удается — или невозможно. «Учение о строжайшей необходимости, по которой все происходит в мире, сочеталось с учением о совершенстве и целесообразности мира, в котором все его части, все тела и все существа зависят от целого, определяются целым и совершенством этого целого» [Асмус: 452]. Понятно, что этот подход противоположен эпикурейской этике, основанной на физике и допускавшей случайное отклонение атомов (*clinamen*), а следовательно, свободное поведение людей.

Космополитизм стоиков сложился сразу при Зеноне из Китиона, отчасти думается, потому, что он был метеком-киприотом. Космос стоиков — живое одушевленное шарообразное тело, как у Гераклита. Мир един, он заполнен, пустоты не существует, космос пронизан пневмой — одушевляющим его телесным дыханием, смесью воздуха и огня. Стоики утверждали, что *телосом* этого общего дома, полиса-космоса, является *эвдемония* (благополучие). Присущие человеческому духу недостатки и грехи указывают не только на индивидуальные случаи смятения души, но и на социальные несчастья, общие всем людям.

Этика стоиков «на протяжении более 500 лет несла такой мощный заряд мужества, что для многих поколений была смыслом жизни» [Реале, Антисери: 196].

Непроходимых границ между эпикурейцами и стоиками нет; для тех и других цель жизни — достижение счастья. Вместе с тем они использовали разные методы познания.

Картина пятая. Не надеясь на то, что в земной жизни можно найти или дождаться прихода блага, неоплатоники «устремляют взор свой от земли к небу».

Шедевром эллинистической классики стали «Эннеады» Плотина. Первоначально ученик Аммония Саккаса из Александрии, он основал собственную школу в III веке, которую, кроме него самого, прославил также Порфирий (Малх). Именно он развивал метафизику Плотина, поставив на вершину иерархии бытия трижды три ипостаси. Порфирий, кроме того, был прекрасным логиком, интерпретатором силлогистики Аристотеля (чьё дело продолжил «последний римлянин» Бозций, родившийся в 480 году). Во времена активной деятельности этой школы была достигнута следующая

* Seneca. De Vita Beata. I. P. 2—4. Цит. по: [Навстречу XXIII Всемирному...: 60].

максима: «Все находится во всем, но использует собственный способ, соответствующий каждому».

Последним «самобытным голосом» неоплатонизма был Прокл, выходец из Афинской школы, основанной Плутархом еще на рубеже IV—V вв. Творчество Прокла относится целиком к V веку. Он также поддерживал и разделял триадическое понимание интеллигибельного мира, введя в объяснение закона порождения всех вещей путем эманации божества при помощи трех ступеней: 1) самосохранение первоначала; 2) исхождение начала по причине переизбытка потенции; 3) возвращение его к самому себе. Произведенные вещи, имея сродство с первоначалом, также стремятся вернуться к нему. Я полагаю, что именно Прокл предложил наиболее оригинальный метод достижения единства с «Благом» в жизни, которую ничто земное уже не трогает: не активное действие, например, подвижничество, проповедь, прозелитизм, пост или молитва, но — *активность созерцания* как действенное экстатическое слияние с божеством.

«Пиррон, Эпикур, Зенон были движимы желанием сообщить людям атараксию, покой души и стабильность духа. Школа Плотина преследовала совсем иные цели: подняться над земным измерением жизни, оставить мирскую суету, чтобы объединиться в божественном, научившись созерцать его», достигая в кульминации экстаза единства с универсумом [Реале; Антисери: 243]. Бог ничего не «дарует»; люди сами, по своей природной силе и желанию, должны совершить восхождение.

В дальнейшем неоплатонизм смешался и слился с христианством. Трактат Прокла «Первоосновы теологии» был благосклонно воспринят средневековьем. Официальный конец античной и эллинистической философии — 529 г. н. э., год запрета язычникам иметь собственные школы императором Юстинианом.

Заключение представленной панораме эпохи эллинизма, по-видимому, не требуется; достаточно сказать, что то была эпоха, похожая на нашу, по крайней мере во всех существенных чертах. Более глубокое знакомство с нею должно помочь обрести самосознание и/или утраченную идентичность современным людям, «признать свои знамена». Современные неоплатоник и эпикуреец — это, например, казанские философы Георгий Авдошин и Эмилия Тайсина соответственно. Современный скептик — это любой философ повседневности, скажем, итальянский философ Лаура Бовоне, Миланский университет (собственно, весь современный релятивизм, включая аналитическую философию и даже постмодернистский фон, есть модификация скептического направления в философии). Наш современник, профессор Пелопоннесского университета, греческий философ Панайотис Элиопулос — стоик. Он утверждает, что в ситуации, когда мудрец не может повлиять на принятие решений или действия, предпринимаемые *не на высоком* моральном уровне, ему позволителен отказ от политики. «Иными словами, стоик делает выбор в пользу отхода от политической деятельности для того, чтобы защитить состояние апатии и атараксии, чтобы общественные дела не могли повредить его нравственности и мудрости. Персональная этика занимает самое высокое положение в аксиологической шкале Стои; мудрец должен защищать себя в первую очередь от порока и глупости» [Навстречу XXIII Всемирному...: 60—61]. И общая если не философия, то политика всех диктаторов: правь, иначе управят тобой.

Список литературы / References

- Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. 543 с.
(Asmus V.F. Ancient Philosophy, Moscow, 1976, 543 p. — In Russ.)
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 574 с.
(Diogenes Laertes. About the life, teachings and sayings of famous philosophers, Moscow, 1979, 574 p. — In Russ.)
- Историки античности: в 2 т. / сост. и прим. М. Томашевской. М.: Правда, 1989. Т. II. 640 с.
(Historians of antiquity: in 2 vols., Comp. and approx. by M. Tomashevskaya, Moscow, 1989, vol. 2, 640 p. — In Russ.)
- Лосев А.Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. I. С. 5—58.
(Losev A.F. Cultural and historical significance of ancient skepticism and the activities of Sextus Empiricus, *Sextus Empiricus. Collected works: in 2 vols*, Moscow, 1976, vol. 1, pp. 5—58. — In Russ.)
- Майоров Г.Г. Судьба и дело Боэция // Боэций. Утешение философией и другие трактаты. М.: Наука, 1990. 413 с.
(Mayorov G.G. The fate and work of Boethius, Boethius. *Consolation from Philosophy and other Treatises*, Moscow, 1990, 413 p. — In Russ.)
- Маковельский А.О. История логики. М.: Наука, 1967. 323 с.
(Makovelsky A.O. History of Logic, Moscow, 1967, 323 p. — In Russ.)
- Маркс Карл. Математические рукописи. М.: Наука, 1968. 640 с.
(Marx Karl. Mathematical manuscripts, Moscow, 1968, 640 p. — In Russ.)
- Материалисты Древней Греции. М.: Политиздат, 1955. 238 с.
(Materialists of Ancient Greece, Moscow, 1955, 238 p. — In Russ.)
- Навстречу XXIII Всемирному Философскому конгрессу: Философия как исследование и образ жизни // Программа и материалы докладов международной конференции, посвященной 45-летию Казанского государственного энергетического университета / под общ. ред. Э.А. Тайсиной. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2013. 312 с.
(Towards the XXIII World Philosophical Congress: Philosophy as a study and a way of life, *Program and materials of the reports of the international conference dedicated to the 45th anniversary of Kazan State Power Engineering University*, ed. by E.A. Taysina, Kazan, 2013, 312 p. — In Russ.)
- Нахов И.Г. Киническая литература / вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: Наука, 1981. 303 с.
(Nakhov I.G. Cynic Literature, introductory article by A.F. Losev, Moscow, 1981, 303 p. — In Russ.)
- Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. СПб.: Петрополис, 1994. Т. I: Античность. 336 с.
(Reale J., Antiseri D. Western Philosophy from the Beginnings to the Present Day: in 4 vols., St. Petersburg, 1994, vol. 1: Antiquity, 336 p. — In Russ.)
- Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. I. 309 с.
(Sextus Empiricus. Collected works: in 2 vols, Moscow, 1976, vol. 1, 309 p. — In Russ.)
- Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии: Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1991. 512 с.
(Chanyshev A.N. The Course of Ancient and Medieval Philosophy: Textbook for universities, Moscow, 1991, 512 p. — In Russ.)

PHILOSOPHICAL WAYS OF DESCRIBING THE WORLDVIEW OF THE HELLENISTIC ERA: FIVE PAINTINGS

Emily A. Tajsina

Kazan State University of Power Engineering, Kazan,
Tatarstan, Russian Federation, Emily_Tajsin @inbox.ru

Abstract. The era of Hellenism is a very long historical period, and it is most important for understanding the history of European culture in general and philosophical culture in particular.

Classical periods are usually short: like any rise or peak, they usually take only decades to pass, in some cases — centuries. The “valleys” between these peaks are much longer: the Middle Ages lasted for 1000 years; Hellenism, according to various estimates, up to 800 years. That was the era when democratic city-state perished and the empires were established: first, for a short time, the empire of Alexander the Great, then, for a long time, the Roman Empire, which fell only from the invasion of the Ost-Goths led by Alaric and Theodoric. These high-profile political events affected the worldview and self-esteem of the subjects, who had to find their identity in the new anti-democratic conditions.

Our tasks are as follows: firstly, to give a general description of Hellenism from the point of view of its origins, main spiritual pillars and all kinds of “transitions” and fractures; second, to briefly describe the “turning-around method” in relation to the transformation of a (philosophical) way of knowing into a (philosophical) current/trend; third, to demonstrate the effect of philosophical methods for painting the main five pictures of the world of that era.

Keywords: Hellenism, Democracy, Empire, Cynicism, Skepticism, Epicureanism, Stoicism, Neoplatonism

For citation: Tajsina E.A. Philosophical ways of describing the worldview of the hellenistic era: five paintings, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 149 —159.

Статья поступила в редакцию 01.05.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted 01.05.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 28.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Тайсина Эмилия Анваровна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия, Emily_Tajsin@inbox.ru

Tajsina Emilia A. — PhD (Habil.), Doctor of Sciences (Philosophy), Distinguished Professor of the Department of Philosophy and Media Communications, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation, Emily_Tajsin@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 160—167.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 160—167.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2024.1.16

НООСФЕРА КАК ЭМЕРДЖЕНТНОЕ СВОЙСТВО БИОСФЕРЫ В ЕЕ СИНЕРГИИ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ФОР- МАМИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Андрей Витальевич Брагин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anvibr@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью адекватно представить общую перспективу ноосферного развития нашей планеты в ее космической динамике и специфике конкретных планетарных условий. Данная необходимость и обусловливает цель нашего исследования, осуществленного при помощи системно-синергетического подхода. В указанном ракурсе рассмотрения ноосфера — это эмерджентное свойство био-косного и энергоинформационного субстрата биосферы — совокупности всех живых организмов. Здесь необходимо заметить, что и сама жизнь является эмерджентным свойством, проявлением целостности некоей системы. Человек как актуальный носитель разума является острием ноосферного развития, которое невозможно без своего широкого биосферного основания. Все, что происходит в динамике эволюции жизни, имеет для развития ноосферы столь же существенное значение, как и историческое развитие человечества. Ноосфера как она представлялась К.Э. Циолковскому или П. Тейяр де Шардену, предполагающая элиминацию человечеством всех иных форм жизни, невозможна. Ноосфера как объективная реальность с необходимостью предполагает когерентное синергетическое сохранение и развитие всех форм жизни в рамках их коэволюции с конкретно-историческими формами человеческой.

Ключевые слова: ноосфера, биосфера, система, эмерджентность, коэволюция, человечество

Для цитирования: Брагин А.В. Ноосфера как эмерджентное свойство биосферы в ее синергии с историческими формами развития человечества // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 160—167.

Положение, уготовленное человеку природой, таково,
что лишь тогда человек отличается от всех прочих вещей,
когда познает себя, и он же опускается ниже животного,
если перестает осознавать свое предназначение.

Бозций

Актуальность темы обусловлена необходимостью адекватно представить общую перспективу ноосферного развития нашей планеты, человека в ее космической динамике и специфике конкретных планетарных условий. Данная необходимость и обусловливает цель нашего исследования, осуществленного при помощи системно-синергетического подхода. Отметим, что выбранный нами для достижения обозначенной выше цели системно-синергетический подход, безусловно, не единственный, как справедливо

отмечал Н. Бор: «нельзя в рамках одного языка описать сколь-нибудь сложное явление...» (цит. по: [Моисеев: 138]). Однако в интересующем нас аспекте специфики свойств целого — здесь прежде всего имеется виду замечание Аристотеля, утверждавшего, что целое зависит от характера взаимосвязи частей и всегда больше их суммы [Аристотель: 175—176] — именно он наиболее адекватен. В указанном ракурсе рассмотрения ноосфера — это эмерджентное свойство биокосного и энергоинформационного субстрата биосферы — совокупности всех живых организмов. Здесь необходимо заметить, что и сама жизнь является эмерджентным свойством, проявлением целостности некой системы.

Человек как актуальный носитель разума является острием ноосферного развития, которое невозможно без своего широкого биосферного основания. Все, что происходит в динамике эволюции жизни, имеет для развития ноосферы столь же существенное значение, как и историческое развитие человечества. Ноосфера, как она представлялась К.Э. Циолковскому или П. Тейяр де Шардену (отчасти), предполагающая элиминацию человечеством всех иных форм жизни, невозможна. Ноосфера как объективная реальность с необходимостью предполагает когерентное синергетическое сохранение и развитие всех форм жизни в рамках их коэволюции с конкретно-историческими формами человеческой культуры.

Итак, начнем, как говорится, *ad ovo*. **Мир — это предельная полнота Бытия в его всеобъемлющей единичности, самотождественности и самоограниченности, это единство возможности и действительности, сущности и явления, словом, — это вся реальность.** Изначально Мир — это **Единое, т. е. нечто в-себе, чистая потенция (меон), нечто лишенное различий, а потому и формы**¹. Единое, квантируясь при переходе из потенциальности (континуальной) в актуальность (дискретную), становится актуально сущим, действительным, приобретает вид и форму, сохраняя при этом единство своих возникающих частей (являясь для них «точкой сходимости», т. е. общим пределом всех иерархических рядов становящегося). Вселенная — это один из модусов, одно из возможных состояний Мира. Наша Вселенная — это модус Мира, становящийся в действительности, т. е. переходящий из потенциального состояния в актуальное (см., например, [Брагин: 2002; 2003]).

«Мир, проявляющий себя в актуальности через свой конкретный модус — Вселенную, — есть гомеостатическая система-организм. Гомеостатичность мироздания выражается, в частности, в динамическом балансе информации и энтропии. Соотношение информации и энтропии в Мире не просто взаимозависимо, но константно. Растет энтропия, и прямо пропорционально ей растет информация, последнее обусловлено возникновением локальных очагов Жизни и Разума во Вселенной, компенсирующих своим функционированием неизбежный рост энтропии. <...> Возникновение Жизни — свидетельство прогресса в структурной организации конкретного модуса Мира, становящегося в действительности — Вселенной. Однако если исходить только из внутренних целей данной системы (ее направленности на “выживание”), то прогресс, эмпирически фиксируемый в эволюции Вселенной (связанный с появлением в конечном счете — Разума), — как таковой не есть цель данной эволюции, он лишь следствие ее стремления к гомеостазису в условиях нестабильности» [Брагин 2010b: 63]. Границы данной системы обусловлены

¹ Плотин отмечал: «Единое есть все и ничто, ибо начало всего не есть все, но все — его, ибо все как бы возвращается к нему, вернее, как бы еще не есть, но будет...» [Плотин: 549].

скоростью обратной связи, однако вопрос, является ли скорость света для данной системы предельной, пока не прояснен, квантовая механика, в частности, предполагает удивительное единство всех частиц, не ясен и источник развертываемой в эволюции Вселенной первичной информации. В любом случае границы Системы систем как ее латентной структуры (содержащей множество вариантов потенциально возможного в актуальности), так и актуальной (вселенная), объединяемой понятием Мир, не является безграничной и бесконечной. Следовательно, не предполагает и бесконечного развития.

Мироздание (Мир) представляет собой организменную Систему (см.: [Брагин 2010а: 227 — 237]) систем, элементы которой носят фрактальный характер (см.: [Брагин 2013: 39—50]). То есть каждый элемент Мира является подсистемой, тождественной по своим параметрам своему предельному Целому. Касается это и локальной космопланетарной системы Земли с ее биосферой, находящейся в процессе перехода в ноосферу. По поводу таких систем еще Г.В.Ф. Гегель писал: «Их живое единство им не безразлично, а напротив, представляет собою субстанцию, в которой и через посредство которой они только и могут сохранять свою собственную индивидуальность» [Гегель 12: 124]. Из этого следует, что существенные для поддержания гомеостазиса подсистемы Вселенной вполне сравнимы со стволовыми клетками биологического организма. Они потенциально (латентно) содержат возможность (информационную программу) развертывания в направлении ноосферного вектора развития. Касается это и возможности живых организмов двигаться по пути цефализации.

В.И. Вернадский в построении своей концепции биосферы и ее перехода в ноосферу, как правило, опирался на эмпирические обобщения². Это очень продуктивный путь, особенно учитывая фрактальный характер организменных систем. Полагаю, что из данных обобщений можно извлечь в свете системно-синергетического подхода дополнительные выводы, экстраполируя, например, выводы В.И. Вернадского по поводу постоянства массы живых существ, гомеостатичности и организменном характере Жизни (см.: [Брагин 2010b]). В свете этого будет вполне логичным предположить, что утверждение Вернадского: «Атомы, вошедшие в какую-нибудь форму живого вещества, захваченные единичным жизненным вихрем, с трудом возвращаются, а может быть, и не возвращаются назад, в косную материю биосферы» [Вернадский: 97], содержит закономерность, касающуюся и ноосферы.

Существенно также, что, по мнению В.И. Вернадского, «живое вещество, так же как и биосфера, обладает своей особой организованностью и может быть рассматриваемо как закономерно выражаемая функция биосферы» [Там же: 245], причем «биосфера является единым целым, большим биокосным естественным телом...» [Там же: 433]. Следовательно, и ноосфера — это не что иное, как функция определенного уровня организованности этого единого естественного тела, частью которого является и человечество. Подчеркнем, что Человечество не является «телом» ноосферы, *ее субстратом выступает вся биосфера* как организменное динамичное целое. А в таком целом взаимодействие всех частей соответствует принципу корреляции частей, сформулированному Ж. Кювье, что предполагает обязательное их взаимосогласование.

---

² По поводу возможных возражений против такого подхода хорошо сказал Я.Ф. Аскин: «До тех пор, пока не доказано конкретно, что данная закономерность ограничена в таких-то рамках в силу таких-то обстоятельств, не существует запрета на право ее экстраполяции» [Бесконечность и Вселенная: 166].

В свое время мною утверждалось, что «Ноосфера есть оптимально соответствующее объективной необходимости, обладающее системной завершенностью состояние разума, высший этап его актуального развития, характеризующийся оптимальным соответствием его роли в мироздании. Ноосфера в узком смысле этого термина — поле актуальной явленности родовой человеческой сущности, ее исторического выражения в конкретном и уникальном существовании людей» [Брагин 2003: 86].

Данное положение необходимо скорректировать и уточнить, учитывая тот факт, что человек социо-природное существо. Все организмы, входящие в планетарную биосферу Земли, неразрывно связаны различными формами коммуникации, порождающими своей целостностью ноосферу. Человечество как часть биосферы не может стоять вне ее, оно лишь *острие ее эволюции*, отсюда и необходимость действовать через синергичное участие в естественных процессах по «принципу кормчего» (см.: [Моисеев: 322—323]), а вовсе не навязывание природе искусственных планов (имеющих внешнюю, а не внутрисистемную естественную обусловленность), произвольно сформулированных человеческим разумом. В противном случае вместо ортогонального развития, для человечества ничего не может быть иного кроме тупика (см.: [Ефремов: 91—102]).

Кстати, понимание данного обстоятельства содержится, например, в Новом завете в послании апостола Павла Римлянам: «Мы дети Божии. А если дети, то и наследники Божии, сонаследники Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас... и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучается донныне; И не только она, но и мы сами, имея начаток Духа...» (Рим. 8, 17, 18, 21—23) [Новый завет: 195]. Здесь существенно и то, что и управление по «принципу кормчего» имеет изначальный дефект — возможность субъективного, неадекватного понимания человеком оптимальности. Преодолеть данный дефект возможно только при опоре на «начатки Духа», если использовать религиозную терминологию, если же использовать научную терминологию, то — при опоре на присущее живому и разумному существу осознание целостности и порождаемой ею эмерджентности.

Эмпирически фиксируемая в эволюции конвергенция в развитии организмов неслучайна. Опираясь на данные палеонтологии, И.А. Ефремов писал, что «эволюция ставит перед организмами одни и те же задачи, а следовательно, имеет направленность» [Ефремов: 96]. Причем, «чем выше уровень организации жизни, тем более конвергентны ее формы, и человек не только не исключение, но, пожалуй, лучшая иллюстрация этого положения» [Там же: 97]. Указанная когерентность в эволюции видов живых организмов обеспечивает, кроме того, оптимум функционирования биосферы в космопланетарных масштабах, причем именно при ноосферном векторе развития (развития не бесконечного, а обусловленного стремлением организменной динамичной системы к гомеостазису).

Современное человечество, двигаясь по крайней мере последние 500 лет по пути научно-технического прогресса как единого явления, утверждалось в своем превосходстве и господстве над Природой. Однако то господство иллюзорно, и нарастание экологических проблем, жестоко бьющих по самому человечеству, тому подтверждение. Многие мыслители, руководствуясь свойственным западной цивилизации «прометеевским духом», волонтаристски

игнорируя саму идею коэволюции, полагали, что развитие человечества ведет к полному элиминированию природной среды искусственной. Даже такой крупный русский космист, как К.Э. Циолковский утверждал, например, что неразумно дожидаться миллиарды лет, пока из примитивного существа посредством эволюции возникнет совершенное. По К.Э. Циолковскому, предназначение человека в познании космоса, истины, «которая есть счастье всего», достижении совершенства. Несовершенное в развитии как Земли, так и всего Космоса, «если запаздывало в развитии и не обещало скорых и добрых плодов», предполагалось безболезненно устранить [Циолковский 1993: 8]. Причем, ради освобождения места совершенному человечеству, с точки зрения К.Э. Циолковского, должны были исчезнуть все другие виды живых существ — как тупиковые и бесполезные. Само же человечество должно перейти к искусственной селекции, отказаться от естественных форм размножения и т. п. Здесь необходимо подчеркнуть, что К.Э. Циолковский руководствовался высшими соображениями, и все изложенное выше предполагалось осуществлять ради торжества разума и преобладания счастья [Циолковский 2001]. Как представляется, К.Э. Циолковского можно считать не только последователем социал-дарвинизма, евгеники (с его предложениями стерилизации и эвтаназии несовершенных людей (см., например, [Циолковский 2007]), но предвозвестником трансгуманизма.

В Западной Европе сходные идеи высказывал и такой мыслитель, как П. Тейяр де Шарден, который предполагал возможность такого варианта развития человечества, по которому жизнь на Земле исчерпает себя раньше, чем все люди объединятся в реализации своей космической функции. В этом случае наступит «смерть материально исчерпавшей себя планеты; разрыв ноосферы, разделившейся по вопросу о форме, в которую необходимо облечь свое единство, и одновременно, придавая событию все его значение и всю его важность, освобождение того процента универсума, который сумеет сквозь время, пространство и зло тщательно синтезироваться до конца» [Тейяр де Шарден: 226—227]. Такой вот специфический гуманизм.

Хотя даже марксистская философия, также приверженная прометеевскому духу, поднималась до адекватного понимания характера взаимодействия человека и Природы. Например, имея в виду подлинно разумную деятельность, Ф. Энгельс отмечал, что история движется к «примирению человечества с природой и самим собой» [Маркс, Энгельс 46. 1: 551]. Так как «природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» [Там же: 479], т. е. стремление встать над природой, элиминировать ее тем более явно неразумно и нуждается в обуздании.

Русский космист Н.Ф. Федоров писал: «Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою; в нас она достигает совершенства, или такого состояния, достигнув которого она уже ничего разрушать не будет, а все в эпоху слепоты разрушенное восстановит, воскресит» [Федоров: 521]. Кстати и П. Тейяр де Шарден, противореча своим же утверждениям, справедливо утверждал: «Мыслящий покров, как зародыш планетарных размеров, на всем своем протяжении разворачивает и перекрещивает свои волокна не для того, чтобы их смешать и нейтрализовать, а чтобы их усилить в живом единстве одной ткани» [Тейяр де Шарден: 194].

Безусловно, права И.В. Дмитревская, утверждающая, что «ноосферное бытие — движение по Пути жизни» [Дмитревская: 196]. По-другому и быть не может, тем более что, как отмечалось, Жизнь и Разум — это эмерджентные

свойства, возникающие только при целостности организменной системы. Эмерджентные свойства не возникают из суммы свойств элементов, а тем более при их вычитании, элиминировании множества элементов гипертрофированным одним. Разрушая биосферу Земли, вытесняя и уничтожая все живые организмы, усредняя свой собственный вид, тем более через его искусственную весьма произвольную (по субъективным критериям) селекцию, человечество способствует росту энтропии, хаотизирует систему, элементом которой является. Такая практика в стратегическом плане означает отказ человечества от ноосферного вектора развития, отказ от Разума (через его деградацию) и даже от Жизни (через неизбежное вымирание). Здесь необходимо, однако, заметить, что такой отказ от Жизни и Разума может быть детерминирован не человеческой произвольностью, субъективностью, а стремлением планетарной системы не допустить опережающего нарастания энтропии негентропийного начала.

Так или иначе, для биосферы Земли и ноосферного вектора ее развития отказ человечества от Разума и Жизни (какими бы факторами это не было вызвано) через разрушение естественной целостности земной планетарной системы (а тем более Космоса) не был бы фатальным (см., например, [Брагин 2003: 87—88]). Пусть и с задержкой, но при условии сохранения нуклеуса³ системы Земли, все восстановилось бы — биосфера регенерировала, а на острие ноосферной эволюции оказался бы другой вид живых существ. Как вполне обоснованно утверждал Э.М. Сороко: «всякое материальное либо идеальное внутренне противоречивое единое целое представляет собой устойчивое структурное образование, прежде всего потому, что является стоячей волной субстрата, которому имманентен механизм самоприведения к одним и тем же инвариантам» [Сороко: 159], добавим здесь — в рамках сохраняющегося гомеостаза.

Список литературы / References

- Березин А. Самое массовое вымирание на Земле: конец загадки? URL: <https://life.ru/p/986556> (дата обращения: 14.12.2023).
(The most massive extinction on Erath: the end of the mystery? — In Russ.)
- Бесконечность и Вселенная. М.: Мысль, 1969. 325 с.
(Infinity and universe, Moscow, 1969, 325 p. — In Russ.)
- Брагин А.В. Бытие как Мир: специфика проявления // Вестник Ивановского государственного университета. 2002. Вып. 2. С. 74—82.
(Bragin A.V. Being as a world: the specifics of manifestations, *Bulletin of Ivanovo State University*, 2002, vol. 2, pp. 74—82. — In Russ.)
- Брагин А.В. Мир, Вселенная, Разум (ноосферный вектор развития человечества) // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V. Специальный выпуск 1—2 (19—20). С. 82—90
(Bragin A.V. World, Universe, Mind (noospheric vector of human development), *Personality. Culture. Society*, 2003, vol. V, special iss. 1—2 (19—20), pp. 82—90. — In Russ.)

³ В истории Земли были массовые вымирания видов, в частности — Пермское вымирание (пожалуй, самое крупное), имевшее место 252 млн лет назад, сопровождавшееся примерно пятикратным увеличением углекислого газа в атмосфере, средних температур атмосферы и океана примерно на 6 градусов, что привело к вымиранию в течение 10 тысяч лет 95 % морских видов, 73 % наземных позвоночных и даже 83 % насекомых (см., например, [Самое массовое ...]). Однако биосфера восстановилась, причем продолжился процесс цефализации, приведший в итоге к возникновению вида homo sapiens.

- Брагин А.В. Проблема гомеостатичности Мира как организма // Ословесненный космос: культурологический сборник. Иваново; Шуя, 2010а. С. 227—237
(Bragin A.V. The problem of homeostaticity of the World as an organism, *Offerated Cosmos: a cultural collection scientific*, Ivanovo; Shuya, 2010a, pp. 227—237. — In Russ.)
- Брагин А.В. Проблема «массы Разума» и устойчивость развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2010b. Вып. 2. С. 59—67.
(Bragin A.V. The problem of the «mass of the Mind» and the stability of development, *Bulletin of the Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2010b, vol. 2, pp. 59—67. — In Russ.)
- Брагин А.В. Фрактальный характер ноосферной истории: к постановке проблемы // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 1 (3). С. 39—50.
(Bragin. A.V. Fractal character of noospheric history: to the formulation of the problem, *Noospheric studies*, 2013, vol. 1 (3), pp. 39—50. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 261 с.
(Vernadsky V.I. Biosphere and Noosphere, Moscow, 2004, 261 p. — In Russ.)
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. Кн. 1. // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1938. Т. 12. 471 с.
(Hegel G.V.F. Lectures on aesthetics. Book 1, *Hegel G.V.F. Works: in 14 vols*, Moscow, 1938, vol.12, 471 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Ноосферный текст: системно-герменевтический анализ // Реалии ноосферного развития М.: ИД Ноосфера, 2003. С. 194—205.
(Dmitrevskaya I.V. Noospheric text: systemic-hermeneutic analysis, *Realities of noospheric development*, Moscow, 2003, pp. 194—205. — In Russ.)
- Ефремов И.А. Космос и палеонтология // Населенный космос. М.: Наука, 1972. С. 91—102.
(Efremov I.A. Cosmos and paleontology, *Populated space*, Moscow, 1972, pp. 91—102. — In Russ.)
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М.: Политиздат, 1955—1974. Т. 46. Ч.1. 308 с.
(Marx K., Engels F. Works, Moscow, 1969, vol. 46, pt. 1, 308 p. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995. С. 322—323.
(Moiseev N.N. Modern rationalism, Moscow, 1995, pp. 322—323. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня. М.: Аспект Пресс, 1997. 304 с.
(Moiseev N.N. How far until tomorrow, Moscow, 1997, 304 p. — In Russ.)
- Новый завет. М., 1990. 296 с.
(New Testament. Moscow, 1990, 296 p. — In Russ.)
- Плотин. Эннеады // Антология мировой философии: в 4 т. М., 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 538—554.
(Plotinus. Enneads, *Anthology of world philosophy: in 4 vols.*, Moscow, 1969, vol. 1, pt. 1, pp. 538—554. — In Russ.)
- Сороко Э.М. Структурная гармония систем. Минск: Наука и техника, 1984. 264 с.
(Soroko E.M. Structural harmony of systems, Minsk, 1984, 264 p. — In Russ.)
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. 240 с.
(Teilhard de Chardin P. Phenomenon of Human, Moscow, 1987, 240 p. — In Russ.)
- Федоров Н.Ф. Из II тома «Философии общего дела» // Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 507—606.
(Fedorov N.F. From the II volume of “Philosophy of the Common Affairs”, *Fedorov N.F. Works*, Moscow, 1982, pp. 507—606. — In Russ.)
- Циолковский К.Э. Суд космоса. М., 1993. 20 с.
(Tsiolkovsky K.E. Cosmos Court, Moscow, 1993, 20 p. — In Russ.)
- Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 2001. 478 с.
(Tsiolkovsky K.E. Cosmic philosophy, Moscow, 2001, 478 p. — In Russ.)

NOOSPHERE AS EMERGENCY CHARACTERISTIC BIOSPHERE IN ITS SYNERGIES WITH HISTORY FORMS OF THE DEVELOPMENT MANKIND

Andrey V. Bragin

Ivanovo, Russian Federation, anvibr@mail.ru

Abstract. Urgency of the subject is conditioned by the necessity to adequately present the general prospect of noospheric developments of our planet in its cosmic dynamics and specifics of concrete planetary conditions. That necessity conditions the purpose of our study realizable with the help of system-synergetic of the approach. Viewed from this perspective noosphere is a property of biosphere substrata — a totality of all alive organism. It seems necessary to notice that life itself is an emergent characteristic, manifestation to the wholeness of a certain system. A human being as an actual carrier of the reason is an edge of noospheric developments, which without its broad biosphere basis is impossible. Everything that takes place in the dynamics of life evolution has for noosphere development just as vital importance as mankind's historical development. Noosphere as it was understood by K.E. Tsiolkovsky or P. Teyiar de Sharden, suggesting the elimination by humanity of all other forms to lives, is impossible. Noosphere as objective reality necessarily presupposes the coherent synergetic conservation and development of all forms of life within the framework of their coevolution with concrete historic forms of the human one.

Keywords: noosphere, biosphere, system, emergency, coevolution, mankind

For citation: Bragin A.V. Noosphere as emergency characteristic biosphere in its synergies with history forms of the development mankind, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 160—167.

Статья поступила в редакцию 13.05.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted 13.05.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 28.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Брагин Андрей Витальевич — доктор философских наук, профессор, научный сотрудник НОЦ «Комплексные ноосферные исследования», г. Иваново, Россия, anvibr@mail.ru

Bragin Andrey Vitalievich — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Researcher at the Research Center “Complex Noospheric Research”, Ivanovo, Russian Federation, anvibr@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 168—177.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 168—177.

Научная статья

УДК 130.1:338.2

DOI: 10.46726/И.2024.1.17

МУДРОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ОПТИМАЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виталий Валерьевич Коромыслов

Пермский государственный аграрно-технологический университет,
Пермь, Россия; vvk79@mail.ru

Аннотация. Тенденции в современной мировой экономике побудили экономистов призывать к построению «экономики мудрости» или «обществу мудрости», однако в философской литературе системно проработанной концепции мудрости не оказалось. Цель данного исследования — выявить и обобщить проявления мудрости в экономической деятельности. В ходе исследования были выявлены основные ситуации, связанные с дефицитом мудрости в экономической деятельности, сформулированы ориентиры для мудрого поведения в них. Показана зависимость решений в экономике от особенностей культуры общества, из чего был сделан вывод о том, что для того, чтобы мудрость в экономической деятельности возрастала, необходимо воспитание всесторонне развитых личностей, ориентированных на приоритет интересов всего общества. Было предложено понимать под экономической мудростью не некие совершенные, окончательные знания, а инструмент, включающий в себя те установки мышления, которые способствуют никогда не заканчивающемуся движению к оптимальности. Исследование выявило наиболее важные среди них: установки на дальновидность, расширение взгляда, избегание крайностей, поиск «золотой середины», баланса и на верную расстановку приоритетов. При этом наиболее важным ориентиром оптимальности решений рассматриваются общечеловеческие интересы, понятые с учётом перспектив развития человечества.

Ключевые слова: мудрость, экономика мудрости, общество мудрости, гуманитарная экономика, общество потребления, информационное общество, кризис глобального долга, развитие общества

Для цитирования: Коромыслов В.В. Мудрость как инструмент для достижения оптимальных результатов экономической деятельности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 168—177.

Современное состояние мировой экономики побуждает экономистов обратить внимание на понятие, на первый взгляд никак не связанное с экономической деятельностью — понятие мудрости. В XXI веке всё более явно выступают недостатки современной экономической модели развития, в которой экономический рост является самоцелью, не учитывается более широкий контекст развития общества. В результате, с одной стороны, такой рост зачастую оказывается «нездоровым», неустойчивым, накапливающим риски для будущего, а с другой — происходит в ущерб другим сферам общественной жизни и природе. Всё большее количество экономистов начинают осознавать данное обстоятельство и обращаться к понятию мудрости в поисках выхода из данной

ситуации. В экономической литературе всё больше звучат призывы к повороту от «экономики знаний» к «экономике мудрости», построению «общества мудрости» в целом [Акофф; Алтухов; Вовк; Мальтисова; Шумахер]. Однако несмотря на востребованность этого понятия, оказывается, что в философской литературе не существует системно проработанной концепции мудрости.

Экономическая мысль связывает мудрость не просто с умением решать проблемы, но и находить при этом оптимальные решения [Вовк: 19]. Действительно, решить проблемы можно по-разному, в том числе и по пути наименьшего сопротивления, при котором, решая проблему «здесь и сейчас», можно лишь отодвигать её окончательное решение в будущее, либо создавать при этом новые проблемы. В этой связи возникает концепция «устойчивого развития». С философских позиций здесь речь идёт, прежде всего, о дальновидности.

В психологии наиболее удачным, на наш взгляд, является определение мудрости Р. Дж. Штенберга — автора одной из самых проработанных теорий мудрости в психологии: «Мудрость — это опосредованное смыслом применение явных и неявных знаний в достижении общего блага, реализуемого через баланс между (а) внутриличностными, (в) межличностными и (с) экстраперсональными интересами в (а) краткосрочной и (в) долгосрочной перспективе с целью достижения баланса между (а) адаптацией к существующей среде, (в) формированием существующей окружающей среды и (с) выбором новых условий» [Sternberg: 152].

Это определение отражает три наиболее важных для современной экономической ситуации момента, связанных с ответственным подходом при принятии решений. Во-первых, это чёткое обозначение конечной цели, исходящей не только из узких, частных интересов, но прежде всего из общего блага. Во-вторых, оно фиксирует необходимость поиска во всём меры, баланса. Ну и в-третьих, оно не ограничивается лишь сиюминутными целями и интересами, а учитывает также развитие ситуации, указывает на необходимость дальновидного подхода.

Призывы экономистов к «экономике мудрости» и «обществу мудрости» прежде всего связаны с близорукостью проводимой экономической политики в последние два десятилетия. Как известно, рыночная экономика развивается циклично и примерно каждые 10 лет происходят серьёзные кризисы, затрагивающие всю мировую экономику. Такая цикличность экономического развития предполагает необходимость наличия финансовых резервов для того, чтобы легче пережить сам кризис и стимулировать экономику для выхода из него. Поэтому во времена относительного благополучия было принято накапливать резервы на «чёрный день», тем самым обеспечивая финансовую устойчивость страны. Однако в XXI веке это правило во многих странах перестало соблюдаться. Более того, стало нормой жить не по средствам. Так, начали раздуваться «пузыри» на рынке государственного и корпоративного долга, стал зашкаливать долг домохозяйств даже в благополучных странах [Андрианов].

Оказалось, что какой бы высокий уровень жизни не был достигнут, если существует возможность повысить степень своего благополучия путём дешёвых кредитов, то перед этим соблазном мало кто способен устоять. А при снижении уровня доходов или повышении процентных ставок по кредитам привычный уровень трат почти не меняется за счёт ещё большего увеличения долговой нагрузки, даже несмотря на рост рисков утраты кредитоспособности.

В экономике принято использовать риск-менеджмент, при принятии решений соотносить возможные выгоды и риски, но в данном случае на государственном уровне риск-менеджмент во многих странах если и проводился, то на краткосрочную перспективу. Высших чиновников, видимо, интересовало не благополучие своей страны как таковое, а лишь временные эффекты этого

благополучия на период предполагаемого их нахождения у власти. Именно такое ощущение возникает у тех, кто анализирует состояние мировых финансов и решения, которые принимались в этой сфере в XXI веке [Андрианов; Вовк; Мальтисова]. И именно это обстоятельство прежде всего побуждает говорить о недостатке мудрости в современной экономике.

Справедливости ради, стоит отметить, что в качестве обоснования такой экономической политики использовался эффект мультипликатора, который подразумевает, что увеличение государственного долга на определённую величину приводит к ещё большему увеличению экономики (ВВП). Это становится возможным за счёт того, что полученные от увеличения долга средства используются в качестве инвестиций на развитие инфраструктуры, технологий и повышения социальных выплат, в долгосрочной перспективе не только окупаясь, но и делая эти затраты в конечном счёте прибыльными для государства [Тимина].

Однако всему есть своя мера. Использование эффекта мультипликатора прекрасно себя показало на протяжении XX века, приведя к ускорению роста экономик и уровня жизни, ускоренному развитию технологий и инфраструктуры без серьёзных последствий для большинства стран. Но ситуация начала меняться в XXI веке, когда такая политика уже была не столь результативной, эффект мультипликатора начал резко падать. И в этот момент следовало бы задуматься о целесообразности продолжения проведения такой политики, но этого не произошло, поскольку такой шаг привёл бы к снижению темпов экономического развития, а значит, сопровождался бы понижением рейтинга политических сил, находящихся у власти. Как результат, темпы роста ВВП стали недостаточными для того, чтобы соответствовать темпам роста государственного долга.

Более того, проводилась очень рискованная экономическая политика на стимулирование экономического роста путём поощрения увеличения долгов корпораций и домохозяйств. В этом, безусловно, был определённый экономический смысл, заключающийся в использовании эффекта мультипликатора на уровне микроэкономики, но и здесь были свои рамки разумного. Когда их границы были пройдены, то это создало глобальную угрозу обрушения всей мировой финансовой системы. И если «великая рецессия» 2008—2013 гг. была преодолена теми же средствами, то достаточно было лишь дожидаться следующего глобального циклического кризиса, который был вызван пандемией COVID-19, как оказалось, что все стандартные инструменты борьбы с кризисами уже задействованы (финансовые резервы использованы, учётные ставки центральных банков очень низки или даже уже отрицательны, уровень государственных долгов чрезмерно высокий) [Андрианов].

Тогда центральные банки стран, валюты которых являются резервными, стали печатать эту валюту в беспрецедентных для мировой истории масштабах. И уже к началу 2022 года инфляция в США и Евросоюзе была рекордной за последние 40 лет. Для борьбы с ней необходимо повышение ключевых ставок центральных банков выше инфляции, однако в условиях громадного государственного, корпоративного и индивидуального долга это создаёт серьёзные риски небывалых в истории по массовости банкротств. Первая волна банкротств ведущих банков уже прокатилась по США и Швейцарии в марте 2023 года, однако максимальный негативный эффект от повышения ставок обычно наступает с временным лагом в полтора года. При этом ключевые ставки в Европе и США ещё даже не начали понижаться, а только приблизились к пиковым значениям.

Таким образом, большая часть мировой экономики в ближайшие годы окажется в тупике выбора между двух зол: преждевременное смягчение

финансовых условий для предотвращения глубокого кризиса снова разгонит инфляцию и создаст риск утраты контроля над ней, что в итоге приведёт к серьёзному обрушению уровня жизни населения; в то же время борьба с инфляцией при помощи жёсткой монетарной политики ведёт к росту рисков разрушения всей мировой финансовой системы. Лавирование между этими двумя противоположными целями может быть очень продолжительным, но в сложившейся ситуации вовсе не будет способствовать их достижению, а скорее будет всё более увеличивать связанные с ними риски.

Данная ситуация позволяет говорить о мудрости в экономике как о дальновидном подходе и соблюдении разумной меры во всём. Остановимся на последнем моменте подробнее. Руководители Центробанков и экономического блока правительств всех стран всегда стоят перед необходимостью определения «золотой середины» между финансовой устойчивостью и экономическим ростом, уровнями безработицы и инфляции [Гичиев]. Умение находить оптимальные решения в этом отношении, безусловно, является показателем мудрости этих руководителей.

Известный экономист Д.М. Кейнс после поездки в СССР сформулировал проблему о невозможности при помощи государственной политики одновременно максимизировать свободу, справедливость и эффективность. Он обосновал, что возможно сочетать лишь любые два приоритета из этих трёх, но в ущерб оставшемуся. Выбор в качестве приоритетов ценностей свободы и эффективности приводит к рыночной модели, в рамках которой приходится в какой-то мере жертвовать справедливостью. Выбор в качестве приоритетов ценностей справедливости и эффективности приводит к плановой модели, в рамках которой приходится в какой-то мере жертвовать свободой людей. Эта проблема получила название трилеммы Кейнса [Никонова].

Современные достижения экономической мысли позволяют создавать инструменты, максимально эффективно использующие механизмы рыночной экономики, что даёт серьёзные преимущества перед плановой её моделью в достижении более высокого уровня жизни людей, роста инвестиций и инноваций [Мациевский; Петрикова]. Однако и плановая модель экономики имеет свои преимущества. Обычно она себя хорошо показывает во время преодоления кризисов и становления на новый путь развития. При этом выявленные ранее недостатки директивного планирования привели к развитию концепции более гибкого, индикативного планирования [Булочникова: 37; Невская]. Динамичное и стабильное развитие экономики Китая показывает нам пример если не оптимального, то весьма удачного совмещения этих двух основных моделей.

Развитие цифровой экономики и технологий искусственного интеллекта увеличивает потенциал стратегического планирования, способно преодолеть те его недостатки, которые привели к проблемам в экономике СССР периода его упадка, придать новый импульс развитию плановой модели. И здесь выигрывают те страны, которые сумеют найти необходимый баланс гармоничного совмещения этих двух моделей в новых условиях. Для этого потребуется не только найти нужную меру, но и отказаться от предвзятого подхода, сформировавшегося под влиянием прошлого опыта и знаний, полученных в ином контексте. А это, безусловно, будет являться показателем мудрости проводимой экономической политики.

Введение плоской шкалы подоходного налога в России в 2001 году сложно назвать справедливым, а снижение налоговой нагрузки на бизнес выглядело ещё и очень рискованным для исполнения государственного бюджета. Однако в той ситуации отсутствия добросовестного отношения к уплате

налогов, как показала практика, это решение оказалось достаточно мудрым. Из общемировой практики известно, что повышение налогов часто не приводит к желаемому результату, поскольку способствует снижению их собираемости и темпов экономического роста. А в данном случае был интересный эксперимент, в рамках которого правительство пошло по обратному пути.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, такое решение выглядело не только смелым, но и даже несколько безумным, расчёт оказался верным и при общем снижении, например, ставки НДС с диапазона 12—30 % до 13 %, это привело к повышению собираемости налога и, более того, увеличению доходов бюджета [Гурвич, Суслина]. Это стало возможным за счёт комплексных мер данной налоговой реформы, снижающих соблазн уходить в теньевую экономику и сменять российскую юрисдикцию.

Перед дилеммой выбора между, с одной стороны, свободой предпринимательства, способствующей инициативе и инновациям, а с другой — регулированием с целью предотвращения недобросовестности и негативных последствий, встанёт любое современное правительство. Это и другие вышеприведённые обстоятельства иллюстрируют необходимость выбора приоритетов в экономической политике. Умение верно расставить приоритеты в той или иной сложившейся ситуации, глубина проведённого при этом анализа, связаны с определённой мудростью правителя или управленца.

Здесь уместно вспомнить о том, что в управлении финансами важна диверсификация. Вложения в те или иные финансовые активы всегда сопровождается рисками, и чрезмерный акцент лишь на определённом их виде или типе может привести к неприемлемым потерям. Как известно, увлечение вложениями в ипотечные финансовые инструменты американской инвестиционной компании с мировым именем Lehman Brothers Holdings Inc. привело не только к её банкротству, но и способствовало началу острой фазы одного из самых тяжёлых мировых экономических кризисов за последние 100 лет в 2008 году. Поэтому важно распределение вложений между как можно более разнообразными видами финансовых инструментов, снижающее риски для портфеля вложений в целом. Таким образом, в умении находить баланс, учитывающий всевозможные риски, но достигающий целей по диапазону прибыльности, можно увидеть некоторую мудрость.

Необходимость в реформах часто не только осознаётся профессионалами, но и чувствуется на уровне обывателя. Однако решится на них, особенно если это касается структурных преобразований экономики, как правило, весьма непростой выбор из существующих альтернатив, поскольку принимаемые при этом решения обычно болезненно сказываются на краткосрочной или даже среднесрочной перспективах развития ситуации, а потому вызывают неодобрительную реакцию у значительной части общества.

Так, ни реформы по повышению пенсионного возраста, ни излечение «голландской болезни», проявляющейся в России в зависимости от нефтегазовых доходов, ни путь к импортозамещению, ни переход на зелёную энергетику не сулят ничего хорошего для населения страны в ближайшей перспективе, а требуют жертв настоящим ради будущих перспектив.

Реформы по повышению пенсионного возраста обычно связаны с решением проблемы «старения населения». В России эта проблема особенно актуальна из-за одного из самых худших в мире показателей по соотношению между долей пенсионеров и трудоспособного населения, которое сложилось, в том числе из-за слабой рождаемости в 1990-е гг. [Филипповская: 10]. Очевидно, что эта реформа болезненна для людей предпенсионного возраста,

однако она даёт возможность сократить дефицит бюджета пенсионного фонда, снижая риски его исчерпания в будущем.

Уход от нефтегазовой зависимости, импортозамещение, переход на зелёную энергетику требуют колоссальных инвестиций и предполагают отказ от значительных преимуществ, используемых в настоящем. Реформы в этом направлении, проведённые в сжатые сроки, значительно негативно сказались бы на уровне благосостояния населения, а их положительный эффект был бы для него заметен, возможно, лишь через десятки лет. В то же время для отдалённого будущего это снижает многие риски и создаёт благоприятные перспективы в целом. Поэтому такого рода дальновидные решения, особенно если их эффективность близка к оптимальной, а болезненные последствия для экономики и населения минимальны, также можно охарактеризовать как мудрые.

В современной экономической науке сложилось понимание зависимости экономических процессов от культуры общества [Аузан; Тарновский; Аузан, Бахтигараева, Брызгалин]. Так, для того чтобы чиновники, отвечающие за экономическую политику, не оказались, как это часто бывает в XXI веке, заложниками сложившейся политической ситуации [Коромыслов], и такого рода болезненные в ближайшей перспективе решения воспринимались обществом с пониманием, культура общества должна твориться как можно более сознательно.

Как известно, современный этап развития общества характеризуется тем, что в нём происходит последовательное возрастание роли информации. Механизмы рыночной экономики предполагают, что не только информационные технологии, но и любая информация, влияющая на унастроение экономических агентов, могут порождать те или иные тенденции в экономике. Вовсе неслучайно в странах с развитой рыночной экономикой внимательно отслеживаются такие экономические показатели, как «индекс потребительской уверенности», «индекс потребительского доверия» и «инфляционные ожидания» населения. Они считаются достаточно надёжными опережающими индикаторами, позволяющими судить о будущих значениях фундаментальных экономических параметров.

Однако, как справедливо замечают критики современных тенденций развития общества, во всём изобилии доступной информации в современных условиях «тонет истина», утрачивается мудрость [Алтухов; Аккоф; Ильин; Шумахер]. Ситуация постмодерна разрушает традиционные ценностные ориентиры, устраняет стимулы к поиску объективной истины, способствует фрагментарности мышления. А это закономерно приводит к дефициту мудрости и ответственности, к узости и поверхностности взглядов, росту эгоизма. В экономической деятельности это проявляется, в частности, в том, что в погоне за прибылью или стимулирующими выплатами по зарплате становятся допустимы любые средства [Алтухов].

Главным недостатком современного общества является его ориентация не на развитие и нравственное совершенствование, а на потребление, что обостряет существующие проблемы и создаёт риски для будущего человеческой цивилизации. Несомненная важность удовлетворения человеческих потребностей ещё не означает, что они должны лежать в основе всей конструкции построения современного общества. Нужно правильно расставить акценты. Как известно, рост потребностей устремлён в бесконечность, запросы от жизни повышаются вместе с научно-техническим прогрессом и насыщением от уже достигнутого уровня благополучия, поэтому за ними не угнаться [Мальтисова: 218]. А вот последствия, которые этим ростом порождаются, при ответственном подходе вполне могут быть поставлены под контроль.

Воспитание всесторонне развитых личностей, ориентированных на приоритет интересов всего общества, будет способствовать формированию более разумных установок, связанных с потреблением. Критики данного подхода игнорируют тот факт, что все современные научные данные свидетельствуют о том, что «чистой личности» самой по себе не существует, и все мы становимся полноценными людьми только в процессе социализации. Также ими часто бывает недопонята диалектика общественных и индивидуальных интересов [Момджян]. Общественные интересы не корректно противопоставлять личным, ведь одно предполагает другое, все люди взаимозависимы.

Безусловно, в случае если индивидуальные интересы избранных будут осуществляться за счёт остальных, то для них такая ситуация будет более комфортна. Однако если мы говорим об интересах каждого, то они могут быть наиболее эффективно реализованы только при условии осуществления общественных интересов. Недопонимание этого возникает из-за обобщений практики советского периода, когда эта диалектика понималась далеко не всегда достаточно глубоко, личные интересы учитывались не в полной мере.

Так, при грамотном подходе к воспитанию всесторонне развитой личности, в результате увеличения степени её сознательности у неё не должны возникать ощущения навязывания. Понимание необходимости разумных ограничений в удовлетворении своих потребностей и необходимости выбора разумных средств их удовлетворения должно в этом случае становиться органичной частью мировоззрения индивидуума. А это приведёт к тому, что сами цели экономической деятельности будут формулироваться мудро, не создавая проблем для будущего и остальных. Каждый должен осознавать, что его рабочее место — это не только источник его доходов, но и важная составляющая в системе создания всеобщих благ, что от степени его добросовестности, компетентности, вклада в общее дело, зависит благополучие всего общества. К сожалению, в современной экономической ситуации такой мудрости не хватает.

Несмотря на зарождающиеся в последнее время тенденции деглобализации, тесная взаимосвязь экономик и культур различных стран в целом остаётся. Для выхода из углубляющегося кризиса могут быть вновь использованы преимущества международного разделения труда, но реализованные на более справедливой основе. Создание наиболее устойчивой и эффективной модели экономического развития человечества предполагает в том числе скоординированные всеми странами усилия по формированию культуры, обладающей мощным потенциалом для развития человеческого капитала. Такая общемировая культура должна создавать условия для наиболее полной реализации преимуществ каждой из национальных культур и вместе с тем способствовать их большей открытости для взаимообогащения с другими культурами, аккумуляции из них всего самого ценного и перспективного. В этом можно увидеть наивысшую мудрость, её наиболее глубинный смысл и наиболее фундаментальные ориентиры.

Таким образом, мудрость в экономической деятельности связана со стремлением к оптимальным решениям, выводящим за пределы поверхностного анализа, первоначально напрашивающихся выводов, исходящих из уже имеющихся знаний и способностей, из узко понятых интересов. Поскольку современная наука столкнулась со сложностями в познании и формулировке навсегда данных объективных истин, то мы предлагаем понимать под экономической мудростью не некие совершенные, окончательные знания, а инструмент, включающий в себя те установки мышления, которые способствуют никогда не заканчивающемуся движению к оптимальности. Среди них

наиболее важными в экономической деятельности оказываются установки на дальновидность, расширение взгляда, избегание крайностей, поиск «золотой середины», баланса и верную расстановку приоритетов. При этом наиболее важным ориентиром оптимальности решений выступают общечеловеческие интересы, понятые с учётом перспектив развития человечества.

Список литературы / References

- Акофф Р. От данных к мудрости // Проблемы управления в социальных системах. 2011. Т. 2. № 4. С. 82—92.
(Akoff R. From data to power, *Management problems in social systems*, 2011, vol. 2, no. 4, pp. 82—92. — In Russ.)
- Алтухов С.В. Практическая мудрость Аристотеля в эпоху постмодернизма (на примере управления спортивной реформой в Китае) // Управленческие науки. 2019. Т. 9, № 2. С. 6—13.
(Altukhov S.V. The practical power of Aristotle in the era of postmodernism (on the examples of sports Reformation management in China), *Management of Science*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 6—13. — In Russ.)
- Андрианов В.Д. Мировые системные дисбалансы: дисбаланс между объёмом мирового ВВП и размером глобального долга // Общество и экономика. 2020. № 12. С. 9—36.
(Andrianov V.D. Global variances: the balance between volumes and sizes of the global debt path, *Communities and Economics*, 2020, no. 12, pp. 9—36. — In Russ.)
- Аузан А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. 2017. № 2 (168). С. 4—10.
(Auzan A. Socio-cultural economics, *Science and Innovation*, 2017, no. 2 (168), pp. 4—10. — In Russ.)
- Булочникова Л.А. Итоги и проблемы рыночного реформирования в российской экономике // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2015. № 44. С. 32—38.
(Bulochnikova L.A. These are the problems of the red reform in the Russian economy, *Scientific records of the Russian Academy of Preliminary Acquaintance*, 2015, no. 44, pp. 32—38. — In Russ.)
- Вовк В.А. Концепция человеческого капитала в контексте поворота к «обществу мудрости» // Бизнес информ. 2014. № 2. С. 18—22.
(Vovk V.A. The concept of human capital in the context of the “community of power”, *Business inform*, 2014, no. 2, pp. 18—22. — In Russ.)
- Гичиев Н.С. Естественный уровень безработицы (Nairu) и гистерезис на рынке труда: методические подходы к оцениванию сбалансированности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 11 (157). С. 163—169.
(Gichiev N.S. Handlers (Nairu) and hysteresis in the court market: methodological tips for evaluating balancing, *Regional problems of economic transformation*, 2023, no. 11 (157), pp. 163—169. — In Russ.)
- Гурвич Е.Т., Суслина А.Л. Динамика собираемости налогов в России: макроэкономический подход // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 4. С. 22—33.
(Gurvich E.T. and Suslina A.L. Dynamics of the constancy of dialogues in Russia: macroeconomic approach, *Scientific Research Financial Institute. Financial magazine*, 2015, no. 4, pp. 22—33. — In Russ.)
- Ильин А.Г. Мудрость знания в информационном обществе // NovaInfo.Ru. 2021. № 127. С. 27—28.
(Ilyin A.D. Wisdom knowledge in the information community, *NovaInfo.Ru*, 2021, no. 127, pp. 27—28. — In Russ.)
- Коромыслов В.В. Феномен потребительского сознания в контексте проблемы мирового долга // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 4—2 (82). С. 44—46.

- (Koromyshlov V.S. Phenomenal creation in the context of global debt problems, *International Scientific Research Journal*, 2019, no. 4—2 (82), pp. 44—46. — In Russ.)
- Мальтисова С.В. Актуальность ценностей «общества мудрости» для экономического развития современной России // Вестник университета. 2015. № 8. С. 213—219.
(Maltisova S.S. Relevance of the values of “community of wisdom” for the economic development of a coordinated Russia, *Bulletin of the University*, 2015, no. 8, pp. 213—219. — In Russ.)
- Мацевский Н.С. Современная система рыночного хозяйства: преимущества и недостатки // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 322, № 6. С. 71—76.
(Matsievsky N.S. The coordinated system of market circulation: acceptability and disadvantages, *News about Tomsk Polytechnic University*, 2013, vol. 322, no. 6, pp. 71—76. — In Russ.)
- Момджян К.Х. Об истине и правде // Философские науки. 2019. Т. 62, № 3. С. 110—123.
(Momdjian K.H. Truth of life and truth, *Philosophy of Science*, 2019, vol. 62, no. 3, pp. 110—123. — In Russ.)
- Невская Н.А. Индикативное планирование: опыт и перспективы применения в российской экономике // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 1 (14). С. 31—34.
(Nevskaya N.A. Indicative planning: options and prospects of application in the Russian economy, *Azimut of private research: economics and management*, 2016, vol. 5, no. 1 (14), pp. 31—34. — In Russ.)
- Никонова А.А. Трилемма Кейнса с позиций тетрады Клейнера на фоне катаклизмов в обществе // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 5—25.
(Nikonova A.A. Keynes's trilemma with the Kleiner Tetrad's position on the background of cataclysms in society, *Russian Journal of Economics and Law*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 5—25. — In Russ.)
- Петрикова С.М. Влияние инструментов денежно-кредитной политики на денежную массу в странах с рыночной экономикой // Банковский бизнес. 2006. № 2. С. 10—21.
(Petrikova S.M. All instruments of monetary policy for the monetary mass in countries with a red economy, *Banking business*, 2006, no. 2, pp. 10—21. — In Russ.)
- А.А. Аузан, А.И. Бахтигараева, В.А. Брызгалин. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75—91.
(A.A. Auzan, A.I. Bakhtigarayeva, V.A. Brizgalin. Sociocultural factors in the economy: marked frontiers and actual history, *Admissions of economics*, 2020, no. 7, pp. 75—91. — In Russ.)
- Тарновский В.В. Экономика культуры и культура экономики: институциональный аспект // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2017. Т. 79, № 4 (74). С. 237—243.
(Tarnovsky V.V. Economy of culture and culture of economics: institutional aspect, *Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2017, vol. 79, no. 4 (74), pp. 237—243. — In Russ.)
- Тимина Е.И. Мультипликативные эффекты в экономике // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. № 9 (131). С. 35—44.
(Timina E.I. Cartoon effects in economics, *Bulletin of the Russian State University. Series: Economy. Management. Right*, 2014, no. 9 (131), pp. 35—44. — In Russ.)
- Филипповская О.В. Анализ действующей пенсионной системы России и взгляд на ее будущее // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9, № 39 (228). С. 8—13.
(Filippovskaya O.S. Analytical actions of the pension system and to a large extent on its, *Wired intervals: priority and safety*, 2013, vol. 9, no. 39 (228), pp. 8—13. — In Russ.)
- Шумахер Э. Ф. Малое прекрасно: Экономика, в которой люди имеют значение. Карта для заблудившихся. М.: РСПИ, 2007. 490 с. URL: <https://web.archive.org/web/20161020015537/http://www.samorodok.org/schum.pdf> (дата обращения: 07.01.2024).

(Schumacher E.F. Little is included: An economy in which people use values. A map for the lost, Moscow, 2007. — In Russ.)

Sternberg R.J. Wisdom, intelligence, and creativity synthesized, New York: Cambridge University Press, 2007, 246 p.

WISDOM AS A TOOL FOR ACHIEVING OPTIMAL RESULTS OF ECONOMIC ACTIVITY

Vitaly V. Koromyslov

Perm State Agrarian and Technological University, Perm, Russian Federation; vvk79@mail.ru

Abstract. Trends in the modern world economy have prompted economists to call for the construction of an "economy of wisdom" or a "society of wisdom," but there was no systematically elaborated concept of wisdom in the philosophical literature. The purpose of this study is to identify and summarize the manifestations of wisdom in economic activity. In the course of the study, the main situations associated with a lack of wisdom in economic activity were identified, guidelines for wise behavior in them were formulated. The dependence of economic decisions on the peculiarities of society's culture is shown, from which it was concluded that in order for wisdom in economic activity to increase, it is necessary to educate comprehensively developed personalities focused on the priority of the interests of the whole society. It was suggested that economic wisdom should be understood not as some perfect, final knowledge, but as a tool that includes those attitudes of thinking that contribute to the never-ending movement towards optimality. The study revealed the most important among them: foresight, widening the gaze, avoiding extremes, searching for the "golden mean", balance and the right prioritization. At the same time, the most important guideline for optimal solutions is considered universal human interests, understood taking into account the prospects for human development.

Keywords: wisdom, wisdom economy, wisdom society, humanistic economy, consumer society, information society, global debt crisis, society development

For citation: Koromyslov V.V. Wisdom as a tool for achieving optimal results of economic activity, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 168—177.

Статья поступила в редакцию 25.06.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 26.02.2024.

The article was submitted 08.01.2024; approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 26.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Коромыслов Виталий Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Пермский аграрно-технологический университет», г. Пермь, Россия, vvk79@mail.ru

Koromyslov Vitaly Valerievich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History and Philosophy, Perm Agrarian and Technological University, Perm, Russian Federation, vvk79@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 178—184.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 178—184.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2024.1.18

УМНАЯ СИЛА РОССИИ: ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНЫЙ ДИСКУРС

Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Анастасия Сергеевна Шаповалова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
anastasiashapovalova97@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка обобщить точки зрения на концепцию умной силы, предложенную в свое время Дж. Наем. Зафиксировано место умной силы в бинарной системе «жесткая сила — мягкая сила», отмечена закономерность ее возникновения в силу расширения ресурсной базы международных отношений и внутренней политики. Обоснован синтетический характер парадигмы умной силы, определяемый тремя принципами — дополнительности, неопределенности и системности. Проанализирован российский категориальный дискурс умной силы, определены его динамика и тенденции развития. Сделан вывод о национальной (государственной) специфике трактовок умной силы в американском, российском и китайском тезаурусах. Обоснована эвристичность использования термина “intelligent power” в рамках ноосферного подхода. Предложено определение “intelligent power” в контексте заявленной методологии.

Ключевые слова: жесткая сила, мягкая сила, умная сила, мудрая сила, разумная сила, интеллигентная сила, ноосферная парадигма

Для цитирования: Смирнов Д.Г., Шаповалова А.С. Умная сила России: логико-понятийный дискурс // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 178—184.

Постановка проблемы. Современная эпоха — время формирования нового миропорядка. Условно иерархическая система международных отношений постепенно уступает место гетерархической. Прежние этнологические модели мировой политики оказываются неадекватными реалиям VUCA и WANI миров, бросающим все новые и новые вызовы странам, государствам, культурам, цивилизациям.

Вместе с тем главным свойством субъектов мировой политики была и остается сила, выражающая синтез интересов и ресурсов государства, ценностных и идейных границ существования, его истории. Силовые линии внешне- и внутривнутриполитических систем не могли не претерпеть изменений в условиях нестабильности и хрупкости структур полярного мира, как и лица силы, все более обретающие восточные очертания.

Ставшие уже классическими концепции «жесткой силы» (“hard power”) и «мягкой силы» (“soft power”) проигрывают новым «силовым» парадигмам, ориентированным на равноудаленность от крайностей. Предметом анализа

настоящей статьи является концепция «умной силы» (“smart power”). Его цель — в определении смыслового тезауруса «умной силы» в рамках российско-американского дискурса.

От бинарности к тернарности миропостроения. Исходной для геополитической картины мира считается стратегия «жесткой силы». Последняя предполагает, что для достижения собственных целей актор опирается на принуждение, подкуп и угрозы [Nye, 2004: 14]. «Жесткой» она является именно потому, что ультимативна, будучи подкреплена военным доминированием, экономическими санкциями, прямыми угрозами, и, соответственно, военными действиями [Wilson: 114]. Ограниченность рассматриваемой концепции можно усмотреть в существенной финансовой затратности подобной политики и ее зависимости от других акторов (международного) права.

Антиподом парадигмы «жесткой силы» считается концепция «мягкой силы», предполагающая альтернативный подход к выбору инструментов политики и в целом к ее осуществлению. Для позиции мягкой силы¹ характерно достижение целей через этологию привлечения, или «соблазнения». Ее слоган — «привлечь, а не запугать» [Nye, 2004: 14]. Определяющим инструментом мягкой силы может выступать публичная дипломатия [Лебедева: 217]. Мягкая сила характеризуется легитимностью и моральным весом [Nye, 2004: 16; Nye, Armitage: 6]. Ограниченность данной концепции задается ее ориентацией на длительную перспективу, равно как и «невозможностью быть привлекательным для всех» [Лебедева: 218].

Современная геополитическая практика убедительно свидетельствует о несводимости многообразия глобальной этологии к одной из проанализированных стратегий. Философия международных отношений эпохи пост-пост-модерна вынуждена учитывать новые (недоступные ранее) ресурсы, поведенческую специфику нетрадиционных акторов [Wilson: 113]. Именно в этом тезаурусе и рождается третья (рядопологаемая двум своим предшественникам) концепция «умной силы», знаменующая переход от бинарности к тернарности описания глобального геополитического сознания.

“Smart power” в первом приближении. Концепция умной силы зарождается как «способность объединять “жесткую” и “мягкую силы” в эффективную стратегию» [Nye, 2008: 43]. Она фактически становится ответом на тот факт, что мир стал сложнее, то есть «мир стал умнее» [Wilson: 113].

Одним из первых, кто обратил внимание на фундаментальные изменения мир-системы, стала Сюзанна Носсель (Suzanne Nossel), которая попыталась преодолеть ограниченность жесткой и мягкой парадигм через призму умного подхода — широкой стратегии общества, преодолевающего разнообразие кризисы [Nossel: 136]: геополитический, технологический, антропологический, экологический и другие.

Апологетом собственно концепции «умной силы» по праву считают Джозефа Ная младшего (Joseph Nye Jr.), который одним из первых призвал к насущной необходимости комбинировать «жесткую» и «мягкую силы» [Nye, 2006: 2].

---

¹ Концепция «мягкой силы», очевидно, является отражением влияния синергетической (открытой) парадигмы в дискурсе геополитики, ибо определяется не столько воздействием на субъект — актора международных отношений (что характерно для «жесткой силы»), сколько изменением окружающей геополитической среды, созданием определенных геополитических условий / реалий.

В нормативном дискурсе “smart power” следует определять следующим образом: «это ни “жесткая”, и ни “мягкая сила”, это умелое сочетание обеих сил. “Smart Power” подразумевает развитие единой стратегии, ресурсной базы, комплекса инструментов для достижения американских целей, опираясь как на “жесткую”, так и на “мягкую силы”» [Nye, 2007: 7]. Она предполагает стратегическое использование дипломатии, убеждения, наращивание потенциала и проецирование силы, влияния способами, которые экономичны и имеют политическую и социальную легитимность [Crocker, Hampson, Aall: 13].

Специфика «умной силы». Во-первых, “smart power” отличает комбинированное применение «мягкой» и «жесткой» сил совместно, а не в рамках разных направлений [Nye, 2007: 9]. Иными словами, «мягкие» и «жесткие» потенциалы объединяются для решения конкретной задачи, а не применяются ситуативно.

Во-вторых, «умная сила» представляется не просто описанием определенного образа действий, характерного для конкретного актора и опирающегося на ресурсные особенности. Она уже предлагает последовательный план достижения целей, работу с ресурсами и потенциалами государства, которая позволит ему добиваться и стратегических, и тактических целей.

В-третьих, “smart power” предполагает учет новейших вызовов мир-системы, которые делают взаимосвязь «частей» мира все более отчетливой. К уже упомянутым вызовам стоит добавить усиливающуюся культурную взаимозависимость, истощаемость ресурсов, развитие техносферы, провоцирующее появление новых пространств и угроз безопасности (киберпространство, кибертерроризм).

Таким образом, концепция «умной силы» основывается на фундаментальных принципах — дополнительности, неопределенности и системности.

Умная сила: российский дискурс. Содержательное наполнение умной силы в отечественной теории и практике имеет свою специфику. Уже перевод термина задает иные смыслы (на наш взгляд, более широкие). Так, А.В. Торкунов трактует “smart power” как «умную власть», связывая ее с новым видением мира (новой картиной мира), уходящим от иерархии в сторону успешности сетевых акторов (или гетерархии) [Торкунов: 33]. Автор указывает на ограниченность данной парадигмы в силу того, что не только заведомые возможности отдельных государств неуравновешены, но и отдельные задачи требуют индивидуального подхода, предъявляя разные требования и создавая разные вызовы [Там же]. Некоторые исследователи дополняют «умную власть» коннотациями «умной мощи» или, например, «разумной власти» [Soft power...], указывая на то, что в рамках актуального технологического уклада и компьютерно-цифровой реальности привычные инструменты «мягкой силы» порой демонстрируют полную несостоятельность. Так, М.А. Неймарк вводит представление о «пересекающихся сообществах», в которых информация становится основным ресурсом силы вследствие развития и удешевления информационных технологий [Неймарк].

Интерес представляет позиция А.А. Громыко, который развивает парадигму «умной силы», продолжая последнюю до «мудрой силы», хотя и выводит обе из интеллектуальных достижений предыдущих поколений [Громыко: 12]. «Мудрая сила» в философском плане, по автору, предполагает принятие и осуществление экзистенциальных решений, усиливающих позиции государства во внешнеполитическом пространстве.

В отечественном дискурсе отчетливо прослеживается собственная, отличная от либерально-американской, трактовка целей и некоторых инструментов “smart power”. Сам термин отягощается отрицательной коннотацией

(агрессивными информемами). Так, умная сила допускает использование в качестве базового инструмента информационной войны [Soft power...: 35]. А.О. Наумов рассматривает умную силу в контексте «цветных революций» и технологий смены политических режимов [Наумов: 42].

М.А. Неймарк определяет «умную силу» как сугубо прагматичную, направленную на достижение национальных интересов государства [Неймарк], показывая, что залогом такой силы становится «контекстуальный интеллект», выводимый из позитивно-идейной составляющей “smart power”. А.О. Наумов, во многом продолжая логику размышлений А.А. Громыко, говорит о двух ликах «умной силы» [Наумов: 43] — собственно умном (или американистском, геозгостичном) и мудром (вероятно, геоальтруистичном).

Заслуживает внимания трактовка «умной силы» В.Г. Швыдко, который определяет последнюю как разработку и продвижение тех или иных идей и концепций в экспертное и политическое сообщество с целью влиять на политические элиты и политическое руководство и побуждать их к принятию соответствующих решений [Швыдко: 5]. Семиотический по своей сути подход автора предполагает не столько аксиологическую экспансию (распространение «национальных» ценностей), сколько создание стереотипов или моделей поведения, которые напрямую или опосредованно определяют процесс принятия политических решений.

Умная сила: трудности перевода и национальная специфика. Самым распространенным вариантом перевода как в академической риторике, так и в политическом дискурсе остается вариант «умная сила». Однако имеет место и вариативность (нередко в рамках одного текста): «умная мощь», «умная власть», «разумная власть», «мудрая власть», «хитрая сила», «ловкая сила».

О.В. Столетов, выстраивая классификацию “smart power”, делит политику актора на реальную и декларируемую. Таким образом, теоретическую “smart power” США, по мнению О.В. Столетова, допустимо обозначать как «умная сила», в то время как ее реализацию следует подавать в терминах «хитрой» или «ловкой силы» [Столетов].

Наиболее приемлемой следует признать позицию И.А. Чихарева [Чихарев, Столетов], который считает, что перевод термина “smart power” не универсален, а зависит от смыслового наполнения, которым наделяет его конкретный («национальный») актор. Так, для американского смысла более всего подходит термин «разумная сила», где ключевым моментом становился разум, позволяющий находить баланс между инструментами «жесткой» и «мягкой сил». Европейский дискурс следует описывать через призму «скоординированной силы», не балансирующей между инструментами «мягкой» и «жесткой», а координирующей все возможности многочисленных участников объединения. Китай, по мнению автора, обладает «мудрой силой», выводимой из конфуцианской философии и становящейся проявлением традиционной китайской мудрости. А вот российская “smart power” должна пониматься как «трезвая, рациональная и адекватная», то есть не подвергающаяся мифологизации и стереотипизации.

В рамках ноосферной направленности настоящего исследования вызывает интерес категория и концепция “intelligent power” (созданная в дополнение “smart power”), которая помимо привычных дипломатических инструментов и стратегии привлечения вводит такие важные единицы как культурные и религиозные нормы, понимание истории, опора на научные исследования или аналитические аргументы [Syed]. В отечественной традиции за “intelligent power” закрепился

перевод «разумная сила». (Хотя, с нашей точки зрения, более уместен аутентичный перевод «интеллигентная сила» или «интеллигентная власть».)

К главным особенностям «разумной силы» российские исследователи относят «научно-исследовательский потенциал, инновационно-технологический потенциал гуманитарной направленности, потенциал информационно-интеллектуальной защищенности, потенциал дискурсивного влияния, потенциал глобального проектирования в международно-финансовой сфере и в целом в сфере глобального развития» [Чихачев, Столетов: 38]. Есть и иная точка зрения, согласно которой к основным ресурсам «разумной силы» относятся: «использование дипломатии, убеждение, сочувствие к культурным нормам и религиозным чувствам, понимание истории, налаживание личностных мостов, персональный анализ лидеров, поддержку процесса через научные исследования, аналитическую аргументацию, формирование общественного мнения, защиту прав человека, а также (непрямое и ограниченное) использование жесткой силы» [Костырев: 144].

Ноосферное измерение «умной силы». Концепция “smart power”, ставшая ответом на изменения мир-системы, оказывается эвристичной для понимания внешне- и внутривнутриполитической динамики. Современная система международных отношений (как и внутривнутриполитических связей) представляет собой сеть со все более усиливающейся взаимозависимостью всех игроков. Сеть эта в большей степени хаотична и находится в процессе формирования нового баланса сил, где даже ранее незаметные игроки могут достигнуть акторности.

Не только термин, но и сама концепция в новых условиях оказываются полисемантическими. Фактически каждый значимый актор международных отношений или внутривнутриполитического дискурса задает собственные смыслы “smart power”. Например, для американистского дискурса системообразующим свойством концепции выступает позитивная идея глобального мира, предполагающая, что достижение интересов США возможно тогда и только тогда, когда эти интересы разделяет глобальное общество. Для российского дискурса место системообразующего свойства занимает даже не столько интеллект, сколько интеллигенция (с учетом появления термина “intelligent power”), понимаемая в кантовском смысле.

Можно предложить следующее определение умной силы, исходя из российского контекста и соответствующих реалий. Умная, интеллигентная сила предстает как парадигма внутри- и внешнеполитического поведения, которая предполагает отказ от доминанты общечеловеческого и утверждение императивом международных отношений установки на всечеловеческое [Смирнов]. Говоря словами В.И. Вернадского, подобная геополитическая ноосфера, или «устойчивое мировое существование», должна рано или поздно выразиться в реальных формах, таких как усиление связей, в том числе политических, между всеми государствами Земли; усиление роли народных масс в решении вопросов внешней и внутренней политики; исключение войн из жизни человечества.

Список литературы / References

- Громько А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 3—19.
- (Gromyko A.A. “Soft power” and the power of law: towards the formulation of the problem, *Bulletin of Moscow University, Series 25: International relations and world politics*, 2014, no. 3, pp. 3—19. — In Russ.)

- Костырев А.Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 143—149.
- (Kostyrev A.G. “Intelligent power”, public diplomacy and social networks as factors in international politics, *Polis. Political studies*, 2013, no. 2, pp. 143—149. — In Russ.)
- Лебедева М.М. «Мягкая сила» // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212—223.
- (Lebedeva M.M. “Soft power”, *MGIMO Review of International Relations*, 2017, no. 3 (54), pp. 212—223. — In Russ.)
- Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 274 с.
- (Naumov A.O. “Soft power”, “color revolutions” and technologies for changing political regimes at the beginning of the 21st century, Moscow, 2016, 274 p. — In Russ.)
- Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Дашков и Ко, 2017. 272 с.
- (Neimark M.A. “Soft power” in world politics, Moscow, 2017, 272 p. — In Russ.)
- Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
- (Smirnov A.V. The All-Human vs. the Generally-Human. Moscow, 2019, 216 p. — In Russ.)
- Столетов О.В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2015. 254 с.
- (Stoletov O.V. The strategy of “intelligent power” in the politics of global leadership: dis. ... Candidate of Sciences (Politology), Moscow, 2015, 254 p. — In Russ.)
- Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. Вып. 4 (25). С. 85—93.
- (Torkunov A.V. Education as a soft power tool in russian foreign policy, *MGIMO Review of International Relations*, 2012, vol. 25, no 4, pp. 85—93. — In Russ.)
- Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5. С. 26—43.
- (Chikharev I.A., Stoletov O.V. On the issue of the relationship between the strategies of “soft power” and “smart power” in world politics, *Bulletin of Moscow University, Series 12: Political sciences*, 2013, no. 5, pp. 26—43. — In Russ.)
- Швыдко В.Г. «Умная сила» на транстихоокеанском пространстве безопасности и сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 9. С. 5—15.
- (Shvydko V.G. “Smart power” in the trans-pacific space of security and cooperation, *World economy and international relations*, 2014, no. 9, pp. 5—15. — In Russ.)
- Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: ИД Дискурс-Пи, 2015. 376 с.
- (Soft power: theory, resources, discourse, ed. by Rusakova O.F., Ekaterinburg, 2015, 376 p. — In Russ.)
- Crocker C., Hampson F., Aall P. Leashing the dogs of war: conflict management in a divided world, Washington, DC: US Institute of Peace Press, 2007, 800 p.
- Nossel S. Smart Power, *Foreign Affairs*, 2004, vol. 83, no. 2, pp. 131—142.
- Nye J.S. Jr. Soft power: the means to success in world politics, New York: Public Affairs, 2004, 191 p.
- Nye J.S. Jr. In Mideast, the Goal is “Smart Power”, *The Boston Globe*, August 19, 2006.
- Nye J.S. Jr., Armitage R.L. CSIS Commission on Smart Power: a smarter, more secure America, *Center for strategic and international studies*, 2007, 82 p.
- Nye J.S. Jr. Powers to lead, Oxford: Oxford University Press, 2008, 240 p.
- Syed K. Soft Power, Smart Power and Intelligent Power, Karachi: University of Karachi, 2010.
- Wilson E.J. Hard power, soft power, smart power, *The annals of the american academy of political and social science*, 2008, 616 (1), pp. 110—124.

INTELLIGENT POWER OF RUSSIA: LOGICAL AND CONCEPTUAL DISCOURSE

Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Anastasia S. Shapovalova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
anastasiashapovalova97@yandex.ru

Abstract. The article attempts to summarize the points of view on the concept of smart power, proposed at one time by J. Nye. The place of smart power in the binary system of “hard power — soft power” is recorded, and the pattern of its emergence due to the expansion of the resource base of international relations and domestic politics is noted. The synthetic nature of the smart power paradigm is substantiated, determined by three principles — additionality, uncertainty and systematicity. The Russian categorical discourse of smart power is analyzed, its dynamics and development trends are determined. A conclusion is made about the national (state) specificity of interpretations of smart power in the American, Russian and Chinese thesauri. The heuristic nature of using the term “intelligent power” within the noospheric approach is substantiated. A definition of “intelligent power” in the context of the noospheric methodology is proposed.

Keywords: hard power, soft power, smart power, wise power, mindful power, intelligent power, noospheric paradigm

For citation: Smirnov D.G., Shapovalova A.S. Intelligent power of Russia: logical and conceptual discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 178—184.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted 26.06.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 28.11.2023.

Информация об авторах / Information about authors

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Институт гуманитарных наук Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Шаповалова Анастасия Сергеевна — аспирант кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anastasiashapovalova97@yandex.ru

Shapovalova Anastasia Sergeevna — Postgraduate student of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anastasiashapovalova97@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 185—190.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 185—190.

Рецензия

УДК 811.11+821.09(4-011)

DOI: 10.46726/И.2024.1.19

ЯЗЫК КАК МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ ВОСПРИЯТИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

**Рец. на коллективную монографию: Современная германистика
и западноевропейская литература. Вып 5 / отв. ред. А.В. Иванов.
Москва: Флинта, 2023. 327 с.**

Константин Михайлович Денисов

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия,
merry-go-round71@mail.ru

Ольга Михайловна Карпова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
olga.m.karova@mail.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается рецензия на 5 выпуск коллективной монографии «Современная германистика и западноевропейская литература», которая создана по инициативе диссертационного совета 24.2.344.02 при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова. В рецензии отмечен многоплановый характер работы, включающей исследования 23 авторов из различных вузов России, посвященные теоретическим аспектам германистики и проблемам западноевропейской литературы.

Ключевые слова: германистика, лингвистика, слово, смысл, значение, словарь, литература

Для цитирования: Денисов К.М., Карпова О.М. Язык как магический кристалл восприятия мира и человека // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 1. С. 185—190. *Рец. на коллективную монографию:* Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 5 / отв. ред. А.В. Иванов. Москва: Флинта. 2023. 327 с.

Рецензируемая коллективная монография является пятым, завершающим выпуском из серии ежегодников «Современная германистика и западноевропейская литература». Издание этого коллективного произведения следует рассматривать как свидетельство неугасающего интереса отечественных деятелей науки к германским языкам и западной культуре и литературе, их заинтересованности в сохранении гуманитарного научного диалога.

© Денисов К.М., Карпова О.М., 2024

2024. Вып. 1 •

Авторами этого выпуска традиционно выступили ученые Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, являющиеся членами диссертационного совета 24.2.344.02 по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)», а также ученые из вузов Москвы, Владимира, Иванова, Томска, Твери и Кирова, принимающие активное участие в работе совета.

Коллективная монография (в дальнейшем именуемая «книга») включает статьи 23 авторов, объединенные в два самостоятельных раздела. Справочный материал монографии содержит список 79 терминов, терминов-слов и номенов, формирующих лексико-понятийный остов ключевых опор с постраничным указанием их встречаемости (с. 318), что делает прочтение книги наиболее удобным.

Сводная библиография книги включает новые работы по основным направлениям филологии и содержит 319 оригинальных работ, в том числе 215 новейших монографий, статей и справочников на русском языке и 104 источника на иностранных языках (с. 267—306).

Первый раздел книги «Актуальные проблемы современной лингвистики» включает одиннадцать глав, раскрывающих концептуальную сущность понятий когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, дискурса, стилистики, переводоведения и лингводидактики. Он открывается главой «Лингвистическая экспертиза как анализ языка» (авторы О.В. Байкова, Н.Ф. Крюкова, В.М. Бухаров и А.В. Байкова). Авторы скрупулезно и последовательно описывают, систематизируют и обобщают имеющиеся сведения о криминалистическом дискурсе, рассматривают различные виды судебной экспертизы. Особое внимание уделяется лингвистическим принципам, методам и критериям криминалистического расследования.

Вторая глава Н.А. Голубевой «Когнитивно-семантическая эволюция прецедентного знака: диахронический аспект (на примере категории concessivности)» построена на анализе категории concessivности в немецком языке в рамках диахронии I и диахронии II вплоть до XXI века. Автор подчеркивает сложную семантику и прецедентный (производный) характер лексико-грамматических форм, реализующих данную категорию. Производится подробный текстологический анализ concessivных предложений как знаковых единиц. Грамматикализация concessivов заключается в их поэтапном частеречном перерождении, обусловленном спецификой грамматического контекста. В исторической перспективе, как справедливо подчеркивает автор, немецкие concessivы продемонстрировали прецедентный характер не только плана выражения, но и плана содержания.

Р.А. Иванова и А.В. Иванов выступают в третьей главе с темой «Моделирование модусной структуры в немецком сложноподчиненном предложении». В контексте названной проблематики актуальным является исследование роли главного предложения, актуализирующего модус высказывания. Авторы подробно исследуют лексико-грамматические индексы (ЛГИ) как репрезентанты модусной структуры по типам логических предикатов. В ходе исследования были выявлены 11 моделей модусной структуры и произведено их статистическое шкалирование. Наряду со сложными моделями выявлена односоставная модель элементарива, отличающаяся незавершенностью и сохраняющая свою диктальную валентность.

В четвертой главе «Методологические основы применения языка-посредника при преподавании русского языка как иностранного на началь-

ном этапе обучения в вузе» ее авторы Р.А. Иванова, К.Г. Голубева, М. Валери и М.А. Васильева обращают внимание на расширение и детализацию содержания понятия медиация и ее влияние на принципы и процедуру преподавания иностранных языков. В работе подчеркивается актуальность использования языка-посредника при обучении русскому языку как иностранному как средства преодоления отрицательной интерференции. Результаты проведенного анкетирования имеют большое практическое значение и указывают на положительную динамику применения медиации на уроках русского языка как иностранного, а также на позитивные отклики самих иностранных студентов при использовании преподавателями языкового посредничества на начальном этапе обучения в вузе.

Пятая глава первого раздела книги «Современная картина английской терминологии», представленная О.М. Карповой, посвящена описанию новых тенденций в современной англоязычной терминологии. Подробно анализируются типы словарей, сформировавшихся в условиях изменения научной терминологической парадигмы под воздействием тотальной цифровизации. Наряду со справочниками рассматриваются терминологические банки данных и специальные терминологические корпуса, цифровые терминологические проекты и писательские терминологические словари. Автор подчеркивает, что современная англоязычная терминология выходит за рамки обычной лексикографии и привносит в терминологические справочники культурологический аспект и экстралингвистический материал.

Шестая глава «Средства создания юмора и сатиры в немецком литературном языке: фракционный подход» (авторы Ю.В. Кобенко и Е.Ю. Юрченкова) представляет собой опыт типологизации средств создания юмора и сатиры на основе применения фракционного подхода к описанию выразительного арсенала немецкого литературного языка. Процедура фракционирования проводится с учетом уровневой дифференциации структурных элементов его функционального репертуара. Это, по мнению авторов, позволяет произвести собственно языковое исследование юмора, очистив его от примесей индивидуального и субъективного, с чем, безусловно, нельзя не согласиться.

С.Б. Королева представляет седьмую главу под названием «Диалогические контексты художественного перевода: Пушкин в интерпретации Мориса Бэринга». Автор уделяет внимание проблеме так называемых «диалогических контекстов» или «встречных течений» как ситуации формирования восприятия писателем-переводчиком творчества переводимого им автора, которая предопределяет изменения, привносимые в смысловую структуру текста оригинала. Рассматривается, в частности, перевод Морисом Бэрингом стихотворения А.С. Пушкина «Пророк». Исследуются также труды данного английского писателя-переводчика по русской истории, культуре и литературе. Приводятся весьма интересные сведения о творчестве западных и русских литераторов. Анализ творчества Бэринга позволяет автору привлечь наше внимание к важным вопросам интернациональных тем, универсальности заимствований и специфики национального прочтения вечных сюжетов духовного противоборства добра со злом, что особенно важно в современном мире.

В восьмой главе «Немцы и австрийцы в кинодискурсе: стереотипы и предубеждения во взаимоотношениях» А.Э. Левицкий и С. Бибер исследуют особенности восприятия образов немцев и австрийцев в сериалах “Die Piefke Saga” и “SOKO Wien”. На основе методов коммуникативно-прагматического и культурологического анализа были выявлены характерные особенности

внешности, поведения, речи, самоидентификации и восприятия персонажей в современном кинодискурсе. Авторы справедливо отмечают позитивную динамику взаимоотношений между представителями двух народов от насмешки до сотрудничества и дружбы.

Девятая глава «Функционально-прагматический потенциал субстантивного элатива в современном немецком языке» (автор Ж.В. Никонова) раскрывает содержание понятия элатива как высшей степени качества объекта, превосходной степени сравнения, опирающегося на имплицитное сопоставление одного объекта с множеством других. Глава посвящена исследованию в немецком языке элативов, выраженных существительными и субстантивными словосочетаниями. Автор приводит собственную классификацию элативов на семантические группы и выявляет функционально-прагматический потенциал элатива в современном немецком языке. Очень важно, что автор подчеркивает дискуссионный характер определения элатива, поскольку, например, в английской грамматике элатив трактуется иначе: как не абсолютно превосходная степень качества и оценки качества среди ограниченного круга референтов (на что указывает отсутствие определенного артикля, например — *best in show*).

Следующая десятая глава раздела «Прагматический потенциал единиц периферийных сегментов языковой системы и особенности его реализации в лингвокоммуникативном пространстве» посвящена рассмотрению способности конститuentов в периферийных сегментах полей сравнения и интенсивности в немецком языке приобретать в коммуникативных ситуациях семантико-функциональную двуплановость. Эта асимметрия является безусловным свидетельством континуальности (непрерывности) языковой системы. Авторы главы С.В. Постникова и В.Н. Егорова делают важный вывод об открытости системы субъективно-оценочных значений языковых единиц, что позволяет этим единицам реализовывать периферийное семантическое пространство при взаимодействии с речевой средой.

Автор заключительной одиннадцатой главы раздела «Реализация профессионального социолекта американских полицейских в кинодискурсе» В.А. Тырыгина подчеркивает размытость понятий «профессиональный социолект». Объектом исследования является, в данном случае, социолект американских полицейских, понимаемый автором как социально ограниченное языковое образование в пределах национального языка. Социолект рассматривается с содержательной, деривационной и функционально-стилистической сторон. Особый интерес вызывают описание символической функции данного социолекта и ее подвидов, а также терминологическая и псевдотерминологическая кодификация. Предметом исследования являются аутентичные примеры полицейского социолекта из современного кинодискурса.

Второй раздел книги «Фундаментальные и прикладные аспекты литературоведения» открывается главой «Типологические схождения в творчестве И.В. Гете и А.С. Пушкина на примере мифологемы полета» (авторы С.Н. Аверкина и А.А. Логинова). Исследование приурочено к году А.С. Пушкина в России и представляет собой изучение типологических схождений в текстах названных писателей с учетом широкого культурного контекста. Оба классика создали новые смысловые парадигмы на сломе эпох и этим завоевали статус властителей дум своих народов. Между тем, как справедливо отмечают авторы главы, следует говорить об универсальном характере их творчества, восходящем к эпохе античности. Мифологема полета, унаследо-

ванная от эллинов, является важным мотивом поэтического творчества двух титанов. Единение с природой, ее одухотворение и возвышение в творчестве Гете и Пушкина, ощущение восторга и одновременно хрупкости бытия — вот те вечные ценности, которые завещали нам эти два величайших творца. Авторам главы удалось последовательно проследить генезис, развитие и трактовку мифологемы полета на примере произведений двух великий поэтов.

Во второй главе раздела «Визуальная поэзия как синтез искусств» В.Т. Малыгин раскрывает перед читателем мир визуальной поэзии как уникального жанра поэтического творчества, представляющего собой синтез искусств. Автор всесторонне исследует истоки этого жанра со времен Античности, через Средние века и эпоху Ренессанса до Нового времени. Особый интерес вызывают визуальные эксперименты поэтов Серебряного века. Проблема синтеза искусств волновала многих творцов (Скрябин, Равель, Аполлинер и др.). Центральное место в когорте авторов визуальной и динамической поэзии занимает Андрей Вознесенский, чьи видеопэмы поднимаются до высот исторических памятников и реквиема. Автор главы систематизирует визуальные произведения Вознесенского по четырем основным формам (изопы, палиндромы, кругометы и видеомы). Визуальная поэзия служит коммуникативным виадуком между автором и читателем, на котором представлены вербальный и невербальный (идеографический и символический) каналы информации. Визуальная поэзия, заключает автор, представляет собой подвижный жанр, который продолжает развиваться в настоящее время, открывая новые формы (видеопэзия, лингвогобелены и др.), тем самым побуждая исследователей к новым открытиям.

Следует отметить, что выход в свет коллективной монографии «Современная германистика и западноевропейская литература» является важным событием для лингвистов и литературоведов нашей страны, поскольку содержит результаты новейших исследований, отличающихся глубокой проработкой актуальной проблематики с привлечением исторических, культурологических, социологических данных.

Язык, речь и текст служат тем многогранным магическим кристаллом, сквозь который мы наблюдаем явления человеческого духа, культуры и гения. Этот инструмент постоянно побуждает исследователей погружаться в бесконечную и увлекательную алхимию слова, таящую в своих недрах еще очень много неразгаданных тайн.

LANGUAGE AS A MAGIC CRYSTAL OF PERCEPTION OF THE WORLD AND MAN.

Book review: Modern Germanic Philology and Western-European Literature: collective monography. Iss. 5, ed. by A.V. Ivanov, Moscow, 2023, 327 p.

Konstantin M. Denisov

Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation,
merry-go-round71@mail.ru

Olga M. Karpova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

Abstract. The readers are presented with a review of the collective monograph “Modern Germanic Philology and Western-European Literature”, created due to the initiative of the Learned Council 24.2.344.02 of Nizhniy Novgorod State Linguistic University named

after N.A. Dobrolubov. The review underlines the diversity of the covered topics, which includes research results, carried by 23 scholars from different Russian higher educational institutions, devoted to theoretical aspects of Germanic studies and western-European literature.

Keywords: Germanic studies, linguistics, word, sense, meaning, dictionary, literature

For citation: Denisov K.M., Karpova O.M. Language as a magic crystal of perception of the world and man. *Book Review: Modern Germanic Philology and Western-European Literature: collective monography*. Iss. 5, ed. by A.V. Ivanov, Moscow, 2023, 327 p., *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 185—190.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 11.02.2024; принята к публикации 25.02.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 11.02.2024; accepted for publication 25.02.2024.

Информация об авторах / Information about authors

Денисов Константин Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия, merry-go-round71@mail.ru

Denisov Konstantin Mikhailovich — Candidate of Sciences (Philology), associate Professor, Department of foreign languages № 2, Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, merry-go-round71@mail.ru

Карпова Ольга Михайловна — доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olga.m.karpova@mail.ru

Karpova Olga Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Research-Educational Centre “Modern Russian and European Lexicography”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 191—198.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 191—198.

Рецензия

УДК 37(091)(470.341)(08)

DOI: 10.46726/И.2024.1.20

ОБРАЗОВАНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УЕЗДНОМ ГОРОДЕ: ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Рец. на: Учебные заведения г. Арзамаса в XIX — начале XX века: сборник документов / сост. Н.С. Кондратьева, А.Н. Кузьмина, И.Г. Потороева. Нижний Новгород: Центр. архив Нижегородской области, 2021. 492 с.

Алексей Александрович Исаков, Владимир Иванович Грубов

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, blauer-reiter@yandex.ru, grubov_v@mail.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается рецензия на тематический сборник документов «Учебные заведения г. Арзамаса в XIX — начале XX века», подготовленный арзамасскими архивистами. В рецензии отмечена перспективность исследования на местном уровне системы образования в дореволюционной России, выделены достоинства названного сборника и указаны его слабые места. По мнению рецензентов, общий вывод представляется таким: новый сборник арзамасских архивистов стал заметным явлением в нижегородском архивоведении и краеведении, а собранные в нем документы обладают значительной ценностью для исследователей и являются весьма репрезентативными с точки зрения изучения процессов развития образования в России XIX — начала XX века.

Ключевые слова: город Арзамас, народное образование, учебные заведения, арзамасские архивисты, сборник документов

Для цитирования: Исаков А.А., Грубов В.И. Образование в дореволюционном уездном городе: публикация архивных документов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 191—198. *Рец. на кн.:* Учебные заведения г. Арзамаса в XIX — начале XX века: сборник документов / сост. Н.С. Кондратьева, А.Н. Кузьмина, И.Г. Потороева. Нижний Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2021. 492 с.

В 2021 г. специалисты Государственного архива Нижегородской области, г. Арзамас (далее — ГАНО, г. Арзамас) выпустили в свет очередной тематический сборник документов, посвященный актуальной проблематике, на этот раз — истории арзамасского образования. Удачные публикации документов периода Первой мировой и Великой Отечественной войн, подготовленные тем же коллективом, задали высокую планку и для рецензируемого труда [Город Арзамас...; Благотворительная деятельность...]. Причем сборник, посвященный благотворительности в годы Первой мировой войны, в некоторой степени уже положил начало работе, итоги которой подводит

© Исаков А.А., Грубов В.И., 2024

настоящее издание (в нем было опубликовано немало документов о поддержке именно образовательных учреждений в 1914—1917 гг.).

Тема развития системы образования в дореволюционной России весьма перспективна для исследования на местном уровне. Поскольку образовательные учреждения начального и среднего общего, а также начального профессионального образования всегда находились на содержании местных властей и городских или уездных обществ, они становились фондообразователями именно местных, а не центральных архивов. При этом учреждения среднего общего и начального профессионального образования являлись самостоятельными фондообразователями, а история начальных училищ откладывалась в фондах органов управления губернией, городом и уездом в целом или его специализированных подразделений. Архивисты представили в сборнике документы из 12 фондов ГАНУ, г. Арзамас (из которых девять — фонды учебных заведений) и трех фондов Центрального архива Нижегородской области (далее — ЦАНО), что делает сборник репрезентативным в рамках заявленной проблематики.

Составители сборника, конечно, не смогли охватить необъятное и были вынуждены поставить перед собой ограниченные, но выполнимые задачи. Прежде всего, географические рамки сборника охватывают только город Арзамас. Единственное значимое исключение было сделано для расположенного вблизи города села Выездная слобода (ныне — р.п. Выездное). Безусловно, развитие образования в Арзамасском уезде — отдельная тема, но и уровень новизны вводимых в оборот документов оказался бы существенно выше, тем более что богатый фонд Арзамасского училищного совета (ГАНУ, г. Арзамас. Ф. 10) составителями использовался. Но даже если публикуемый документ и содержал сведения об уездных училищах, соответствующие его разделы из публикации изымались (Док. 79).

Хронологические рамки, напротив, определены достаточно общим образом как XIX — начало XX века. Самый ранний документ датирован 1810 годом, самый поздний — летом 1918-го. Документальные сведения о возникновении и развитии образования в Арзамасе в более ранний период времени взяты из соответствующих обзоров, готовившихся для министерства народного просвещения в 1826 и 1828 гг. (Док. 9, 10), что обусловлено отсутствием более репрезентативных документов в фондах архивов области.

Наконец, объектом исследования выступает не система образования в целом, а только институализированные учебные заведения, являвшиеся фондообразователями. Однако составители по возможности преодолевают этот недостаток: в сборнике есть документы, иллюстрирующие даже работу домашних учителей середины XIX века (Док. 22, 23). Отдельно оговаривается отсутствие документов о деятельности художественной школы А.В. Ступина, равно как и других частных учебных заведений, ввиду отсутствия документов в фондах архивов Арзамаса и Нижнего Новгорода.

Сборник предваряет обстоятельное предисловие, задачей которого является преодоление фрагментарности существующих исследований и создание «четкой картины становления образования в городе» (С. 6)*. На данный момент это один из немногих обобщающих очерков темы, охватывающий ее

---

* Здесь и далее ссылки на рецензируемый сборник документов «Учебные заведения г. Арзамаса в XIX — начале XX века» приводятся в тексте с указанием в скобках буквы С. и страницы.

историографию, описывающий логику эволюции законодательства Российской империи в области образования и кратко, но с большим количеством подробностей характеризующий историю всех основных учебных заведений Арзамаса отмеченного периода.

В то же время не стоит спешить соглашаться с авторами предисловия в критической оценке историографии проблемы. Судя по списку использованной литературы, в процессе работы недостаточно использовались достижения даже арзамасских историков. Говоря о первых шагах образования в нашем городе, авторы предисловия ссылаются на анонимную публикацию из «Журнала министерства народного просвещения» за 1849 год (С. 10), хотя уже известно, что она принадлежит родоначальнику арзамасского краеведения П.И. Пискареву [Наследие архивиста...: 11]. Также не упомянуты публикации советского периода, принадлежавшие директору арзамасского госархива А. Кожухову [Кожухов] и корифею арзамасского краеведения П.В. Еремееву [Еремеев 1976; Еремеев 1989]. Проявлена избирательность и в отношении научных публикаций 2000—2020 гг. В частности, не использованы труды М.В. Аникиной (Казачок), активно работавшей в этом направлении и создавшей музей истории Арзамасского пединститута, включавший в себя и материалы, посвященные образованию в Арзамасе в целом [Аникина; Казачок].

В очерковой части предисловия авторам иногда следовало бы корректнее описывать специфику учебных заведений того времени. Например, отмечается, что Арзамасское городское четырехклассное училище «на самом деле ... состояло из трех классов», «первого класса при учебном заведении не было» (С. 11). Это верно объясняется тем, что роль первого класса играли приходские училища. Однако следовало бы добавить, что четвертый класс в городском училище состоял из двух отделений, являвшихся отдельными учебными коллективами, и поэтому программа все равно осваивалась четыре года (если же в параллели формировался второй класс, то он назывался дополнительным). А так у читателя складывается впечатление, что в городском училище обучались три года.

Наконец, именно в предисловии становится очевидным основной недостаток структуры сборника — 201 документ в нем выстроен в одной лишь хронологической последовательности, без разбивки на тематические разделы. Точно так же построено и предисловие; авторы переходят от очерка одного учебного заведения к очерку другого часто без логической связи, в итоге оборвав текст на истории Арзамасской учительской семинарии. Гораздо выигрышней, на наш взгляд, было бы тематическое построение материала, в котором стоило выделить разделы для уездного (городского) и приходских училищ, духовного училища, женской гимназии, реального училища, школы ремесленных учеников, учительской семинарии. Соответствующие фрагменты предисловия как нельзя лучше подошли бы на роль вводной информации к разделам. Тем более, что и фактически документы идут, как правило, массивами, чаще всего связанными с процедурой открытия или реорганизации соответствующих учебных заведений.

Составители тщательно охарактеризовали принципы отбора и издания документов. Следует заметить, что не все документы в сборнике опубликованы целиком, однако сделанные изъятия всегда оговариваются, читатель может получить представление об их содержании. Для удобства работы документы опубликованы в современной орфографии, описки и орфографические ошибки в них исправлены, каждый документ снабжен информативным

редакторским заголовком, а сборник в целом сопровождают именной и географический указатели, список сокращений и терминологический словарь. Все это делает издание удобным в работе не только для специалистов, но и для всех интересующихся историей образования и родного края. И это особенно важно, так как позволяет нашим современникам глубже познакомиться с историей учебных заведений (некоторые из которых имеют школы-преемницы в современном Арзамасе) или даже своей семьи, причем сделать это по качественно опубликованным историческим источникам, а не из вторых рук.

С какими же историческими сюжетами позволяют ознакомиться документы сборника? Первые 25 документов описывают положение учебного дела в дореформенной России (1810—1859 гг.). Многие из них извлечены из фондов ЦАНО, все относятся к документам органов управления образованием. Двадцать из них содержат информацию об уездном и приходских училищах, один — о духовном училище, два — о работе домашних учителей, еще два являются историческими обзорами.

Число документов резко увеличивается в годы подготовки и проведения Великих реформ (Док. 26—68). Самым документально обеспеченным сюжетом сборника в это время является становление женского образования в Арзамасе, которое прослеживается преимущественно через историю Екатерининской женской гимназии, а также женских приходских училищ Арзамаса и Выездной слободы. Этот сюжет хорошо разработан арзамасскими историками [Грубов; Сидорова], но целостная документальная картина создания и стремительного развития женской школы в Арзамасе развернута перед читателем впервые. Второй сюжет этой эпохи, раскрываемый документами сборника, — это история духовного образования в пореформенной России, представленного Арзамасским духовным училищем. Особенно интересны бытовавшие при Александре II планы по преобразованию его в мужскую прогимназию, исходившие, как ни странно, от выездновского священника Н.И. Сахарова (прадеда академика А.Д. Сахарова). Впрочем, монографическое исследование, посвященное Арзамасскому духовному училищу, также уже существовало [У истоков духовного наследия...; Курдин].

Период с 1881 по 1901 год представлен документами, отражающими деятельность Арзамасского городского четырехклассного и приходских училищ (Док. 69—103). Подборка очень репрезентативна. Документы позволяют проследить процесс реорганизации этих учебных заведений, состав учащихся и учителей, способы финансирования, учебную программу, внеучебную деятельность, вопросы содержания библиотек. При этом сам сюжет в меньшей степени был востребован исследователями ранее (см., например: [Третьякова]), что повышает степень новизны опубликованных в сборнике материалов.

Период 1902—1914 гг. представлен документами, позволяющими не только отследить историю уже упомянутых учебных заведений, но и глубоко раскрыть предпосылки и процесс организации целой группы новых учебных заведений — реального училища, школы ремесленных учеников и учительской семинарии (Док. 104—169). Из документов видно, что к началу XX века торгово-промышленный город Арзамас остро нуждался в образовательных учреждениях, удовлетворявших потребностям индустриальной экономики. Местное общество было готово финансировать их, строить для них капитальные здания, оказывать разностороннюю поддержку ученикам и педагогам. Интересны документы, посвященные работе попечительного совета Арзамасской школы ремесленных учеников (АШРУ), а также уникальный пример

благотворительности москвича М.С. Колесникова, обеспечившего эту школу необходимым инвентарем со своих подмосковных производств, поскольку ее учителем-инспектором был его сын А.М. Колесников. АШРУ также посвящена обстоятельная литература [Воробьева 2010; Воробьева 2012; Воробьева 2014; Гордеевцев], однако даже на ее фоне подборка документов обладает существенной новизной. Менее отмечено интересом исследователей реальное училище. Чаще его истории касались в связи обучением в нем Аркадия Голикова [Исторический дневник...] и видных арзамасских большевиков.

Не случайно последним учебным заведением, открытым до революции в Арзамасе, стала в 1908 г. мужская учительская семинария, призванная обеспечить кадрами начальную школу, выпускники которой должны были пополнить ряды, прежде всего, реалистов и ремесленных учеников. К сожалению, именно семинария стала единственным арзамасским учебным заведением, так и не получившим собственного здания. Сборник разносторонне раскрывает работу учительской семинарии даже на фоне имеющихся публикаций о ней в исследовательской литературе [Дунаева; Саечников].

Документы 170—201 посвящены развитию учебных заведений Арзамаса в условиях Первой мировой войны и революции 1917 г. Здесь рассматриваются вопросы вызванных военным временем изменений в учебном процессе (Док. 197), участию в подготовке вольноопределяющихся (Док. 176), предоставления отсрочек от призыва педагогам и обучающимся (Док. 174, 177), выполнения государственного военного заказа (Док. 185, 187) и, наконец, объективных трудностей, вызванных условиями войны на истощение. Самый показательный сюжет здесь — это кризис АШРУ, в 1916 г. едва не закрывшейся из-за невозможности профинансировать горячее питание учеников [Благотворительная деятельность в г. Арзамасе и Арзамасском уезде...; док. 179, 198, 199], но сохраненной и уже летом 1917 г. повысившей свой уровень до ремесленного училища по сельскохозяйственному машиностроению (Док. 199) — а это уже среднее профессиональное образование [Исаков, Пичугина: 89—95; Данилина, Исаков: 74—76].

Немало документов посвящено явлениям, вызванным к жизни именно реалиями военного времени. Одно из них — дополнительное образование инвалидов войны, для которых открывались ремесленные курсы при АШРУ (Док. 196), а также вообще взрослых, вызванное острой нехваткой кадров (Док. 189, 195). Сборник иллюстрирует и такую деликатную проблему, как открытие национальных школ для детей беженцев. Представлен процесс организации польского начального училища (Док. 190) и еврейского хедера (Док. 186, 192). Наконец, есть документы, иллюстрирующие влияние военного и революционного времени на саму культуру учащихся и учащих, например, факт отмены цифровой системы отметок в реальном училище в январе 1916 г. (Док. 179) или поддержка педсоветом реального училища ходатайства выпускников о поступлении в высшие учебные заведения «без испытания или по жребию» (Док. 198).

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод, что новый сборник арзамасских архивистов снова стал заметным явлением в нижегородском архивоведении и краеведении. Несмотря на высказанные замечания, собранные в нем документы обладают значительной ценностью для исследователей, являются весьма репрезентативными с точки зрения изучения процессов развития образования в России XIX — начала XX века.

Список источников

- Благотворительная деятельность в г. Арзамасе и Арзамасском уезде в 1914—1917 гг.: сб. док. / сост. И.Г. Зайцева, Н.С. Кондратьева, А.Н. Кузьмина. Нижний Новгород: Центральный архив нижегородской области, 2019. 452 с.
- Город Арзамас и Арзамасский район в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: сб. док. / сост. И.Г. Зайцева, Н.С. Кондратьева, А.Н. Кузьмина. Н. Новгород: Центральный архив нижегородской области, 2015. 168 с.
- Еремеев П. Истоки. К истории народного образования в Арзамасе // Арзамасская правда. 1989. 25 октября. № 171. С. 4.
- Еремеев П. Как учились крестьянские дети // Арзамасская правда. 1976. 25 августа. С. 4.
- Исторический дневник. Арзамасская альма-матер / сост. Е.В. Бундакова и др. Саров: Интерконтакт, 2019. 347 с.
- Кожухов А. Арзамасское реальное // Арзамасская правда. 1974. 9 октября. С. 4.
- Наследие архивиста. Собрание трудов П.И. Пискарева / сост., подготовка текста и комментарии И.В. Кудряшова, Ю.А. Кудрина. Нижний Новгород: ННГУ, 2017. 533 с.
- У истоков духовного наследия: документы и материалы / авт.-сост. М.В. Аникина, Е.П. Титков. Арзамас: АГПИ, 2009. 376 с.

Список литературы / References

- Аникина М.В. «Быть по сему». К 150-летию Арзамасской Екатерининской женской гимназии // Арзамасская сторона: альманах. Вып. 6. Арзамас: АГПИ, 2012. С. 429—437.
- (Anikina M.V. "To be according to this". To the 150th anniversary of the Arzamas Catherine Women's Gymnasium, *Arzamas side: almanac*, iss. 6, Arzamas, 2012, pp. 429—437. — In Russ.).
- Воробьева О.В. Арзамасская школа ремесленных учеников: этап становления (1903—1909 гг.) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 7. Арзамас: АГПИ, 2010. С. 114—122.
- (Vorobyova O.V. Arzamas school of craft students: the stage of formation (1903—1909), *Questions of archival science and source studies in higher school: A collection of materials of the conference*, iss. 7, Arzamas, 2010, pp. 114—122. — In Russ.).
- Воробьева О.В. К вопросу об истории Арзамасской школы ремесленных учеников // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов X Региональной научно-практической конференции (13 декабря 2012 г.). Вып. 9. Арзамас: АГПИ, 2012. С. 130—135.
- (Vorobyova O.V. On the history of the Arzamas school of craft students, *Questions of archival studies and source studies in higher education: Collection of materials from the X Regional Conference*, vol. 9, Arzamas, 2012, pp. 130—135. — In Russ.).
- Воробьева О.В. Становление и развитие среднего профессионального образования в Арзамасе // Карповские чтения: Сборник статей. Вып. 5. Арзамас: АФ ННГУ, 2014. С. 343—350.
- (Vorobyeva O.V. Formation and development of secondary vocational education in Arzamas, *Karpov's readings*, iss. 5, Arzamas, 2014, pp. 343—350. — In Russ.).
- Гордеевцев И.А. «По высочайшему повелению...»: Очерки истории Арзамасского политехнического колледжа им. В.А. Новикова. Нижний Новгород: Штрих-Н, 2010. С. 51—67.
- (Gordeevtsev I.A. "By the highest command...": Essays on the History of the Arzamas Polytechnic College named after V.A. Novikov, *Nizhnii Novgorod*, 2010, pp. 51—67. — In Russ.).
- Грубов В.И. О женском среднем образовании в российской провинции второй половины XIX века (на примере г. Арзамаса Нижегородской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (45), ч. 1. С. 42—44.

- (Grubov V.I. About women's secondary education in the Russian province of the second half of the XIX century (on the example of Arzamas, Nizhny Novgorod province), *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2014, no. 7 (45), part 1, pp. 42—44. — In Russ.).
- Данилина Р.А., Исаков А.А. У добрых дел есть имена. Арзамас: АФ ННГУ, 2021. С. 74—76.
- (Danilina R.A., Isakov A.A. Good deeds have names, Arzamas, 2021, pp. 74—76. — In Russ.).
- Дунаева Е.В. Арзамасская учительская семинария в системе педагогического образования России (по документам ГАНУ, г. Арзамас за 1908—1919 гг.) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XIV Региональной научно-практической конференции. Вып. 13. Арзамас: АФ ННГУ, 2017. С. 87—93.
- (Dunaeva E.V. Arzamas Teachers' Seminary in the system of pedagogical education in Russia, *Questions of archival science and source studies in Higher school: Collection of materials of the Conference*, iss. 13, Arzamas, 2017, pp. 87—93. — In Russ.).
- Исаков А.А., Пичугина Е.А. Попечительство в профессиональном образовании Арзамаса второй половины XIX — начала XX века // Вопросы исторического и экологического регионоведения: сборник статей участников Региональной научно-практической конференции. Арзамас: АФ ННГУ, 2020. С. 89—95.
- (Isakov A.A., Pichugina E.A. Guardianship in professional education of Arzamas of the second half of the XIX — early XX century, *Questions of historical and ecological regional studies: Collection of the participants of the Conference*, 2020, pp. 89—95. — In Russ.).
- Казачок М.В. Развитие народного образования в Арзамасе в конце XIX — начале XX веков // Арзамасская сторона. 2004. № 4. С. 13—23.
- (Kazachok M.V. The development of public education in Arzamas in the late XIX — early XX centuries, *Arzamas side*, 2004, no. 4, pp. 13—23. — In Russ.).
- Курдин Ю.А. Из истории становления Арзамасского Духовного училища // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 7. Арзамас: АГПИ, 2010. С. 5—13.
- (Kurdin Yu.A. From the history of the formation of the Arzamas Theological School, *Questions of archival science and source studies in higher school: A collection of materials of the conference*, iss. 7, Arzamas, 2010, pp. 5—13. — In Russ.).
- Саечников В.С. Из истории Арзамасской учительской семинарии // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: материалы научно-практических конференций «80 лет архивной службе в г. Арзамасе» и «Вопросы архивоведения и источниковедения». Арзамас: АГПИ, 2005. С. 77—97.
- (Saechnikov V.S. From the history of Arzamas Teachers' Seminary, *Questions of archival science and source studies in higher education: Materials of the conference*, Arzamas, 2005, pp. 77—97. — In Russ.).
- Сидорова Е.В. Арзамасская Екатерининская женская прогимназия во второй половине XIX века // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: материалы конференций «80 лет архивной службе в г. Арзамасе» и «Вопросы архивоведения и источниковедения». Арзамас, 2005. С. 42—45.
- (Sidorova E.V. Arzamas Catherine Women's Gymnasium in the second half of the XIX century, *Questions of archival science and source studies in higher education: Materials of the conference*, Arzamas, 2005, pp. 42—45. — In Russ.).
- Третьякова Т.А. Арзамасская средняя школа № 2 им. А.С. Пушкина: вехи истории // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов науч.-практ. конференции. Вып. 7. Арзамас: АГПИ, 2010. С. 111—114.
- (Tretyakova T.A. Arzamas Secondary School No. 2 named after A.S. Pushkin: milestones of history, *Questions of archival science and source studies in higher school: A collection of materials of the conference*, iss. 7, Arzamas, 2010, pp. 111—114. — In Russ.).

**EDUCATION IN A PRE-REVOLUTIONARY COUNTY CITY:
PUBLICATION OF ARCHIVED DOCUMENTS.**

Book Review: Educational institutions of Arzamas in the XIX — early XX century: a collection of documents / comp. N.S. Kondratieva, A.N. Kuzmina, I.G. Potoroeva. Nizhny Novgorod: The Central archive of the Nizhny Novgorod region, 2021. 492 p.

Alexei A. Isakov, Vladimir I. Grubov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas, Russian Federation, blauer-reiter@yandex.ru, grubov_v@mail.ru

Abstract. Readers are invited to review the thematic collection of documents “Educational institutions of Arzamas in the XIX — early XX century”, prepared by Arzamas archivists. The review notes the prospects of research at the local level of the education system in pre-revolutionary Russia, highlights the advantages of the named collection and indicates its weaknesses. According to the reviewers, the general conclusion is as follows: the new collection of Arzamas archivists has become a noticeable phenomenon in Nizhny Novgorod archival science and local history, and the documents collected in it have significant value for researchers and are very representative from the point of view of studying the processes of education development in Russia of the XIX — early XX century.

Keywords: Arzamas, public education, educational institutions, Arzamas archivists, collection of documents

For citation: Isakov A.A., Grubov V.I. Education in a pre-revolutionary county city: publication of archived documents, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 191—198. *Book Review: Educational institutions of Arzamas in the XIX — early XX century: a collection of documents*, comp. by N.S. Kondratieva, A.N. Kuzmina, I.G. Potoroeva, Nizhny Novgorod: The Central archive of the Nizhny Novgorod region, 2021. 492 p.

Статья поступила в редакцию 28.11.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 19.01.2024.

The article was submitted 28.11.2024; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 19.01.2024.

Информация об авторах / Information about authors

Исаков Алексей Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, blauer-reiter@yandex.ru

Isakov Alexei Alexandrovich — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of History, Social Studies and Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas, Russian Federation, blauer-reiter@yandex.ru

Грубов Владимир Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, grubov_v@mail.ru

Grubov Vladimir Ivanovich — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History, Social Studies and Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas, Russian Federation, grubov_v@mail.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2024. Вып. 1**

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андреяновой*

Дата выхода в свет 28.03.2024 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 16,8.
Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 100 экз. Заказ № 12. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8

☎ +7 (930) 330-26-40. E-mail: print@pressto-ipk.com

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год